

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Михель
Мир, который не вернуть
Том 2: Год Первый

Павел Олегович Михель
Мир, который не вернуть.
Том 2: Год Первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63402077

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой – подросток, который был резко брошен в опасный новый мир. Он уже потерял многое, но и кое-что приобрёл. Теперь же ему предстоит дальнейший путь в одиночку в мире, где неизвестно: кто враг, а кто друг. Содержит нецензурную брань.

Содержание

День ??-67	5
День 68-72	25
День 92	58
День 140-142	95
День 165	132
День 188-189	149
День 260-262	198
День 278	242
День 351-352	264
День 377-385	315
День 434	359

Павел Михель

Мир, который не вернуть.

Том 2: Год Первый

Посвящаю всему человеческому роду.

День ??-67

Я очнулся от резкой боли в затылке. Глаза с тяжестью открылись.

Какие-то громкие звуки и гудение... звуки мотора. Маленький кузов, но достаточно высокий, чтобы я мог сидеть в полный рост, и ещё сверху оставалось немного.

На руке было что-то холодное и тяжёлое – она была прикована наручниками к металлической трубе. Я был весь грязный, перепачканный почерневшей кровью и грязью. Особенно руки были в грязи. Машина иногда чуть-чуть подпрыгивала, и от этого ударялся головой об металлический угол.

Напротив, сидел человек в грязной, мешковатой одежде. На его лице были странные очки с толстой оправой, как будто из старого фильма. Что действительно было удивительно, так это то, что он был темнокожим. В одной руке он держал блокнот и ручку, а второй придерживал коробку в ногах. Он смотрел через окошко на улицу.

Машину тряхнуло, и он обернулся:

– Вижу, проснулся, – сказал неизвестный. И, что меня ещё больше удивило, совсем без акцента. – Может воды?

– Кто ты? – протянул я. Из-за сухости во рту было тяжело говорить.

– А ты не помнишь? – удивился он. – Ты укусил моего друга. Мы тебя закрыли. Зетс олл.

Я непонимающе посмотрел – «Какой друг? кто ты вообще?».

«Надо валить отсюда», – сказал Голос.

– Не помню, – тихо сказал я, глядя на него. Неизвестный сделал запись в блокнот. – Где... где мальчик?

– Мальчик?

– Да... где мой друг?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Ты был один, когда тебя нашли. Сочувствую.

– Ясно... – тихо сказал я. Мне стало горько, но заплакать не мог.

Прошло несколько секунд молчания.

– Так-с, ладно... Что же ты помнишь тогда? – парень внимательно смотрел на меня. – Может, ты хотя бы расскажешь, что за хуйня здесь творится? Или ты вообще ничего не помнишь?

– В смысле, «что творится»?

– В прямом: вокруг и, в частности, с людьми. Что за болезнь? Почему люди кусаются? Где, блять, вообще все? Военные, учёные, правительство? – он говорил быстро, но спокойно. Даже как-то положительно оживлённо.

Меня шокировали его слова. Кажется, будто прошла целая вечность, а здесь такое...

– А с чего мне тебе отвечать? – тихо ответил я. Голова адски болела.

– Можешь не отвечать. Только в этом случае я не смогу

помочь тебе, смекаешь?

– Помочь?.. С чем?

– С твоими проблемами, очевидно? – незнакомец указал на запястье правой руки, которая у меня была прикована. – Так ты согласен? О вот?

«Он что-то мутное задумал. Осторожнее».

– А у меня есть выбор? – в голове был туман. Нужно было сосредоточиться...

Я пытался вспомнить хотя бы то, что происходило недавно, но никак не мог собрать картинку воедино – какие-то обрывистые образы, слова...

– А это тебе решать. Хочешь – я попрошу, машину оставят, мы тебя высадим, и дело с концом – как идея? Мне, если честно, всё равно на тебя. Это моей подруге тебя жалко стало. По тебе-то видно, что ты не из этих, но кто знает...

Я всё никак не мог понять как он ко мне относится – казалось, будто он был отстранён от меня и закрыт. И не понять: бояться его или довериться.

– Не надо... – ответил я. – Я... постараюсь ответить. Только... дай воды... тяжело говорить... сухо.

Он достал из коробки небольшую бутылку.

– Только без глупостей, ладно? – проговорил он, садясь рядом и открывая бутылку.

Я с жадностью накинулся на воду – так, будто очень давно не пил. Сначала она больно резанула горло, но спустя секунду уже всё прошло. Я чуть-чуть подавился и прокашлялся.

Стало легче.

– Гу-уд... – протянул он. – Так, что тут происходит, м?

– А что ты знаешь?

– Почти ничего, так что лучше рассказывай всё.

– Ладно... я... – мне тяжело было собраться, не мог понять с чего начать. – Ладно...

В голове была каша. Я пытался вспомнить, но в голову приходили лишь обрывки воспоминаний, образы, звуки, отдельные слова, детский смех... Примерно через минуту удалось вспомнить отчётливо один момент. Я шёл по лесу...

* * *

Идти было тяжело. Гудели ноги, болела спина... Не помню даже, сколько времени мы шли. Кажется, что целую вечность. И всю эту вечность, вокруг было одно и то же: тёмные голые деревья, чугунное серое небо.

Но, несмотря на всё это, Максим всё так же был полож энергии. Он сидел у дерева, затем резко подорвался и побежал вперёд, за густые кустарники. Совсем скоро послышался голос:

– Смотри-смотри, что тут! – крикнул он где-то вдалеке. Я побрёл в сторону голоса.

– Может, ты не будешь кричать? – протянул я. – Здесь... здесь могут быть восставшие.

Выйдя из густых кустарников, я чуть не упал, но вовремя

схватился за ветку оголённого дерева – впереди был небольшой овраг, дно которого устлано тонким покрывалом жёлтых листьев.

Максим стоял внизу, ковыряясь между деревьев. Я аккуратно сел на край земли, и спрыгнул вниз. Листья предательски зашелестели. Максим обернулся на звук, и весело улыбнулся:

– Смотри, что тут, – при моём приближении, он отступил в сторону. Между деревьями что-то было. Это была чья-то рука. – Я его случайно нашёл... он, он ещё мычит, смотри!

Максим поднял с земли маленькую палочку, и ткнул ею в торчащую руку. «Оно» промычало что-то непонятное.

– Это лишь рука. Значит, с другой стороны другая его часть, – Максим, подпрыгивая, побежал за дерево. Я пошёл следом.

Это был крупный восставший: большой, высокий, мясистый мужчина. Мне показалось это странным, особенно учитывая тот факт, что мы были на километры вокруг в глухом лесу.

Из его головы беспорядочно торчали мелкие волоски, как щетина, а лицо было круглым и каким-то глупым. Своеобразный «шкаф». Одна его рука намертво застряла между стволами деревьев, а вторая лежала, оторванная, рядом, оголяя грязный плечевой сустав. Она была вырвана чуть ли не с корнем. Холодок прошёлся по спине – мне стало как-то не по себе, как будто меня облили грязью.

“Оно” смотрело в землю перед собой, не обращая на нас никакого внимания. Восставший был как-то странно одет, по-летнему: майка и шорты.

– Он какой-то странный, – тихо сказал я, чувствуя омерзение и страх.

Нам уже давно никто не попадался. Ни людей, ни восставших. Вообще не помню, когда видел что-нибудь кроме этого бесконечного серого леса.

Максим неожиданно достал нож:

– С ним можно повеселиться, знаешь? А то, как-то, скучно просто так ходить по лесу. Ни белок, ничего, одни листья... – сказал он с неким энтузиазмом, и подошёл ко мне, протягивая рукоятку. – Держи.

Я непонимающе посмотрел на него.

– Зачем? – рефлексивно я сделал несколько шагов назад.

– Будем тебя учить новым правилам жизни, – ответил Максим. – Да ты не бойся. Это же как в играх. Всего-то, закончить его страдания – разве это плохо?

Максим пугал своими словами. Это не выглядело шуткой.

– Максим... зачем мне это делать? – мой голос ломался. – Может, ты сам? – из рук выпал нож, но Максим сам его подобрал.

– Зачем? – переспросил он и резко подошёл ко мне вплотную, пристально всматриваясь мне в глаза, снизу вверх. Мне стало ещё больше не по себе. На его лице больше не было весёлой улыбки. Это точно была не игра. Он прошептал: –

Потому что если не ты, то тебя.

– Но... Я не могу. Это... это же человек! – тело предательски не двигалось.

Максим с силой схватил мою руку и, вложив в неё нож, отошёл в сторону. Нож был, хоть и небольшим, но лёгким. Холодный металл был будто зачарованный.

– Нет... – тихо простонал я, но уже не мог отдавать себе отчёт. Внутри будто что-то щёлкнуло, страх отступил, и нож поглотил меня полностью. Рукоятка была из гладкого дерева. Я решил проверить лезвие и слегка провёл пальцем – кожа в миг разошлась, появилась кровавая капля.

– Ты должен уметь это делать без раздумий, понимаешь? – сказал Максим. – Либо ты, либо тебя. Третьего нет, особенно сейчас. Это, – он указал на восставшего, – уже не люди. Это зараза, которую необходимо истреблять. – Максим достал маленький складной ножик из кармана куртки. – Смотри.

Он подошёл и с лёгкостью, даже какой-то грацией, воткнул нож в шею восставшему. «Оно» шевельнулось, и посмотрело в мою сторону пустыми тёмными глазами.

Под лезвием вяло протянулась тёмная струйка. По телу снова прошёлся холодок. Максим, с той же лёгкостью, достал нож, вытер его об землю, но класть обратно не торопился.

– Теперь твоя очередь, – он отступил в сторону.

– Я... не хочу... – тихо проговорил я, но всё же нерешительно подошёл к восставшему. Каждый шаг давался тяже-

лее, чем предыдущий. Восставший непонятно шевелил губами. Я встал перед ним в ступоре. Внутри меня будто всё кричало: «Беги! Беги!!». Но я не бежал.

– Чего ты ждёшь? – спросил Максим. – Это же так просто: вставил, достал, и всё.

Я несколько раз замахивался, но так и не смог нанести удар. Я встал, пытаюсь собраться с силами.

– Ну же! – Максим уже терял терпение.

Я замахнулся ещё для одного удара, и, как и в прошлые разы, остановился у самой головы. Гнилые зубы были так близко к моей коже... ещё совсем чуть-чуть, и конец...

Внезапно, Максим взял мою руку сзади и довёл нож в голову до самой рукояти. Я не успел понять, что произошло, и как это случилось. Нож вошёл в голову, словно в масло.

Голова восставшего с тяжестью упала вниз, теперь он избавился от бесконечного кошмара.

– Видишь, это просто, – тихо сказал Максим, и встал рядом.

Руки дрожали, я не мог пошевелиться, всё вращалось перед глазами. Я смотрел на руку, в которой был нож, и не мог понять, что происходит, всё вертелось, затошнило.

– Достань нож, не бойся, – сказал Максим. Он заметно повеселел. – Думаю, ты откажешься, а я вот повеселюсь с ним ещё.

– В каком смысле «повесишься»? – тихо спросил я.

– Узнаешь, – в голосе его звучали весёлые нотки. Я понял:

для него это было игрой, не более. – Ну же, я не смогу всё делать за тебя всегда.

– Но... я не могу! Руки не слушаются! – я сорвался на крик. Его голос сильно давил.

– Тише, успокойся. Смотри, он теперь безобидный. Его нечего бояться, – Максим обхватил его голову и покачал несколько раз. – Видишь?

– Но... – я попытался возразить, но Максим резко меня оборвал:

– Без «но». Делай.

Я послушно достал нож трясущейся рукой. Пришлось сильнее сжать руку, чтобы рукоятка не проскальзывала в руках. Всё ещё в шоке, я отступил назад на несколько шагов, споткнулся о выступающий из земли корень, и упал. Максим не обратил на меня никакого внимания, и весело прыгал возле трупа, радостно махая ножом перед ним. Он кое-как перевернул тело лицом к небу, и внезапно встал перед ним. Некоторое время он так простоял, а потом взял восстановшего за ноги, и потянул в сторону, в результате чего тот растянулся всем телом кверху.

– Так-с... с чего бы начать? – сказал Максим с каким-то извращённым предвкушением.

Он постоял немного, а затем резко вонзил нож в бок восстановшему, и с силой потянул в сторону, пытаясь разрезать плоть. От трупа пошла тошнотворная вонь. На его майке появилось тёмное пятно, которое резко начало расти в разме-

рах. Максим смеялся, он раздвинул в теле щель, и запустил туда руку.

От всего этого меня стошнило. Я еле успел отвернуться в сторону, чтобы больше не смотреть на это.

– Что ты делаешь?! – закричал я. В ответ на это Максим лишь ещё больше припадочно рассмеялся, ничего не ответил.

Неожиданно он подбежал ко мне и схватил за руки. Меня ещё раз стошнило, хоть я и думал, что больше уже нечем. Было тяжело дышать. Максим измазал мои руки в чём-то чёрном, а затем убежал. Некоторое время меня ещё подташнивало. Я со злобой смотрел на него, а он весело убежал обратно.

Вспоров живот, он достал сгнившие внутренности, и радовался, держа их в руках как какую-то драгоценность. Это зрелище было настолько отвратительным, но я уже не мог отвернуться.

– Смотри, какие длинные! Фу! – Максим рассмеялся, затем он сделал разрез по всей длине груди и, раздвинув руками, оголил поломанные кости.

– Что тут у нас... Так, интересно, а что у него с сердцем? У такого здоровяка должно быть огромное сердце! – Максим запустил руку в щель, и тихо добавил: – Жесть какая-то... как они ходят? У них же всё сгнило внутри.

Он улыбнулся, и извлёк тёмный кусок. Он едва помещался на его двух ручонках:

– Вон оно! Вот! Смотри! Да уж, действительно огромное! – он говорил это с каким-то маниакальным восторгом.

Если бы в желудке что-то оставалось, вышло бы сейчас. Но ничего уже не было.

Я снова не выдержал:

– Зачем ты это делаешь? Прекрати! Остановись! Остановись! Остановись!..

На несколько секунд повисла тишина. Максим смотрел на меня вопросительно.

– Мне же интересно... а тебе, разве, нет? – наконец, ответил он, и снова принялся копать внутри.

После его слов всё потемнело. Мощные стволы деревьев согнулись, голову объял туман бесчувствия. Он захватывал всё, как снежная лавина захватывает всё, пока не достигнет своего конца. Максим вместе с трупом исчез где-то внутри этого тумана, а после и я оказался там же.

Всё оборвалось в секунду.

* * *

Помимо этого, я рассказал ему о начале, обо всём, что помнил: о начале болезни, о временных лагерях, о магазине, а дальше всё было в тумане.

– Интересно-интересно... – проговорил мужчина, записывая в блокнот. – Ещё что-нибудь помнишь?

Пока рассказывал, успел рассмотреть его лучше: грязная

зелёная тканевая куртка, тёмные джинсы. На левом колене было светлое протёртое пятно.

– Не могу... болит голова...

– Ты не спеши. Знаешь, некуда спешить.

Я пытался вспомнить ещё что-нибудь более-менее ясное, но ничего не удавалось. Что-то неприятное маячило, но я всё никак не мог вспомнить, что это. Оно постоянно ускользало...

– Не могу... всё... в тумане... Есть что-то, но оно постоянно ускользает... – в голову резко ударила волна боли. В глазах потемнело. Я машинально схватился за голову свободной рукой.

– Можно снять? – тихо проговорил я, слегка приподнимая прикованную руку.

– Необходимая мера предосторожности. Сори, френд. Вдруг ты ещё и меня укусишь. Пока не разберёмся с тобой, что да как, то будешь прикован, – холодно ответил он.

– Со мной всё нормально! – крикнул я, но это отозвалось в голове новой болью.

– Факты говорят об обратном.

– В смысле?

– Ты весь в крови, понимаешь? – темнокожий ручкой указал в мою сторону. А потом тихо добавил: – Но после твоих слов теперь яснее, что происходит. Ну, знаешь, и с тобой, и вообще, – он помолчал несколько секунд. – Знаешь, я бы даже, возможно, мог тебе помочь...

– С чем?

– Как бы тебе сказать... – парень облизал губы. – То, в каком ты был состоянии, когда мы тебя нашли, и то, что ты не можешь ничего вспомнить, говорит об одном: что-то случилось настолько неприятно, что мозг блокирует эти воспоминания. Но тут есть один момент... – тихо проговорил он.

– Какой?

– Если мы и сможем до них докопаться, то есть вероятность, что ты окончательно сойдёшь с ума... Итс нот симпл, мэн... Мозг очень редко так сильно блокирует что-то... но без этого невозможно тебе помочь... Надо знать причину, чтобы искать решение.

– Что? – тихо повторил я. – Но... нет... этого... ничего ведь не было.

– Я не собираюсь с тобой спорить: было, не было, – он вдруг ответил раздражённо. – Если не хочешь – не могу помочь. Мне нужны твои последние воспоминания – это ключ к решению. Без этого я не смогу тебе доверять, да и никто из нас не сможет: неизвестно что ты выкинешь на почве своего больного сознания. И, если не хочешь, я попрошу остановить, мы тебя высадим, и больше никогда не увидимся, – ближе к концу он снова сменил раздражение на сухость.

Меня испугала его резкая смена настроения, но, подумав немного, я понял, что выхода нет: один не смогу выжить, это верная дорога в могилу. Но с другой стороны, меня устрашало представление о болезненном воспоминании. Если он

говорил правду, значит это что-то очень серьёзное.

– Помню... помню какой-то разговор, – с болью пробирался сквозь пелену непонятных воспоминаний. – Обрывки фраз... это... это был наш с ним разговор... с мальчиком ...

– Давай, попробуй вспомнить, может это ключ, – тихо сказал темнокожий.

Я напрягся ещё раз...

* * *

— Тебе нужно быть серьезнее, жёстче, – детский голосок Максима не совсем вязался с такой манерой. Будто за него кто-то говорил. – Понимаешь, социум пал, общества потребителей больше нет. Теперь людям не нужно носить прикрывать свои мелкие пороки в повседневной жизни. Всё, карты на столе, маски сорваны. И тебе необходимо стать хищником, «овца» долго не выживет. Если ты до сих пор веришь в лекарство и что мир станет нормальным, то знай: спасение – бред сумасшедшего. Если бы его изобрели, мы бы не шли по этому треклятому лесу. Сейчас либо ты, либо тебя. Нет ни классов, ни групп, ни прав, ни обязанностей, ни закона, ни порядка – анархия.

– Я не совсем понимаю...

– Позже поймёшь.

– Почему ты говоришь так странно?..

– Странно? Друг, это тебя учит жизни маленький маль-

чик. Это ты бежишь от реальности в свои мечты, где всё хорошо, где текут молочные реки и где ничего не произошло. Это ты не принимаешь действительность. Это ты боялся жить. Это ты боялся сделать шаг к девчонке, что тебе нравилась. Это ты сделал со своим другом... – он осёкся, но через секунду продолжил, не давая мне сказать: – Ты знаешь, что я прав! Что ты так на меня смотришь? Я очень многое о тебе знаю... Костя, ты должен пересмотреть своё отношение к жизни, и свою роль в ней. Иначе ты умрёшь... А ты обещал. Подумай об этом.

* * *

– Вот, кажется, и всё... – боль с новой силой пронзила голову. – Хотя, я вспомнил ещё кое-что...

* * *

Мы шли очень долго. Не помню даже, когда останавливалось. Тело ныло от усталости. Последняя еда кончилась вчера, силы быстро кончались. Мы остановились на передышку.

– Как же я устал, и есть охота... – Максим плюхнулся на землю возле дерева. – Когда уже до трассы дойдём...

Я сел рядом. Не очень хотелось сидеть рядом с Максимом, но это лучше, чем одному.

Земля была холодная и твёрдая. Ноги гудели, а боль в животе сгибала пополам. Пришлось сидеть с поднятыми коленками вверх, но всё равно нужно было прилагать усилия. Думаю, если бы сейчас лёг, то не встал бы уже.

– А ты точно знаешь, куда надо идти? – спросил я.

– Да... я же говорил, что помню карты, которые были у папы на столе. Да и что был тут не раз. Где-то тут он хотел построить небольшой дачный поселок. Помнишь, мы проходили через такое огромное поле?

– Где куча пней валялись?

– Да, это рабочие начинали работать. Срубили деревья, и половину пней выкорчевали... – он резко замолчал.

Я отвернулся, и только сейчас заметил, насколько пустеет мир с наступлением зимы: птиц не было видно, одни только тени ворон перелетали с ветки на ветку, возможно, ожидая добычу в виде нас. Их чёрные глаза-бусинки сверкали с какой-то опасной радостью, как будто они осознавали наше бессилие.

Листья, некогда радовавшие глаз своей силой и цветом, превратились в похоронный прах жизни под ногами, а солнце так и не появилось из-за нескончаемого, и почти непроницаемого, слоя облаков, оставляя нас наедине с этим неприятным миром. Оставался последний природный удар, который, к нашему счастью, ещё не последовал – холод. Это хоть как-то радовало.

– Долго нам ещё идти? – буркнул я недовольно. Даже

злиться не было сил.

– Да мы уже почти пришли, не парься, – Максим усмехнулся. – Тут немного осталось...

– А что потом? – спросил я. – Вот мы выйдем к дороге, а куда потом?

– Естественно, мы пойдём в город. Идя через лес, мы сократили дорогу наполовину. Значит, как только выйдем, останется пройти лишь пару километров.

– Ага, а дальше куда? Там уже полно восставших...

– Это тебе решать.

– Не понял...

– Я всего лишь мальчик. Ты больше меня, сильнее, у тебя есть оружие... – Максим указал на мой рюкзак, где лежал пистолет. – Вот и решай: захочешь, уйдём снова в лес; захочешь, обоснуемся где-нибудь на окраине. Но далеко от города не уйдёшь: там еда, вещи какие-никакие, да и есть где обосноваться. А в лесу или ещё где – мы быстро закончим.

Я откинулся назад, упёршись руками в землю. По небу, будто сбегая отсюда, летела стая птиц, унося меня с собой.

Глаза сами по себе закрылись.

Не знаю, сколько времени прошло, но холод успел проникнуть до костей, и даже, как будто, дальше. Максим сидел рядом, его маленькое спящее лицо выражало полнейшее спокойствие. Он мягко и размеренно дышал.

Тело, налитое свинцом, не давало встать.

– Максим... – тихо позвал я. Результата не было. – Мак-

сим! – я повторил громче. Он лишь слегка промычал. – Максим! – я перешёл на крик. Наконец, он открыл глаза и сонно посмотрел на меня.

– А?.. что?.. – он съёжился и потёрся руками. – Как холодно-то...

– Я встать не могу... – виновато признался я. – Так сильно замёрз, что тело не слушается. Похоже, ноги затекли ещё.

– Сейчас, – ответил Максим, со вздохом встал, даже чуть не упал, но вовремя схватился за ствол дерева.

Он подошёл ко мне и начал поднимать. Ноги были как дубовые палки: не слушались, и не сгибались.

Кое-как, я смог встать слегка поддерживаемый Максимом.

* * *

— Как пират... из мультиков, – тихо подытожил я.

– А что дальше? – спросил парень.

– Мы... Я немного расхотелся, мы вышли к дороге. Нечего больше рассказывать, – ответил я, а затем резко вспомнил: – Я вспомнил кое-что... Боль... Помню, резкую боль в груди, а потом... Потом очнулся здесь.

Болела рука. Наручник сильно натирал.

– Остался последний вопрос, и закончим. Костя – это ведь твоё имя, да? – я кивнул. – Уф... уф-уф-уф... как бы это объяснить... Этого Максима... не существует, понимаешь?

– В смысле «не существует»?

– Это... уф... – он тяжело выдохнул и обхватил рукой шею. – Это проекция твоего сознания, понимаешь? Чтобы снять боль. Вот... – парень, видимо, ждал моего ответа, но я не мог что-либо ответить, и он продолжил: – И мне нужно знать, что было до его появления? Ты помнишь что-нибудь?

– Я... я не понимаю...

– Помнишь, ты говорил, что Максим вскрывал мертвеца? Как это мог сделать ребёнок? Подумай сам: разве ему бы хватило силы? Если это тебя не убедит, посмотри на свою одежду – это всё сделал ты. И когда мы встретили тебя, идущего по обочине, ты странно шёл, даже с кем-то говорил... его никогда не было... Да и еды не хватило бы на вас двоих – сам подумай.

– Но... как же?.. нет...

– Прошу, послушай, ты помнишь что-нибудь ещё? Что-нибудь до его появления?

Я плохо соображал, но всё-таки попробовал вспомнить что-нибудь ещё – от этого лишь сильнее разболелась голова. Что-то тёплое заструилось по верхней губе.

– Я... не помню, – выдавил я из себя. У меня была почти истерика.

– Это точно блокировка памяти... – он пометил себе в блокноте и закрыл его. – Файн, зетс ол. Что-то плохое произошло в прошлом, и твоё неокрепшее сознание закрылось таким вот щитом. У меня был подобный случай в практике,

когда у пациента убили всю семью на глазах. Он тоже выдумал друга, который взял на себя боль... Сейчас тебе нельзя волноваться, иначе галлюцинации вернутся. Действие того препарата, что мы вкололи, скоро кончится. Сейчас дам тебе снотворное... – парень достал из ящика небольшую воду, упаковку и выдавил оттуда пару таблеток. – Хорошо запей.

Когда я закончил, он забрал бутылку.

– Ты не парься, это сильнодействующие. Скоро подействуют. Конечно, постоянно их лучше не пить, но разок можно.

– А скоро мы приедем?

– Уже почти...

Веки тяжелели. Всё снова налилось свинцом.

«Раз, два...»

Я заметил Максима напротив. Он весело мне подмигнул, и я отключился.

День 68-72

— Костя... Костя, вставай, – чья-то рука мягко дёрнула за плечо. Я нехотя открыл глаза – это была Катрин.

Я медленно встал с небольшой картонки, не понимая, что происходит, но, вдруг, мне стало так стыдно за себя: лохматый, грязный, весь в порванных лохмотьях... А рядом стояла она: вся в белой одежде, словно светилась, и светлые волосы слегка качались при небольших порывах ветра, что летели сюда с главной улицы.

Её образ был такой чистый, что я мысленно дорисовал ей кольцо над головой и крылья позади.

«Ангел», – подумал я.

Она так и стояла, протягивая мне руку, и мягко улыбаясь: – Пойдём, нас ждут, – я послушно дал руку и позволил себя вести. Через пару секунд мы были уже на главной улице: широкая улица, серые, будто картонные, панельные дома по бокам, и бесконечное движение. Всё двигалось лишь в одном направлении – влево.

Катрин скрылась среди толпы одинаковых безликих существ. Я посмотрел в сторону, куда устремились всё и вся, но не увидел там даже конца бесконечной цепочки – только серое небо в том месте темнело и выглядело зловещим.

Я машинально отвернулся в другую сторону, вправо – там, над толпами людей, был какой-то приятный, мягкий свет.

«Зачем они все идут не туда, а, наоборот, оттуда? Я... я не пойду с ними», – мысль пронеслась молниеносно, решение было принято.

Я стал пробиваться сквозь толпу, чтобы добраться до света. Было тяжело, но какое-то слепое желание горело внутри и заставляло пробиваться сквозь толпу. С каждым шагом дорога всё круче уходила вверх, но для окружающих ничего не менялось, они шли всё так же прямо, что выглядело неестественно.

Я обернулся, чтобы понять, насколько же продвинулся – что-то поменялось: несколько фигур окрасились, будто проясняя что-то своё. Это фигуры были больше похожи на людей, и двигались, как и я, все к свету, продираясь сквозь толпы «копирок». Среди них, на противоположной стороне улицы, была Кэтрин – она была среди «живых» людей. Некоторые сбивались в группы, помогая друг другу.

Меня догоняли несколько человек: темнокожий парень, светловолосая девушка и крепкий высокий парень. Встретившись со мной взглядом, девушка улыбнулась и весело помахала мне рукой. Я отвернулся, и постарался двигаться вперёд. Уже приходилось карабкаться, хватаясь за других людей, что шли всё так же прямо.

Свет ослеплял. Что-то шепнуло возле самого уха:

«А что, если ты прав, а остальные ошибаются?».

Я обернулся посмотреть на источник шёпота – чья-то широкая улыбка. Всё вмиг оборвалось.

Я резко открыл глаза. В голове была каша. Остатки сна быстро улетучивались, опустошая разум. Острая боль в груди окончательно очистила мысли. Холод окончательно добил сон, пробил озноб.

Я был всё так же прикован и лежал на лавке.

«Что...» – пронеслась мысль в голове, но не успел я её закончить, как услышал голоса, совсем рядом, с улицы.

– Свет... Света, блин, лисен ту ми... нельзя! Андестенд? Не-ль-зя. Он же, он же... ну... это, понимаешь? – неуверенно говорил негрубый, но мужской голос. Он был мне уже знаком.

– Миша, хватит. Ты же видел его – какая опасность? Он же ребёнок совсем. Ему же лет тринадцать всего, – спокойно ответил женский голос.

– Ну, так и тем более – зачем его брать?

– А ты предлагаешь его оставить? М-м? Ты хотел бы, в свои тринадцать лет, чтобы тебя оставили без оружия, с этими... тварями один-на-один?

Повисла небольшая пауза.

– Вот и я так думаю, – заключила девушка. – Он же и суток не продержится.

– Лисен... ну, я же тебе рассказывал – да ты и сама всё прекрасно видела... – Миша осёкся. – У него психоз... Я не

уверен, но...

– Миша, мы не оставим мальчика. Точка. Ты у нас эксперт по психике – вот и вылечи его.

– Я психолог, а не психиатр... – чуть тише ответил Миша.

– Неважно, – твёрдо сказала Света.

– Ещё как важно!

– Всё, Миша, хватит! – отрезала Света. – Мальчик остаётся, и точка. Тем более, он может знать что-то о том, что за херня здесь произошла. Нас не было всего несколько месяцев, но всё – никого... Я не знаю как ты – а мне тяжело поверить, что всё разрушено, что жизнь кончена. Как?.. Ты же помнишь, что за всю неделю нам встретилась лишь одна машина? И та... – голос Светы дрогнул, – ... та тварь...

– Послушай, Света, может это никакой и не монстр – так, шизик или алкаш. Он и слова сказать не мог, одно мычание.

– В том-то и дело, что я не уверена в том, что видела. Но мальчик остаётся тут, и ты ему поможешь. Всё, – Света говорила очень уверенно. Я сотни раз слышал подобные споры между мамой и братом. Я знал, что Света уже победила. Знал это и Миша.

– Света... Фак! – промычал Миша в бессилии. Он не мог никак повлиять на её решение. – Файн! Но я буду за ним следить...

– Следи, только этого и прошу, – уже спокойнее, ответила Света. – Ладно, пойду посмотрю, как он там.

Через несколько секунд дверь, звякнув металлом, откры-

лась. Внутри вошла молодая светловолосая девушка. На ней были тёмно-синие джинсы и чёрное длинное пальто. Когда-то светлый шарф был обвязан вокруг шеи поверх пальто, а волосы аккуратно завязаны в хвост. Несмотря на весь бардак и безумие нового мира, видно было, что она всё равно ухаживала за собой.

Увидев меня, она улыбнулась. Было в её лице что-то светлое и твёрдое, несмотря на общую напряжённость ситуации. Возможно, это всё было лишь игрой моего воображения.

– Вижу, проснулся, да? – мягко сказала Света, подходя ко мне. Она села на край лавки. Я смущённо отвёл глаза. – Смущаешься? Как мило. Не смущайся. Ну, и не обижайся, что мы вот так – конечно, не номер люкс, но что имеем. Как тебя зовут?

– К-кость, – язык был словно мешок с песком.

Девушка снова улыбнулась.

– Света, – она подала руку, я, смущаясь, пожал её свободной рукой. – Приятно познакомиться. Как себя чувствуешь?

– В груди болит, – тихо сказал я.

– Оно и понятно – тебе такое вкололи, – она глубоко вдохнула, а затем выдохнула: – Ну и напугал же ты нас. Но я знала, что ты нормальный. Не похож на... них.

Я чуть подвинулся, чтобы показать руку:

– Ещё вот... это можно как-то убрать?

– Пока нет – понимаешь, я хочу сначала тебя узнать, а там уже посмотрим. Но если ты хочешь сам уйти – только скажи,

я сразу тебя освобожу и мы разойдёмся. Даже, думаю, что-нибудь поесть оставим. Но... если хочешь с нами – тогда мне нужно узнать тебя... да и тебе меня...

Я не поднимал глаза. Мы несколько секунд молчали.

– В любом случае, знаешь, ты сейчас совсем другой, чем... тогда, – тихо сказала Света. Её лицо немного переменялось: оно сейчас не было весёлым, но каким-то сосредоточенным. – В бреду ты всё твердил одно имя... Па... блин, – Света задумалась, – Палов... нет. Пав... Павлов – да... У меня всё из головы не уйдёт оно. Ты так кричал... Кто это? – Света посмотрела на меня, а потом она ещё что-то начала говорить, но у меня в глазах начало темнеть, резкая боль кинжалом проткнула голову, сердце сжалось. Я начал задыхаться.

«Павлов... Павлов!.. Павлов?.. Павлов...» – звучал и отражался тысячами отголосков её голос в голове. Я не мог понять, кто это, и что вообще происходит.

– Миша!.. – услышал я крик Светы, но он сразу потонул в океане отголосков. Сознание погружалось в пучину подсознания...

* * *

Я стоял посреди безлюдного переулка. Театр позади переливался такими яркими красками, что невольно приходилось щуриться. Пройдя дальше, я вышел на главную улицу,

но и здесь никого не оказалось – лишь лёгкий ветер разгонял воздух. Кто-то вдалеке хихикнул. Это было в одном из многочисленных переулков. Я пошёл в сторону, откуда был звук. Странные смешки повторялись, и с каждым шагом я понимал, что подхожу всё ближе. Было страшно, но останавливаться было уже поздно. В один момент я понял, что этот звук от того, кто сидит всего в паре шагов от меня, прямо за поворотом.

За углом, на мусорном баке, сидел высокий крепкий парень – он сидел лицом ко мне, широко расставив ноги. Незвестный весело мне улыбнулся.

– Привет, – улыбнулся сказал он.

Я молчал. Внезапно мне захотелось убежать, но неизвестный прочёл мои мысли:

– Не убегай, пожалуйста... Тебе нечего бояться. По крайней мере, не меня. Блин, ты даже не знаешь, как же здесь скучно, – сказал он уже невесело, и тихо вздохнул. – Ай, чего о грустном – давай не будем.

Я всё ещё стоял, не подходя, но бежать уже не хотел.

– Что же ты молчишь, Костя? Так смотришь, будто... нет... действительно?.. Похоже, ты меня забыл... – грустно подметил парень.

Последние слова отозвались в голове эхом и начали как-то сильно давить. Я, не выдержав напряжения, упал на колени. Завертелся целый вихрь из обрывков воспоминаний и образов.

– Правду говорят, что мозг старается избавиться от неприятных воспоминаний, подменяя их мягким неведением и запихивая настоящую память в глубины подсознания. Мне так мама говорила, приёмная, она на психиатра училась. В конечном итоге, люди не помнят даже сам факт того, что забыли что-то – удобно, – парень усмехнулся, встал и подошёл ко мне, приложившись своим лбом к моему, затем опустил на корточки рядом и приподнял моё лицо, пристально всматриваясь в глаза: – Вспоминай, друг...

Острая боль снова пронзила голову, отражаясь по всему телу, словно луч в комнате зеркал. Обрывки образов начали складываться в единую цепочку воспоминаний, сцепляясь друг с другом.

Когда всё закончилось, я резко открыл, продираясь сквозь боль, глаза. В груди бешено стучало сердце. Всё встало на свои места. Незаметные пропущенные места всплыли в памяти, воссоединяя полотно памяти воедино.

– Мы ещё встретимся...

* * *

«Что это было?» – я схватился одной рукой за голову, а другой упирался в деревянную дощечку.

«Зря ты вспомнил – легче от этого не станет», – сказал чужой, но знакомый голос.

В который раз, я не мог понять что происходит. Фургон

не двигался – мы никуда не ехали. За окном виднелась ночь. Я всё так же был прикован, запястье горело.

Света дремала напротив, укрытая грязным одеялом. Через несколько минут она открыла глаза:

– Я задремала?.. – тихо сказала она, а затем посмотрела на меня: – Пришёл в себя? Что с тобой было?

– Не знаю, я... говорил кое с кем.

– Когда? – удивилась девушка.

– Сейчас... во сне.

– Так, а чего ты отрубился-то? Миша сказал, что ты как будто впал в кому.

– Не знаю... – тихо ответил я.

Мы несколько секунд молчали. Затем я сказал то, что хотел:

– Я... вспомнил кое-что, – Света внимательно на меня посмотрела. – Павлов – я вспомнил о нём. Это с ним я говорил.

– Ага... – протянула Света. – Получается, он мёртв?

Я слегка кивнул и отвернулся. Стало грустно.

– Понимаю теперь, почему ты так реагировал – вы были близки, да? Ах, ну конечно близки – что за дурацкий вопрос...

Снова повисло молчание.

– А ты можешь мне о нём рассказать? – тихо спросила Света.

– Зачем? – ответил я. – Это ничего не поменяет уже.

– Давай так: ты мне расскажешь о нём, а я тебе тоже рас-

скажу кое-что из личного.

Несколько секунд я не мог решить, но, в итоге, подумал что это не имеет значение – если хочет послушать, то расскажу.

– Ладно... только отстегни меня, пожалуйста, – сказал я, показывая закованную в наручники руку.

– Обещаешь, что ничего не сделаешь?

– Вас здесь трое, – тихо заметил я. – Если бы я это и сделал, то это было бы последним, что я сделал.

– Действительно, – усмехнулась девушка.

Она аккуратно встала, убирая одеяло и придерживаясь за стену, нащупала в кармане ключи и отстегнула меня. Я с облегчением потёр запястье. Девушка села обратно и укуталась в одеяло.

– Тебе ведь твой друг уже всё рассказал? – спросил я.

– О чём ты? Кто рассказал?

– О том, что произошло, – я ждал, что она продолжит, но через несколько секунд добавил: – Обо всём: о болезни, восставших, обо мне...

– Ну так, немного. Погоди... восставших? – переспросила девушка.

– Мы... я их так называю.

– Ого, даже название придумал. Интересно... А мы просто «монстры», трупы – как-то не до этого было. Миша об этом не говорил. А как?.. Что это такое? Миша мне сказал, но я не особо поняла.

– Я сам не знаю. Говорили, что это какой-то вирус. Почему-то люди, когда умирают от него... не умирают.

– В смысле «не умирают»? Я же видела, что они живые – только какие-то, – она остановилась, подбирая слово, – другие. А что правительство? Заявления какие-нибудь? Новости? Военные? Где все?

Я тяжело вздохнул.

– По новостям говорили, что это какая-то болезнь. И, сначала, всё было нормально. Ну, как, паника была, напряжение, кто-то уезжал. Потом резко объявили эвакуацию. Я тогда в школе был – ну, меня так и забрали. Я ждал свою семью, но её не было. Потом нас решили увезти на другую базу, но... мы не доехали.

– Почему? Что случилось?

– Не знаю. Мы просто ехали, а потом... потом... – у меня перехватило дыхание, но я справился с эмоциями. – Потом автобус перевернулся... Все... нас осталось только четверо, в общем.

– Ага, об этом мне Миша говорил.

– А дальше – я не знаю. Слышал, что не всех забирали. Кто-то сбегал – мы встретили группу, которая сама по себе жила.

– Так, а что это за вирус такой? Как он работает? Лекарство?

Я посмотрел на неё с отчаянием:

– Если бы было лекарство – случилось такое?..

– А про вирус?

– Послушай, я не знаю. Па... – я осёкся, – мой друг говорил, что это как-то связано с головой.

Около минуты Света ничего не говорила. Видимо, ждала продолжения, но я тоже молчал.

– Значит, то, что передавали по радио – правда: и про правительство, и про болезнь, и про людей... – тихо сказала она, задумчиво глядя куда-то в стену. Через несколько секунд она перевела свой взгляд на меня: – Получается, тот человек, Павлов, тебя защищал?

– Если бы не он... – начал я, но ком в горле не дал договорить.

– Понимаю... много кто потерял своих близких. Не переживай о нём – он сейчас в лучшем мире, – ласково сказала Света, взяв меня за руку. Я мрачно и растерянно улыбнулся.

«И снова ты не один. Тебе нельзя с ними оставаться, иначе и они умрут», – прозвучал знакомый Голос в голове.

– Мне кажется, я знаю, что ты чувствуешь, – Света сжала мою руку.

«Сомневаюсь» – подумал я, но вслух не сказал.

– Примерно в твоём возрасте, у меня была лучшая подруга Настя, – Света улыбнулась. – Весёлая была девчонка, лучистая такая, добрая – как солнышко. Мы с ней подружались в садике ещё. Мама рассказывала, что, когда привела меня в садик, Настя сразу подошла ко мне и предложила дружить, а я лишь расплакалась и побежала обратно к маме. Понима-

ешь, до трёх лет я сильно болела, и, поэтому, не общалась ни с кем – так, только с родными. В семье-то я единственный ребёнок, и поэтому до этого с другими детьми не общалась... ладно, это неважно. В общем, – Света сделала небольшую паузу, – мы с ней дружили с самого садика. Две такие самые главные подружки. Всё рассказывали друг другу, были как сёстры... – девушка говорила это с улыбкой, а затем лицо переменялось и стало более сосредоточенным: – А потом, лет в десять, у неё обнаружили рак... что-то с дыхательными путями, я уже и не помню точно что там было. Но отчётливо помню, как ей было тяжело, и, иногда, я не могла это терпеть – её страдания, сопения, тяжёлое дыхание, грустную фальшивую улыбку. После терапии, она стала очень раздражительной, худой, бледной... ослабла, в общем, но продолжала бороться. Все были уверены, что она выживет. Врачи даже положительные прогнозы начали давать... – Света замолчала.

– И она не выжила? – тихо спросил я.

– Не совсем... Жизнь – это не красивое кино: зачастую она забирает лучших из нас, или ломает так, что человек решает сам уйти, – Света глубоко вздохнула. Я понял, к чему она вела. – В один день она сказала мне, что устала, что не хочет больше бороться, не хочет видеть, как её все жалеют и радуются жизни, пока она страдает и надеется на чудо. Знаешь, она повернулась ко мне и сказала, со слезами на глазах: «Свет, пожалуйста, помоги мне... я больше уже не могу...

Мне очень тяжело... Каждый вдох, будто разрывает горло... я больше так не могу». Ты понимаешь, что такое для двенадцатилетней девочки услышать такое? Услышать, что её друг не хочет жить дальше, и что его не будет? Ведь, по сути, лучше знать, что ты с человеком никогда не увидишься, но надеяться, что он жив где-то там, чем, когда его окончательно нет... В общем, я обозвала её дурой и убежала. Я была сильно зла на неё, и не ходила в больницу неделю. Потом мне родители сказали, что Настя умерла в ту же ночь после нашего разговора. Сказали, что возникли какие-то осложнения, и она задохнулась...

Света замолчала и быстро вытерла слёзы. Я не знал, что сказать.

– Хорошо, хоть умерла во сне, – я постарался как-то развеять тяжёлое молчание.

– Нет... Я потом узнала, что она умирала несколько минут, задыхаясь, пока врачи пытались её спасти, – Света снова замолчала, и через минуту продолжила: – Знаешь, она очень любила животных. Всех. И людей тоже. Говорила, что все люди как хитрые цветки – не перед всяким распускаются... Я жалела... и до сих пор жалею, что не помогла ей. Может, она, хотя бы, так не мучилась. Может, она бы спокойно умерла...

– Ты не виновата – разве ты могла подумать об этом?

– Да, не могла, но всё же... Но, потом я кое-что для себя поняла: не стоит переживать и упиваться прошлым. Настя не

хотела, чтобы я останавливалась из-за неё. Однажды, когда мы были детьми, она сказала мне, ни с того, ни с сего: «Если я умру – не переживай и не плачь. И я не буду» – да, такой она была. Говорила даже, что хочет, чтобы на её похоронах рассказывали анекдоты... Мне кажется, твой друг тоже не хотел, чтобы ты останавливался, что бы ни случилось.

«Живи!» – пронесли слова Павлова. Его последние слова.

– Так что, не переживай. Лучше иди вперёд, чтобы он радовался вместе с тобой. Он ведь всё ещё здесь, – она дотронулась указательным пальцем до моей груди, – и здесь, – она дотронулась так же и до головы. Я невольно улыбнулся. – Ну вот, так-то лучше! – заключила Света, у которой в глазах стояли слёзы. – Ну, а теперь твоя очередь...

Я ей рассказал всё: о восставших, о себе, о нашей группе, о долгих неделях выживания, о том, о цене моего выживания. Не знаю «зачем», но мне просто хотелось выгрузить всё это из головы.

Весь рассказ Света молчала, лишь слегка меняясь в лице. По ходу рассказа некоторые детали я упустил, но, в целом, рассказал всё.

После завершения, Света задумалась, а через несколько минут она, наконец, нарушила тишину:

– Я не ошиблась, решив подобрать тебя. У тебя история... очень печальная. Такая самоотверженность... хотела бы я пообщаться с твоим другом. Неудивительно, что ты... в об-

щем, не позавидуешь, – Света снова замолчала.

Я не знал что на это ответить. Её слова как будто укололи меня где-то внутри. Я прекрасно помнил, какую цену заплатил Павлов, и свою вину в этом – и от её слов стало хуже.

– Так, а куда вы направляетесь? – я решил в этот раз первому нарушить молчание.

– Сначала в Номир. Мы все оттуда, – ответила Света, а потом повернулась: – Всех эвакуировали, но всё равно – я хочу увидеть всё сама. Потом, раз там база, поедем в Кантис.

– Лучше не надо обратно в Номир – это мёртвый город.

– Я понимаю, но, всё равно, хочу сама всё увидеть... – тихо ответила Света.

Я отвернулся и посмотрел в окно: яркий и холодный диск светил даже не своим светом, поэтому и тепла никакого.

«Какой толк от холодного света, если он не может согреть теплом жизнь?» – пронеслось в голове.

Деревья ещё больше усложняли задачу – их кроны, словно колонны храма, держали неба. Или, словно копьеносцы короля, охраняли лунный покой, чтобы никто лишний не мог её потревожить.

– Не самое лучшее место для экскурсий, – добавил я.

– Выбирать не приходится, когда нужно узнать судьбу своих родных, – сказала Света, и вздохнула. – Ладно, мы заговорились... Утром поедем, может быть ещё выходить придётся – так что, ложись спать.

– А далеко ещё? – спросил я.

– Удивительно, как ты вообще так далеко оказался... почти до Грима дошёл.

– Грима? – повторил я. «Быть не может». – То есть, нам ехать обратно ещё несколько дней?

– Если бы... Теперь, после того, что ты рассказал, путь будет длиннее: придётся ехать в объезд городов. На это уйдёт неделя – минимум. Поспи лучше.

Света укуталась удобнее в одеяло:

– Я тебе серьёзно говорю, поспи – может, потом не будет шанса. Ты мне как рассказал – я теперь не уверена ни в чём. Возьми куртку в другом конце, под лавкой, потеплее будет.

Я подвинулся ближе к выходу, пощупал рукой – действительно, под лавкой, в свёрток, была сложена куртка. Старая, широкая куртка пахла сыростью и была в засохшей чёрной краске, от чего тяжело мялась. Кое-как, я укрылся, подложив пустой рюкзак под голову.

* * *

— Подъём, – мягко сказал женский голос. Нехотя, я открыл глаза. Уже было утро, и чертовски холодное. Мы всё так же стояли. Света усмехнулась: – Я думала, что ты выспался за полтора дня.

Я ничего не ответил.

– Пойдём, с остальными познакомлю, – она откинула одеяло и потянулась. – Ты же ещё, наверное, ничего не ел. В

общем, идём.

Света встала, открыла дверь и вышла:

– Мишу ты уже знаешь, а Лёша – это мой парень. Ты только меня не обижай, и всё будет в порядке, – я с опаской посмотрел на неё. Света усмехнулась: – Да это шутка. Не волнуйся. Я не никому не дам тебя в обиду. Только накинь куртку – там холодно.

Я схватил куртку с лавки, натянул её и вышел следом. В лицо ударил холодный ветер. Казалось, две куртки совсем не спасают: ветер свободно гулял по всему лабиринту рукавов, жёстко и неприятно «лаская» даже сквозь водолазку.

– Бр-р, – я съёжился и обхватил себя, в попытке как-нибудь замкнуть цепь. На улице заметно похолодало. Мы стояли на обочине. Дорога была абсолютно пустая.

С улицы микроавтобус казался ещё меньше, но всё равно внушал доверие, несмотря на свои габариты.

– Нравится? – спросила Света. – Моя девочка. Сама выбирала.

– Любишь машины?

– Многие девчонки играли в куклы, а я восхищалась машинами, – в её глазах словно разгорелся огонь. – Это ведь искусственная жизнь! И её создали люди! Представь, она же весит несколько тонн – и механическое сердце заставляет её ехать. По сути, мы те же машины – просто функций больше, и ещё не факт, что нами кто-то не управляет. Да-а, это же самое наглядное будущее, – Света похлопала по металличе-

ской двери.

Она остановилась у двери в салон. Света открыла дверь, но ничего больше не делала.

– Света?.. Что?.. Закрой дверь – холодно... – тихим голосом сказал темнокожий парень, укутавшийся в одеяло. – Ты чего не с этим?

Меня неприятно укололо его «с этим» – будто я какой-то псих.

– У «этого» имя есть, и не волнуйся – он со мной. А ты, цыган – проснись и пой. Иди умывайся, скоро поедем.

– Сама ты цыган. Сколько раз ты рипит: айм нот цыган – я негроид с русской национальностью... – Миша медленно встал и сонно посмотрел на меня: – Он с нами поедет?

– Не «он», а «Костя». И да, поедет, – твёрдо сказала Света. – А у тебя возражения есть?

Миша растерянно несколько секунд смотрел на неё, а затем как будто сфокусировался:

– А? Что? Сорри, отвлёкся... У меня? У меня-то ничего, бат, мейби, Лёша что-то скажет – ты его спрашивала?

– Насчёт этого не волнуйся – с этим разберёмся, – ответила Света. – Ты будешь вылезать, или как? Нам ещё поесть надо.

– Поесть... – тихо повторил Миша, пародируя Свету. Он съёжился, откидывая одеяло, взял бутылку воды из-под ног и вылез. – Нид ту пи...

– Тебе не нужно? – спросила меня Света. – Потом оста-

Новок не будет.

– Чуть позже, – ответил я. Конечно, я немного хотел в туалет, но больше хотелось есть. Да и лучше одному потом сходить.

– Давай, залезай. Я после тебя, – сказала Света.

– Нет, – ответил я, немного отходя.

Света строго посмотрела на меня, но затем полезла в кабину. Я залез следом и закрыл дверь. На меня уставился ещё один парень: он был крепким, высоким. Смотрел он на меня очень внимательно, как будто обдумывал что сделать.

– А это – Лёша. Лёш, это Костя. Ну, вроде представила...

– Света полезла куда-то за сидения, – где-то же здесь был...

– Запомни, – сказал Лёша, твёрдо смотря на меня, – выкинешь что-нибудь – останешься на обочине. Это я тебе обещаю.

– И ты туда же? – спросила Света.

– Я не понимаю, что я вам сделал? – спросил я, не выдерживая его взгляд и отводя глаза. – И ты, и тот, другой, так говорите, как будто я вам мешаю. Если это так, то высадите меня у ближайшего города, и больше не увидимся.

– Лично меня... – начал Лёша, поднимая рукав – там было несколько отметок, затянутых тонкой корочкой, – меня ты укусил. Я против тебя ничего не имею, но предупреждаю заранее, и церемониться с тобой не буду.

– Так, мальчишки, остыньте, – сказала Света. – Лёша, хватит наезжать на ребёнка.

– Не понимаю я тебя: то отказываешь хорошим людям, то всяких таких подбираешь, – Лёша сделал особый акцент на словах «всяких таких».

– Может, потому что они не такие хорошие были? Или им не так была нужна помощь? Ты об этом не думал? – плавно проговорила Света, всё так же что-то ища за сидением. Через несколько секунд она достала небольшую сумку. – Нашла – и кто её так далеко запихнул?

– Какая разница, что я думаю, если ты не слушаешь, – тихо ответил Лёша, открывая дверь со своей стороны. – Ешьте сами, я потом поем.

– Ах, снова... – сказала Света. – Ну, куда ты?

– Пойду покурую, – ответил парень и вышел.

– Не обращай на это внимание, – сказала Света, поворачиваясь ко мне. – У нас такое бывает иногда. Та-ак, а что тут у нас из еды? Есть рыбные консервы... ещё какая-то странная колбаса, но я не знаю, можно ли её есть... Наверное, будем консервы – ты как, не против?

От вида еды у меня образовались слюни, появилось какое-то возбуждение:

– Мне бы сейчас хоть чего, – ответил я, и только потом понял что это малосвязанный бред.

– Тогда держи. У нас немного приборов, поэтому придётся есть вдвоём одной вилкой, да и мыть потом не надо много...

Меня это смутило, но постарался ответить невозмутимо:

– Как будто у меня есть выбор.

Мы начали есть в тишине. Маленькая консервная банка на двоих кончилась очень быстро, что лишь раззадорило аппетит. Пришёл Миша, он не стал открывать дверь и спросил с улицы:

– А ю дон? Тоже хочу, тут холодно жечь...

– Да, выходим! Костя, пойдём. Сейчас умоемся, и поедем, – проговорила Света, толкая меня к выходу одной рукой, а в другой держала банку консервов с вилкой.

Миша быстро залез в кабину, передавая бутылку с водой, и закрыл за нами дверь. Я только начал согреваться внутри, как снова пришлось выйти на холодную улицу.

– Если хочешь в туалет, сейчас последний шанс. Потом остановок не будет, – проговорила Света.

Мы обошли кабину спереди. Лёша стоял в стороне, докуривая. Увидев нас, он ещё раз твёрдо посмотрел на Свету, а затем отошёл. Света вздохнула, отошла в другую сторону, достала вилку и выкинула банку подальше за обочину. Она открыла бутылку и обмыла вилку.

Я пошёл вниз, к кустам, чтобы сделать свои дела. После этого вернулся, Света ждала меня у машины с бутылкой в руках.

– Держи, – протянула она бутылку. Я взял и слегка обмыл руки, умылся. Вода была ледяная – казалось, будто руки отказывают. Так же оказалось, у меня было очень грязное лицо.

– Закончил? – спросила Света. Я кивнул. – Тогда пойдём.

Мы пошла обратно внутрь машины. Я сначала попытался открыть дверь в кузов, но Света взяла меня за руку:

– Поедешь с нами в кабине.

– Но там же нет места, – возразил я.

– Есть, – ответила Света. – Просто ты не знаешь.

Света открыла дверь в кабину и начала залазить внутрь:

– Миша, лезь назад. Костя с нами поедет.

– Виф ас? – спросил Миша, поправляя очки. – Пусть едет сзади, в кузове... Почему мне лезть?

– Давай без возражений. Лезь, – твёрдо сказала Света.

– Лёша, тел хёр... – но Лёша ничего не сказал. Он вообще не смотрел на нас, игнорируя. Наконец, негр сдался и недовольно проговорил: – Файн... Вечно как что-то, так Миша, энд вен ай нид эни хэлп... ох, годнес!

Недовольно бурча, Миша, всё-таки, залез назад. Мне было неловко, но, всё же, я залез внутрь.

Ни слова не говоря, Лёша завёл машину. Загудел мотор, машина, качнувшись, сдвинулась и поехала по абсолютно пустой дороге.

Через несколько часов в окна начал бить, крупными хлопьями, снег.

«Первый снег этой зимой» – подумал я.

Видимость заметно упала, ехать пришлось медленнее. Ещё через несколько часов снег перерос в метель. Света спала, слегка склонив голову на моё плечо, от чего я ещё больше стал чувствовать себя неловко. Её ровное дыхание эхом от-

давалось в моей голове. Она выглядела очень спокойной. Лёша тоже заметил, как она спит. По лицу было видно, что ему есть, что сказать, но он всё так же молчал. Через несколько часов я сам захотел спать. Мы останавливались несколько раз, чтобы поесть, выйти в туалет. Заправки старались объезжать, не останавливаясь.

* * *

Поднявшаяся резкая метель продолжалась несколько дней. Прошла она так же резко, как и началась.

Почти всё время мы ехали, лишь изредка останавливаясь для еды и пополнения бака. В кузове оказались несколько канистр с бензином и ещё пару пакетов с едой, которые кончились сегодня.

Всё это время я почти ни разу не заговорил. Несколько раз Света спорила с Лёшей, так ли важно ехать в Номир или лучше сразу в Кантер, но Света стояла на своём. В остальном же, обстановка была спокойная. Миша несколько раз спрашивал у меня о Максиме, но больше нормально мы не разговаривали, несмотря на его слова что мне нужна помощь.

С неба на нас ярко светло солнце, мощно отражаясь от снежного покрывала. Полдень был в самом разгаре. Я лежал сзади, вытянув ноги, и смотрел в водительское окно: вдаль, за стеной деревьев, что-то поднималось. Что-то рукотворное, человеческое.

«Город», – догадался я. Вместе с этим, внутри что-то обрвалось. Я понял, что моменты спокойствия путешествия были сочтены, а неизвестность будущего хранила множество скелетов, которые вряд ли все увидят. Вполне возможно, что рядом уже есть один из «скелетов».

«Ты ведь знаешь, что обречёшь их на смерть – зачем же мучить?» – спросил Голос.

Последние дни он начал снова появляться. Я быстро отогнал эти мысли зная, что он сам никуда не уйдёт.

Когда ты находишься в уединении, наедине с мыслями и неизмеримой скукой, время ломается, извивается, удлинняется настолько сильно, что тебе за ним никогда не угнаться. Ты лишь смиренно ползёшь позади. Медленно и неуверенно. В это моменты лучше всего понимаешь фразу: «У тебя есть время всего мира». Так сейчас я и пролежал какое-то время. Спустя, кажется, целую вечность (на деле – всего около получаса), мы оказались внутри огромного бетонного лабиринта – города.

Я не знал, что это за город – табличку на въезде полностью залепило снегом. Дорогу покрылась толстым слоем снега – ехать приходилось медленно, неуверенно, чтобы случайно не съехать в кювет.

Мы ехали как троянский конь, который тащили люди, крихтя и обливаясь потом. Двигатель грузовика втаскивал нас, живых, в город, но сам этот город был логовом мёртвых.

«Такие слова у тебя в голове проносятся... поэзия. И ведь

не подумает, что тебе всего шестнадцать», – сказал чужой голос.

– Кто ты? – тихо спросил я.

В уединении есть и плюсы: никто тебя не услышит, что бы ты ни сказал. Точнее, кто-то всё равно услышит – хотя бы ты сам. На заднем сидении меня было не слышно.

«Твой ангел-хранитель», – голос усмехнулся.

– Я не понимаю...

Никто не ответил. Где-то в интернете я читал, что голоса в голове – одни из самых непостоянных вещей.

Спустя неизвестно насколько растянувшееся время, машина остановилась.

– Костя, вылазь, – сказала Света, выходя из машины. – И рюкзак возьми.

Накинув куртку и схватив рюкзак, я пролез между сидений, перебираясь на передние, а затем вылез из машины. Снег, что доходил выше щиколотки, попадал в ботинки и больно морозил ноги, тут же превращаясь в холодную воду. Да и сами мои кроссовки были осенними – быстро промокнули. Пришлось идти аккуратнее.

Мы остановились посреди переулка. По бокам, стенами, стояли дома-высотки.

– Оставим пока машину здесь. Здесь и выезжать удобно, и магазин недалеко, – сказал Лёша.

– Лучше будет разделиться, – сказала Света. – Я с Мишей, а ты, – она посмотрела на Лёшу, – с Костей. Смотри, что бы

с ним ничего не случилось. С вами обоими.

– Не бойся. Твой ребёнок вернётся в целости, – ответил Лёша.

Проводив взглядом Свету, он пошёл вперёд молча. Я следовал за ним. Оказалось, что лучше будет идти «нога в ногу» – то есть идти по его следам. У него были крупные ботинки, мои ноги туда попадали без проблем, и идти стало гораздо легче.

Спустя пару минут, мы стояли перед небольшими белыми дверями. Вывеска сообщала: «Добро пожаловать» – это был продуктовый магазин.

Лёша дёрнул за ручку – дверь была закрыта.

– Конечно... – недовольно сказал он. – Будем действовать другими методами...

Лёша посмотрел на меня:

– Не мешайся.

Я послушно отошёл в сторону, а он достал что-то из рюкзака, и склонился над замком. Он снял перчатки, и начал свои махинации. Несмотря на то, что мы с первых же дней брали чужое имущество, мне всё ещё было стыдно вламываться.

Через минуту возни, дверь открылась, давая доступ ко всем скрытым вещам внутри. Лёша положил свои вещи обратно, надел перчатку и взял из рюкзака фонарик. Он вошёл первым.

Внутри стоял противный запах. Даже не так. Внутри стоя-

ла смесь самых противных запахов. Тут была вонь на любой вкус: кислая, тухлая, непонятно какая. Мерзкий липкий запах прилипал внутри носа, не отпуская, от тухлого – к горлу подкатил рвотный ком.

Лёша слегка скривился, но пошёл вперёд. Он осветил зал. полки, нетронутые ни временем, ни людьми; пустые кассы (сразу нахлынули воспоминания по тому, что прежде считалось настолько обычным делом, что никто не придавал этому никакого значения). На самих же полках лежали разноцветные пачки различных круп и макарон, слегка покрытые пылью. Некоторые блестели, когда по ним случайно скользил свет. Чуть дальше были другие отделы.

– Бери с полок всё, что жрать можно. И общаемся шёпотом, – прошептал Лёша. Он пошёл дальше, а я начал быстро всё складывать в рюкзак.

Взяв несколько пачек, я заполнил весь рюкзак. На полках оставалось ещё много.

Стало заметно тяжелее и, хоть в зале и царил лёгкий сумрак, оставаться одному было страшно – я пошёл к Лёше. Он уже стоял впереди.

– В молочном и мясном не смотри – там всё, – Лёша ждал меня возле двери на склад. – Всё взял?

– Что вместилось, – ответил я.

Позади что-то упало. Я обернулся – ничего не было.

– Посвети, – сказал я, пытаюсь разглядеть темноту.

С улицы внутрь задувал небольшой ветер. Вместе с ним в

зал влетали, кружась, мелкие крупицы поздней зимы.

– Забей. Это от ветра. Пошли, – Лёша вошёл на склад.

Коридор, который шёл вперёд, разделялся на множество ответвлений, кончаясь огромными дверями. Мы прошли, не сворачивая, до самого конца. Внутри оказалась большая куча коробок.

– Стой на шухере, – Лёша прошёл вперёд, а я остался у входа. Идти внутрь совсем не хотелось.

Внезапно, коробки посыпались. Тишину разрезали мычание и стоны.

– Что за?.. – сказал где-то вдалеке Лёша. Я бросился вперёд, но сразу же последовал крик и слова: – Блять, снимите с меня это!

И ещё один крик, который почти сразу захлебнулся. Когда я подбежал, то увидел, в свете маленького фонарика, как на полу, среди коробок, лежал Лёша. Верхнюю часть завалило коробками, а живот был вспорот и рядом сидел восставший, копавшийся там и поедая внутренности. Я отшатнулся. По телу прошёлся неприятный холодок, чуть не стошнило. Я поспешно закрыл рот рукой.

Лёша смотрел на меня, как будто не понимая что происходит. Он тяжело дышал и сильно стонал.

– Что это за... мелкий, что там?.. Помоги... – он пытался махать свободной рукой, но это несильно удавалось. Я попятился назад. Я не мог оторвать от него глаз. Коробки зашевелились, затем Лёша снова истошно закричал, но ненадол-

го – другой восставший впился ему в глотку, отрывая от неё куски. Лёша из последних сил повернулся ко мне, и застыл: в его глазах больше не было жизни.

Я развернулся и бросился к выходу, но споткнулся посреди коридора и упал, больно ударившись коленкой.

– Агх, – вырвался стон. Позади послышался грохот и возня. Мычание приближалось. Сделав волевое усилие, сквозь стон, я встал и побежал, прихрамывая, к выходу.

В зале тоже уже было не так пусто: двое восставших двигались ко мне. Я побежал в сторону от них, и, пробежав весь зал, вылетел на улицу. Я задыхался. Грудь всё ещё болела, а воздух был каким-то тяжёлым, густым, как сироп.

Я быстро свернул в сторону и пробежал несколько переулков. Восставшие выли где-то позади, но я знал, что они идут за мной. По сугробам было тяжело бежать, я постоянно спотыкался, руки горели от холода. Наконец, я добежал до нужного переулка.

У машины стояла Света. Она курила. Увидев меня, бегущего, хромающего и измученного, она сразу же бросилась навстречу:

– Машину... – я пытался кричать, но это не удавалось. Кажется, она поняла, и побежала к водительскому месту.

Я пулей влетел в кабину и захлопнул за собой дверь.

– А где... Где Лёша? – только сейчас спросила Света. В её глазах была тревога.

– Он... он... – слова застревали в горле.

Миша тоже уставился на меня с задних сидений. Я не знал как сказать.

– Вот хэппенд? – спросил Миша почти в истерике.

Это был их друг. А я пришёл один.

– Надо ехать... – сказал я наконец.

Света непонимающе посмотрела на меня.

– Говорю же, надо ехать! – крикнул я. – Там...

– Энсер! – сказал Миша. Он начал вылезать. – Где Лёша?!

– Уезжаем! – крикнул я, пытаюсь посмотреть назад – восставших ещё не было. Говорить было тяжело – я всё ещё не мог отдышаться.

– Я никуда не поед... – начала говорить Света.

– Он умер! – резко сказал я. – Восставшие... они... – я сделал паузу. Вдох, выдох. – И сейчас... поехали! Они сюда... идут сюда!

– Как... – тихо сказала Света. Слеза прокатилась по её щеке. Она тупо посмотрела на меня, затем на Мишу. – Надо...

В пространстве послышался крик вдалеке. Резкий, как будто кто-то разрезал воздух ножом – это был крикун.

– Что это? – спросила Света.

– Поехали! ПОЕХАЛИ! – начал я. – Они... они собираются, вы не слышите?! Надо ехать! Прошу!

Следом прозвучал ещё один крик, но уже ближе.

– Нет, нам... – Миша полез к двери. – Нам надо похоронить его.

Света мощно пихнула его обратно.

– Ай, Света! – простонал Миша.

– Нет! – громко крикнула она, и завела машину. На щеках её стояли слёзы. – Ты слышал их. Мы не можем пойти. Не сейчас.

– Но Свет... – начал Миша.

– Нам надо ехать. Уже нечего хоронить, – ответила она, вытирая слёзы, и пустила машину на полный ход.

Никто больше не сказал ни слова.

Восставшие вылезли из переулка, как мы уже были в конце улицы.

– Что произошло? – спросил Миша.

– Там... – начал я. У меня было состояние, будто в транс. – Мы шли через зал. Ничего не было. Мы пошли на склад... Лёша сказал постоять на выходе. Потом... потом... из ниоткуда... крик, он... они... и потом я побежал.

Руки дрожали.

– Как вы их не увидели? Как их можно было не увидеть?! – кричал Миша.

– Миша, успокойся, – тихо сказала Света.

– Хи... хи ис лаин, Света!

– Их не было, – сказал я, смотря в окно. Я не мог смотреть на них. – Они... они как будто ждали нас и прятались.

– Что? – спросила Света. – Что ты сказал?

– Я не знаю. Но они как будто ждали в коробках.

– Как такое может быть?.. Стоп... Почему ты не рассказал об этом?

– Я не знал. Я не знал что они так умеют делать.

– А крики эти... это что?

– Это крикуны. Я же говорил – кто-то из них может делать громкий крик, и тогда они быстро собираются... Простите меня. Пожалуйста. Я... если хотите, я уйду. Я честно – я не хотел. Но я не мог. Я не мог ничего сделать.

– Нет. Хватит с меня на сегодня жертв, – ответила Света. – Мне... мне надо это обдумать.

На заднем сидении тихо заплакал Миша.

Весь оставшийся день у меня в голове была лишь одна картина: как в последний раз посмотрел на меня Лёша. Его мёртвые глаза как будто корили меня за то, что я ничего не смог сделать.

«Моя ошибка стала его смертью. Я должен был пойти с ним. Должен был что-то сделать. Должен был. А я просто смотрел... смотрел на то, как они его убивают. Как мне теперь смотреть им в глаза?»

«Я же говорил. А это только начало. Ты ещё увидишь, если и дальше будешь сопротивляться», – сказал Голос.

День 92

— Аккуратнее... давай сюда... Да, – Света ползла впереди.

– Нам точно сюда? – спросил Миша жалобным голосом. Он остановился.

– Да что ты ноешь? – гневно прошипела Света. – Испугался что ли?! – она сердито повернулась и посмотрела на него. Миша продолжил ползти.

Я полз позади всех. Наконец, мы выбрались из вентиляционной шахты.

– Здесь посвети... – сказала Света, и я направил туда свет фонарика. Она открыла небольшой ящичек и достала маленькую оранжевую коробочку: – Аптечка.

Здесь было подозрительно тихо. Тишина даже как-то успокаивала, будто всё ненастоящее. Будто толпы мёртвых бывших людей где-то позади нас – просто сон. Но неприятный холодок прошёлся по спине. Что-то меня настораживало.

Коридор... Нескончаемый коридор с бесконечными боковыми деревянными дверями. Где-то вдалеке, впервые, слышался посторонний шум – пронзительный крик. Он пробирал до самых костей, где те резонировали, заставляя тело дрожать. Света тоже насторожилась, а Миша и вовсе побледнел – это выглядело довольно жутко.

– Что это было? – спросила Света.

– Свет, летс гет аут оф хиа... Что-то тут нечисто, – Миша отступил на шаг назад.

– Подо... – новый крик прервал Свету – он был сильнее, громче, ближе. – Валим!

Мы развернулись и принялись бежать, но это была невероятная задача – вокруг не было света, а на полу везде валялся какой-то мусор. Фонарик куда-то исчез. Даже рук не было видно.

Я споткнулся и пролетел пару метров носов вперёд, раздирая лицо до крови. Света и Миша убежали вперёд. Я лежал на груди метала, и она больно впивалась в тело.

– Не сбежишь. Воскликнул хрипящий голос за спиной. Холодная, стальная хватка сжала ногу. Я сделал последнее движение, понимая, что дело моё плохо – перевернулся и нащупал рукой что-то продолговатое: фонарик. Нужно было, хотя бы, увидеть то, что за мной гналось – последнее желание.

В слабом луче света, возникло худое лицо с мёртвыми белыми глазами. В открытых гнилых ранах на щеках копошились черви – в некоторых местах даже из-под кожи торчали тёмные кости. Это был Лёша. Кожа на шее его была разорвана.

– Не сбежишь... – сказал он со свистом в голосе, а затем замахнулся и вонзил свою руку прямо мне в грудь...

— А-а! – крикнул я, и сразу же понял, что это был всего лишь сон. В груди бешено стучало сердце. По телу, тяжёлыми холодными каплями, стекал пот. Я постарался перевести дух, успокоится. В окно можно было увидеть то, как утренний свет нового дня начинал медленно пробиваться сквозь темноту прошедшей ночи – она нехотя отступала.

Почти каждую ночь один и тот же сон...

«Как же надоело», – я сидел и испытывал злость из-за собственного бессилия. Мне было горько от вины, но при этом я не знал что сделать чтобы избавиться от этого.

Тело затекло и отдавало неприятной покалывающей болью при движении. Даже было каким-то деревянным. Света тихо спала на задних сидениях. Даже во сне лицо её было каким-то напряжённым. Вчера мы удачно выбрались в соседнюю деревню. За последние дни она сильно извелась, с тех пор, как с Мишей стало происходить что-то неладное – его уже два дня не было видно.

«Ты же знаешь, что пока ты рядом с другими людьми – их жизнь predetermined», – сказал Голос. Уже пару дней я его не слышал.

– Заткнись, – зло шепнул я, но Голос не ответил.

Около недели, как мы стали жить в деревне с другими выжившими. Света говорила, что эта деревня находится посе-

редине между Владимирском и Номиром. Мы наткнулись на них совсем случайно. Сначала в машине что-то сломалось, и мы ехали два дня очень медленно. По счастливой случайности, рядом проезжала машина из этой деревни. Они очень удивились, увидев нас, и согласились помочь. Выяснилось, что заело какой-то клапан в движке, а разобрать получится только у них в деревне. Остальные тоже очень удивлённо нас рассматривали, когда мы приехали. Двигатель нам починили почти сразу, но как-то так получилось, что мы остались до сих пор. С тех пор мы здесь и остались. Мне нравилось снова быть в окружении людей, чувствовалась безопасность, но Света постоянно хотела уехать. Ей не нравится старейшина этой деревни. Она постоянно говорит о том, как лучше быть уехать отсюда, но всё никак не соберётся. За неделю меня это так достало, что даже думаю остаться здесь, если она с Олегом уедет.

В лёгком сумраке проскользнуло несколько силуэтов. По спокойному движению, сразу узнал в них местных – они шли на утреннюю службу.

Спать совсем не хотелось, и я решил пойти за ними. Свете, в частности, очень не нравились эти службы. Чтобы она снова меня не отчитывала, я тихо выбрался, аккуратно прикрыл дверь и пошёл за местными в «храм», в самый центр деревни. Сложно было назвать это обычным храмом: с виду он не отличался от старых деревянных бревенчатых домов, которых много ещё осталось в деревнях и небольших горо-

дах.

Улица обдала меня потоком холодного ветра. С непри­вычки он больно обдувал лицо, и пробивал насквозь. Я при­крылся шарфом, который мне дал один из жителей, и пошёл дальше.

На подъездах к деревне стояло много заброшенных ма­шин, которые были аккуратно поставлены как преграда. Несколько жителей мне ответили, что так и было до их при­хода.

«Когда мы собрались – тут уже так всё и было» – пример­но так и отвечали. Вообще, жители неохотно шли на разго­вор и старались побыстрее уйти.

На входе мне кивнул крупный мужчина и открыл дверь. Я прошёл внутрь, и сел на один из стульев у входа. Все са­дились вперёд, на первые ряды стульев, но я не очень хотел привлекать к себе внимание, поэтому сел у самой стены.

Здесь собрались почти все местные: около двадцати чело­век. Я слышал, что сюда приходят каждое утро все кто может – кроме тех, у кого дежурство.

В самом конце комнаты, перед скамейками, стояла само­дельная, криво сделанная, деревянная трибуна. Там, в тени, стоял невысокий мужчина в чёрном балахоне – Старейши­на. Он, видимо, готовился к утренней речи. Люди впереди перешёптывались.

В окна, что были позади трибуны, медленно, словно лени­вый паук, начало проникать утреннее яркое солнце. Позади

этого дома не было ничего, кроме огромного заснеженного поля, поэтому свет лился внутрь вовсю.

– Пора... – громко сказал Старейшина, и встал за трибуну. Шёпот резко оборвался. – Друзья мои, товарищи, братья, сёстры *salve!* *Salve, parochiani!*

Все люди, будто по команде, встали, приложили руку к груди и громко ответили:

– *Salve! Diu vivere Deo!*

Я смущенно забился в угол. Люди сели и пристально уставились на Старейшину. Прихожане выглядели истощёнными, бледными, но на лицах было полнейшее удовольствие. Сейчас это было заметно лучше всего.

– Отлично! Отлично! – сказал, улыбаясь, Старейшина. Он выглядел на порядок здоровее остальных, даже был немного полноват. На лице была ещё небольшая борода. – Надеюсь, все сегодня хорошо спали, и готовы нести крест нового дня во имя всеобщей помощи и Господа нашего? – Старейшина вознёс руки над головой.

– *Amen!* – громко сказали прихожане и захлопали.

Старейшина жестом остановил овации.

– Вижу, среди нас появился новый человек. Новая душа ищет спасения, – он сложил руки на груди, смотря на меня. А потом отвернулся: – Отлично! Замечательно! Давайте поведаем ему наши заповеди и правила «вознесённой» жизни! Ну же, кто? – Старейшина спустился к рядам стульев, и пошёл в мою сторону. Он быстро осматривал весь зал. Все лю-

ди поднимали руки, желая выступить. Мне стало как-то совсем не по себе, но уходить было уже поздно. Наконец, его взгляд остановился на мужчине с залысинами.

– Петя, давай ты, – сказал Старейшина. Мужчина встал и повернулся ко мне – это был невысокий тощий мужчина средних лет.

– Какие наши главные враги? – спросил Старейшина. Всё взгляды теперь были устремлены на меня, от чего я чувствовал себя неловко ещё больше, как загнанный в угол зверь.

– Наши враги – это мы сами! – с силой продекламировал мужчина.

– Прекрасно, – с удовольствием отметил Старейшина, – а что же конкретно?

– Самый главный враг – наша всепоглощающая, уничтожающая всё, гордыня!

– Верно, – подтвердил Старейшина. – Дальше.

– Наша безмерная алчность, вечная жадность до большего, – в глазах мужчины загорелся какой-то внутренний огонь. Его слова обжигали меня, разжигая что-то внутри. Что-то внутри откликалось на его слова.

– Именно, – сказал Старейшина. – И что ещё?

– И наша чудовищная зависть, что толкает против Бога, себя и общества.

– Замечательно, – заключил Старейшина, расплываясь в улыбке. – А же нам даёт гнев?

– Гнев даёт нам силы. Гнев – это необходимое зло. Только

огнём наших душ мы сможем отчистить всю скверну этого мира, – было видно даже, как мужчину немного трясёт.

– Именно так, – сказал Старейшина. – Только гнев сможет нам помочь в борьбе с нашими пороками и ленью, которая стала непозволительной роскошью. Садись, Петя, ты сегодня у нас молодец.

Мужчина, улыбаясь, сел обратно. Старейшина снова поднялся к трибуне.

– Всё верно. Библия говорит нам: смертные грехи – это гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие и уныние. Но мне было дано виденье! Я научил вас обращать грех против греха, что бы вы могли быстрее идти к цели, что была указана свыше!

– Amen! – прокричали люди. Некоторые голоса выделялись на фоне остальных. Петя был одним из них.

– Посмотрите, до чего же дошли люди! Посмотрите, до чего мы дошли, стремясь к Дьяволу! Теперь многие из нас просто сосуды для его демонов! Демонов чревоугодия! Они ходят по святой земле и пожирают души наши, делая новые сосуды для греха! Бог видел это, и послал мне виденье! Он дал мне виденье о том, что будет, и как нужно жить, чтобы заслужить прощение!

– Amen!

– Братья и сёстры, Бог сказал мне: «Веди их, ибо они не ведают, что творят, и даю я тебе право на зло, иначе они не смогут»! Бог милосерден!

– Amen! – люди подняли руки. Начался всеобщий гул.

– Он сжалился над нами! Даже сейчас, когда мы настолько от него отвернулись! Все мы – дети его!

– Amen!

Старейшина сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух. Зал наполнился какой-то странной энергией. Стало даже как-то светлее. Волна людских эмоций была такая сильная, что, казалось, я начал тонуть. Руки поднялись сами по себе и начали двигаться во всеобщий такт.

– Поэтому, братья и сёстры, не нужно огорчать отца нашего! Нужно жить его словом, и стремиться к высшему, помогая братьям и сёстрам нашим павшим – избавлять их от страданий!

– Amen! – я кричал уже наравне со всеми.

– А теперь, – Старейшина говорил уже заметно тише, – помолимся.

Всеобщий гул резко оборвался, и люди склонили головы, взявшись за руки. Еле слышно была слышна их молитва. Смутившись, я убрал руки. Волна, которая до этого лишь нарастала, вдруг оборвалась во мне.

Спустя минуту Старейшина открыл глаза.

– А теперь, ragochiani, идите в новый день достойно.

– Amen! – громко прокричали прихожане и стали вставать со своих мест, собираясь уходить. Все они будто светились изнутри. Меня это завораживало.

Старейшина подошёл ко мне, сел рядом, положил левую

руку мне на плечо.

– Костя, ты, надеюсь, никуда не спешишь? – спросил он мягко.

– Нет, – растерялся я.

Я поднялся голову. В его глазах был какой-то магический ясный свет знания.

– Пойдём со мной, – сказал Старейшина и пошёл вперёд, в сторону трибуны. Я пошёл следом.

Возле трибуны оказалась тёмная, едва заметная, дверь. Старейшина достал из-за кофты цепочку с ключом, снял её с шеи и открыл дверь, проходя внутрь. Комната внутри была маленькой, но хорошо обставленной: вдоль левой стены стояли пару столиков, набитых разными мелкими вещами, а над ними висел большой ковёр с изображением оленей. Возле окна стоял стол из толстого красного дерева и такой же роскошный стул, а вдоль стены справа стоял большой бордовый шкаф. Рядом, в уголке, совсем не вписываясь, старенькое ободранное кресло.

Старейшина прошёл за стол и сел. Он откинулся на спинку и посмотрел в окно.

– Эх, красотища, – вздохнул Старейшина, и повернулся ко мне: – Чего стоишь? Не стесняйся, проходи, – он жестом показал на кресло. Я послушно сел. – Что ты думаешь о нашей общине? Костя, верно?

В ответ я кивнул и присел.

– Не знаю, – замялся я.

– Ну же, не стесняйся. Я же есть тебя не буду, – Старейшина улыбнулся. – Нравится тебе у нас?

– Да, – сказал я неуверенно. Я следил за руками, чтобы лишний раз не выдать волнение. Сейчас мне всё это казалось очень важным.

– Хорошо... хорошо. Значит, хочешь остаться... – Старейшина говорил плавно и мягко. – Вместе ведь лучше. Да и только вместе мы сможем создать лучшую жизнь, как считаешь? Как одна большая семья. Хочешь ведь жить в мире и спокойствии, да? Не ожидая этих демонов за каждым углом? – он внимательно посмотрел на меня, ожидая ответа.

Я отвёл глаза:

– Да.

– Скажи, а почему ты хочешь этого?

– Хочу, чтобы больше мои друзья не умирали, – тихо сказал я. – Чтобы все были счастливы, и всё.

– Отличное желание, – улыбнулся Старейшина. – Все мы здесь хотим, чтобы остальные были счастливы, поэтому и заботимся о ближнем так, словно это родной брат или сестра. Ведь все мы перед Богом равны, ты знаешь? Да... все мы – лишь его творения.

Старейшина отвернулся к окну.

– Ты очень добрый мальчик, Костя. – сказал он. – Не знаю даже, стоит ли... ладно. Ты сможешь мне?

– А в чём вам нужна помощь?

– Дело в том, что до вашего приезда мне было провиде-

ние. Всевышний сказал мне во сне: «Вскоре к тебе придут блудные дети мои. Среди них будет мальчик – веди его, обучи слову моему. Станет он тебе великим помощником и другом» – такие были его слова.

Я застыл.

«Неужели, это про меня?»

На миг, мне показалось, что кто-то стучит из-под пола, но лишь на секунду.

– И этот мальчик – ты, Костя, – продолжил Старейшина, не обращая внимания на звук. – Я отчаянно прошу твоей помощи, любой другой не сможет мне помочь... Ты поможешь мне?

Его слова грузом навалились на меня. У меня не оставалось выбора.

– Я постараюсь. А в чём вам нужна помощь?

– Неделю назад, когда я предложил присоединиться к нам, твоя подруга отказала мне. Я умолял её, ведь вместе мы сильнее, ведь нельзя сейчас рисковать любой жизнью... Она отказалась, смеялась над Словом Божиим. Но Господь дал мне миссию спасти вас, и я не могу отступить. Помогите мне, Костя. Убеди её остаться, чтобы вместе мы смогли добиться прощения Господа. Мне кажется, что никто другой не сможет на неё повлиять кроме тебя. Я видел, как вы общаетесь. Ты близок ей. Я знаю, она планирует уезжать, но ты ведь не хочешь, да? – Старейшина внимательно посмотрел на меня.

– Нет, я не... не хочу, – я говорил уже твёрже. Его сло-

ва подействовали очень убедительно. Я должен ему помочь, особенно если так велел Бог.

Я всегда хотел узнать своё предназначение, и вот оно. Это был шанс, который нельзя упускать. Нужно было помочь Свете, и Олегу. Она должна меня послушать.

– Иди же. Спаси её от собственной глупости. Я верю в тебя.

Я встал и вышел из комнаты. Нужно было срочно найти Свету пока ещё не поздно. Нам ещё можно было спастись, но бежать было незачем.

«Уверен, она обрадуется, когда я ей всё расскажу», – подумал я, выходя на холодную улицу.

Прошло всего несколько дней, а я уже снова привык к тому, что рядом могут ходить живые люди.

С надеждой, я побежал к нашему грузовику, но он был закрыт. В окно никого не было видно. Кузов тоже оказался закрыт.

«Ну уж нет», – подумал я. Нужно было их найти сейчас, пока чего не случилось.

Я начал спрашивать у местных, не видели ли они кого. «Нет, не видел», – отвечали мне, я пошёл дальше.

К полудню заметно потеплело. Я стоял на центральной площади, не зная куда идти.

Вдруг, ко мне подошёл один из жителей деревни – местных чудак. В отличие от других жителей, он нормально отвечал и часто со мной говорил. Поэтому и чудак, хотя он и был

здесь самым нормальным, только очень нервным. Это он дал мне шарф и тёплое пальто, которым я укрывался по ночам. Его звали Женя. Внешне он был совсем неприметный: круглые небольшие очки, кудрявые волосы на голове, невысокий рост и доброе лицо. Единственное то, о чём он не хотел рассказывать – о своём прошлом. О том, как попал сюда.

– Салют, – сказал он и подал руку для рукопожатия. Мне было немного не по себе от его бегающего взгляда. – Как твоё молодое ничего?

Я подал руку в ответ.

– Такое же, как и раньше – не особо, как у всех, – ответил я сухо.

– Вижу, ты, наконец, шарф начал носить – это правильно, да. Сейчас ведь как? Болеть вообще не вариант. Вообще... Лечить-то некому... Только на Бога и надеемся, да. А сами ничего сделать не может, – Женя нервно усмехнулся и обернулся. Он выглядел немного нелепо в своей шапке-ушанке вместе с чёрным толстым зимним пальто. – Ты какой-то бледный – замёрз?

– Да нет, всё нормально. Ты, случаем, не видел Свету?

– Свету? Вашу, что ли? – Женя посмотрел по сторонам. – Вроде видел... Да, недавно совсем, ага. С вашим «негром» шла – он вообще какой-то неадекватный был: еле шёл, вырывался, матом ругался. Да... да.

– А куда? – при этом у меня треснула обветрившаяся губа и пошла кровь.

– О-о, – протянул Женя. – Тебе мазь надо. У меня, вроде, была помада специальная... поискать надо.

– Не надо. Само заживёт. Ты лучше скажи, куда они пошли.

– А-а, да... В самый край деревни пошли, где дома ещё заколоченные стоят... Рядом с лесом. Понял, да?

– Да, – ответил я, собираясь уходить. – Я побегу. Надо поскорее с ней встретиться.

– А что у тебя за дело? Может, помощь нужна? – крикнул он вдогонку.

– Не надо, спасибо. Я сам, – ответил я и быстрым шагом направился в нужное место.

На пути встретилось несколько брошенных домов. Чем-то они напоминали восставших: их разбитые окна были пустыми глазницами мертвецов, а крыша – дырявой головой. От них веяло какой-то тоской и грустью. Они являли собой картину нынешнего мира: пустого, убивающего и бесконечно грустного.

Это мне напомнило то, как несколько дней назад я забрёл в дом на другом краю деревни. Внутри, на полу, везде была разбрызгана кровь, валялись останки тёмной ткани, но никого не было. Ни восставших, ни просто трупов – это как-то пугало. Но это случилось давно, так как кровь там просто примёрзла к полу.

Зашёл в два последних дома – пусто. В доме напротив кто-то говорил. Я встал возле окна, прислушиваясь. Внутри шёл

спор.

– Миша, – сказала Света, – пойдём, блять. Нам надо уезжать.

– Никуда, слышишь? Никуда я не пойду. Вай? Вай а ви файтинг? – Миша говорил тихо и несвязно.

– Давай потом, а? Нам надо валить отсюда, и как можно быстрее, – сказала Света твёрдо. – Надо валить, пока можем. Что-то здесь нечисто.

– Что здесь может быть нечисто? – Миша расхохотался. – Что-о?

– Я не знаю. Но люди здесь какие-то странные. И этот Старейшина. Позавчера, вот, у нас патроны пропали – и ничего. Куда они делись?.. Да вставай ты, блять! Если о себе не можешь подумать, то подумай обо мне, о Косте.

– Заче-ем? – тихо протянул он. – Зачем мы пытаемся выжить, убегая, если всё равно, в итоге, умрём? Света... ты ведь помнишь Лёшу, да?.. Не забыла ведь ещё? Вспомни, что именно он нас поддерживал всё время... на нём всё держалось. Энд нау?.. Да тебе плевать! И всегда было! Это он меня спасал от толпы пьяных гопников, а потом страдал от полученного перелома. Это он мне был как старший брат. Да... тебе плевать, как тогда, когда ты не разрешила пожилой паре ехать с нами. Ты знала, что они умрут, но непустила их, а ведь Лёша уговаривал тебя, но ты же «лёд». «Ледяная королева» – правильно о тебе говорили в университете... Тебе на всех плевать. Не знаю, почему ты так носишься с этим

поехавшим, а хотя... тебе и на него плевать, я знаю. Не знаю «зачем», бат ай донт кеа. Видимо, это правда, что он мне рассказывал, что ты без его согласия сделала аборт... И что он в тебе нашёл... тьфу!

Я не понимал, о чём говорит Миша.

«Какая пара? Что сделала Света? – проносились вопросы в голове. – Неужели, она бросила людей на смерть?»

– Миша, ты так хочешь сдохнуть или что? – спросила Света. В голосе её чувствовалась злоба. – Если ты продолжишь, то мы больше не увидимся... Послушай, я понимаю какие у вас были отношения. Я понимаю, что ты винишь меня за то, что мы не пошли за Лёшей. Но ты ведь сам слышал их. Мы не могли просто взять и вернуться. Я не хочу терять ещё и тебя...

– Вали! – взвыл Миша. – Вали, оставляй!

Я нечаянно чихнул.

– Кто здесь? – послышался железный щелчок предохранителя.

– Это я! Я! – я быстро вошёл внутрь, и поднял руки вверх.

Света с силой выдохнула и, переключила предохранитель и убрала пистолет за пояс. Миша лежал на полу, рядом валялось несколько пустых бутылок.

– Напугал... – с облегчением сказала Света.

– Неужели без оружия никак? Вряд ли восставшие вообще чихают.

– Всякие тут ходят. Лучше быть настороже, чем мёрт-

вой, – Света повернулась ко мне. – Ты чего здесь делаешь?

– Поговорить хотел, – я не отводил взгляда с Миши. Он лежал на грязной тряпке прямо на полу. Рядом лежало какое-то потрёпанное одеяло. Его взгляд был направлен в одну точку на полу.

«Как можно тут спать? Здесь же холодно, грязно... В углу даже снег лежит», – подумал я.

– Пойдём. С этим телом сейчас ничего не поделаться, – Света встала и повернулась к выходу. – Чмо бухое, – сказала она с презрением. Миша что-то простонал невнятное в ответ.

Мы вышли на улицу.

– О чём хотел поговорить? – спросила Света, закуривая. Несколько дней назад она начала курить.

– Снова?.. – спросил я, но не договорил.

– Не твоё дело. Не дорос ещё, чтобы указывать, – грубо отрезала Света. Продолжать эту тему мне не хотелось. Она выдохнула в сторону тяжёлый серый дым: – Так, что ты хотел?

– Света, нам надо остаться, – твёрдо сказал я.

– С чего бы это?

– Потому что... – я замялся, зная, что Света не поверит мне. Но другого ничего не придумал: – Потому что так надо. Это наша судьба.

– Тебя «этот» надоумил? Подожди... Не говори, что ты тоже теперь этот, фанатик.

Я растерялся. Не такого разговора я ожидал. Совсем не

такого. В голове всё было проще и легче. Возникла пауза. Света тихо вдыхала табачный яд, чтобы выдохнуть его переработанное облако.

– Ну... Нам ведь лучше будет с ними, разве нет? Здесь можно жить, а потом и выращивать продукты... вместе же больше шансов, – сказал я неуверенно и медленно, будто сам не верил тому, о чём говорю.

– Ясно. «Священник» и тебе голову промыл...

– Ничего он не промыл! – запротестовал я.

– Послушай, никакого бога нет. Никакой судьбы не существует, – начала раздражённо Света и бросила окурков в сторону. – Костя, ты ещё не совсем понимаешь, как здесь всё устроено, а у меня сейчас нет желания всё объяснять, но нет никого бога, и никогда не было. Зато демоны есть, и это мы сами – люди... – Света остановилась, подумала несколько секунд, а затем продолжила: – Ладно, раз уж начала. «С волками жить – по-волчьи жить» – знаешь такую поговорку? – я кивнул. – Ну так вот, в этом мире, как и раньше было, так и осталось: либо ты, либо тебя. Иного не дано. Некоторые люди не могут этого понять, и поэтому ими можно легко манипулировать, используя для себя. Они не могут смириться с простой истиной джунглей, где выживает сильнейший. Эти глупые люди не могут смириться с ответственностью за свою жизнь и решения – вот для них и придумывают разные сказки более хитрые люди, чтобы нажиться на этой глупости. И эта «Новая вера» – не исключение. Возможно, есть

в этом плюсы, но минусы какие? Посмотри на людей. Они, может, выглядят счастливо, но они сыты? Да они все дохлые, полутрупы какие-то. Зато этот Старейшина выглядит очень здоровым. Ты видел как остальные живут? Нет? А я вот видела: грязь, холод, голод. Они же всё тянут этому мужику. Ты видел, как они смотрят на него? Как на него молятся? Это чистая секта, Костя. Секты и раньше существовали, и ничем, между собой, они не отличаются. Если у людей есть спрос на веру, то найдётся кто-то с предложением. Мой дядя был в секте и за это время он добровольно вынес всю технику из бабушкиного дома, а потом её зарезал, когда та не захотела продавать квартиру. Он до последнего твердил, что его ждут на небесах девушки с кошачьими ушами и что он делал то, что сказал бог. Я навсегда запомнила его глаза – они были спокойные и уверенные, что это не передать словами. И здесь я видела такие глаза. Я не знаю, что у них тут спрятано, но лучше валить пока не поздно.

Я молча застыл, не зная что делать.

– Старейшина тоже пытался меня затянуть к ним в секту, говоря, что я избранная, и что ему были видения. Сказал, что наши припасы нужно будет разделить на всех, потому что так сказал бог. И прочую фигню пытался мне загнать, но я сразу его раскусила и выгнала. Конечно, я не против поделиться, но если бы они пошли реально ко всем, а не так как пошло бы... С тех пор за мной часто хвост из одного-двух человек. Следят за каждым шагом, – Света выглянула за угол. Мне

показалось, что чья-то тень резко исчезла. – Снова они. Наверняка, тебе он говорил то же самое. Он недалёкий и вряд ли бы придумал что-то новое. Ты видел машины на входе? Странно это. И что местные шугаются когда спрашиваю, ничего не говорят. Они что-то скрывают – это точно.

В голове была какая-то каша. Слова Старейшины теперь были какими-то пустыми, хитрыми. Света мне ещё ни разу не врала и, если он ей сказал то же, значит, это правда, что она говорит.

– И что же делать? – спросил я.

– Говорю же, валить отсюда надо. А что тебе он сказал?

– Рассказывал мне то же о том, что я избранный, и что нужно заставить тебя остаться здесь, – виновато сказал я. Мне было стыдно за то, что так легко дал себя одурачить.

– Так я и думала. Неудивительно, что это работает, ведь сейчас нам так нужна вера в чудо... – Света задумалась, но через пару секунд продолжила уже заметно тише: – Значит так, иди, скажи ему, что я согласна остаться, а я пока подготавливаю это тело, потому что он вообще не хочет ехать.

– А что с ним? – спросил я.

– Да нажрался, скотина. Нам уезжать надо, а он валяется пьяный. Умереть, видите ли, не боится. Знаю я его. Сейчас весь такой грустный, грубый, а потом извиняется... Ладно, иди. Встречаемся здесь и потом уже пойдём все вместе. Я ещё машину по-быстрому проверю, на всякий случай – мало ли, что они там сделают.

Я кивнул и пошёл прочь быстрым шагом. Погода ухудшилась: поднялся ветер, солнце скрылось за тучами, пошёл снег – начиналась метель. В голове крутились слова Светы и Старейшины:

«Как я мог быть настолько глупым, чтобы поверить?»

Маленькое пятно сомнений всё равно терзало мысли: «Вдруг, это Света неправа? Вдруг, она ошибается? Мы же тогда потеряем шанс на спасение».

«Нет никакого спасения. Вокруг тебя – лишь смерть. Беги один! Спаси всех от себя!» – сказал Голос. Я скривился.

«Только не сейчас...»

– Уйди, – еле слышно сказал я. Голос посмеялся, но ничего не ответил.

Я встал недалеко от входа.

«Что мне ему сказать? Скажу, как есть. Не будет же он нас убивать за то, что мы уезжаем. Пообещаю, что мы никому не расскажем.»

Я уверенно пошёл к «храму». Охранник без особых вопросов пустил меня внутрь. Сейчас здесь уже не было особой ауры, что была утром – лишь лёгкий сумрак. Обычное тёмное помещение.

Я прошёл внутрь, к небольшой тёмной двери. Старейшина сидел за столом, рядом с ними, на подставке, горело размеренное пламя свечи. Он что-то записывал в небольшую тетрадь.

– Костя? – слегка удивился Старейшина. Он положил руч-

ку в сторону. – Я тут немного занят летописью наших дней, но минутку выделить могу. Как твои успехи? Поговорил со Светой?

– Да... – сказал я неуверенно. – Не хочу вас огорчать, но мы решили уехать.

– С чего это? – Старейшина притворно погрузился. Теперь я видел все его уловки.

– Я ещё не увидел свою маму. Сразу после начала этого безумия мы расстались, и я до сих пор её не видел. Ещё хоть раз хотелось бы её увидеть. Надо проверить одно место.

– Понятно... но вы хорошо подумали? – спросил Старейшина. – Здесь есть и люди хорошие, и еда, и кров какой-никакой. Может, кто-то останется?

– Мы всё обдумали. Нет, мы все уедем. Света очень хотела мне помочь. Она вообще очень любила мою маму, – соврал я. – Ну, мы все вместе с детства знакомы. Она часто со мной сидела, когда был маленьким.

– Понятно-понятно, – кивнул Старейшина. – Хорошо, если так велит твоё сердце – езжайте. На всё есть Его воля. Надеюсь, у вас всё получится. С Богом!

– С богом, – ответил я и вышел.

Всё оказалось проще, чем я думал. С одной стороны, это было хорошо, но с другой настораживало то, как легко он нас отпустил. Но теперь оставалось только встретиться со Светой.

Чуть дальше от храма, неожиданно, из-за дома, кто-то вы-

скочил и затащил мне за угол.

– Не пугайся. Это я, – нервно улыбнулся Женя, но сразу же стал серьёзным.

– Ты чего? – я непонимающе уставился на него.

– Просто невинная шутка, – ответил он и странно хихикнул. – Ты куда-то шёл, да?

– Да, и я спешу. Не до твоих игр сейчас.

– А куда, если не секрет? – его глаза загорелись.

– Мы собираемся уезжать. Поэтому, возможно, ты видишь меня в последний раз.

– Вот как... – Женя удивился. – Я уж думал, что вы останетесь. Он... он же никого не отпускает.

– Послушай, поехали с нами. Здесь лучше не оставаться, – мне не хотелось, чтобы единственный разумный человек оставался здесь и дальше. По крайней мере, несмотря на свои выходки, он казался таким. – Здесь что-то тёмное творится. Поехали с нами.

– Я... я не знаю, – на миг его лицо искажил страх, но потом снова повисла какая-то картонная улыбка. – Нет... нет. Мне лучше остаться здесь.

Женя развернулся, чтобы уйти.

– Послушай, – я схватил его за рукав, – поехали.

– Ты многого не знаешь, – резко вырвал руку Женя, но не уходил. Так мы и стояли молча несколько секунд, пока он снова не заговорил тихо: – Ладно, но... но это надо делать быстро. Они следят, понимаешь? За каждым нашим шагом.

Его агенты, они везде. Когда... через сколько вы уезжаете?

– Не знаю. Я должен был встретиться со Светой возле того дома, – я указал пальцем на заброшенный дом. Женя резко и грубо схватил мою руку, опуская вниз. Он бешено смотрел на меня.

– Идём, – Женя потащил меня вперёд. Я пытался сопротивляться и вырваться, но он был намного сильнее меня.

Света стояла на входе, медленно выкуривая сигарету. Увидев нас, она выронила сигарету и, резким и ловким движением, выхватила пистолет, направляя на Женю:

– Отпустил его, если жить охота, – сказала она.

– Я... я друг, успокойся, пожалуйста, – Женя начал заикаться, но отпустил меня и поднял руки вверх. Запястье неприятно болело.

– Костя, это правда? Ты его знаешь? – Света не опускала пистолет. Я кивнул. – Обернись.

– Зачем? – спросил Женя.

– Чтобы фокусы не выкинул. Посмотрим, что у тебя. Выворачивай карманы, – твёрдо сказала Света. Женя повиновался и выполнил приказы. Внутри у него ничего не оказалось.

– У меня ничего нет, видишь? – сказал он. – Я чист.

Света опустила пистолет и спрятала.

– Ладно, что ты хочешь? – правая рука Светы всё равно держалась наготове.

– Я хочу с вами.

– Куда? Мы никуда не собираемся, – Света перевела взгляд на меня. Мы подошли немного ближе.

– Костя мне всё рассказал. Я не фанатик, успокойся. Я застрял тут так же, как и вы, – тихо проговорил Женя, озираясь по сторонам.

– С чего мне тебе верить? – Света смотрела с явным недоверием.

– Прошу, просто поверь. Я же помог вам с машиной, я помог Косте с одеждой. Пожалуйста... пожалуйста, если я здесь останусь, мне конец, – Женя выглядел совсем отчаянным. Несколько раз у него ломался голос, будто он сейчас расплачется.

– Без слёз. Меня этим не взять, – твёрдо сказала Света, внимательно осматривая его. – Костя, ты за него можешь поручиться?

Я посмотрел на Женю – сейчас он выглядел таким жалким и беззащитным... Я не мог его бросить.

– Да...

– Хорошо. Значит, следи за ним, чтобы он чего не сделал, – сказала Света.

– Так, а когда мы уезжаем? – спросил Женя. – Они уже всё знают.

Света просто посмотрела на него с недоверием и повернулась ко мне обратно, оставляя вопрос без ответа.

– Как твои успехи? Он поверил? – спросила Света.

– Да, даже вопросов не задавал. Удачи пожелал.

– Подозрительно... даже очень. Но времени нет. Тут другая проблема есть, – сказала Света. – Этот идиот запер дверь и пускать меня не хочет. Сказал, что только тебя впустит.

– Меня?

– Да хер его пойми, когда он пьяный. Лучше с этим пораньше закончить и валить. Костя, осторожнее там. Я бы сама дверь выбила, но у него пистолет откуда-то взялся – как бы чего не сделал. А бросить я его не могу, сам понимаешь.

– Я понимаю. Ладно, – я медленно подошёл к двери и постучал.

– Ху из ит? – прямо за дверью стоял Миша.

– Это я, Костя, – голос дрогнул.

Дверь открылась. Рука с силой затянула меня внутрь, а затем дверь закрылась.

– Садись, – сказал Миша. Он поставил мою руку на спинку стула впереди. Не помню, чтобы здесь был стул. Я послушно обошёл стул и сел. В одной руке он держал пистолет и сел напротив меня на другой стул.

– С чего бы начать... – тихо сказал он. Было видно, что он уже протрезвел.

– Миша, давай потом. Пойдём. Нам нужно уезжать... Здесь творится какая-то херня.

– Сайленс! – сказал Миша, и я замолчал. – Дай сосредоточиться... Что... что ты думаешь о Лёше, а? Ты ведь ничего о нём не знаешь. Думаешь, наверное, что он был... даже не знаю... Думаешь, наверное, что он был из тех, кто смеётся

над слабыми, да?..

– Ничего такого я не думаю... – начал я.

– Да заткнись ты! Вот умрёшь, и никто не будет о тебе думать! Никто! И не разу не вспомнит! Мы... мы стали жить в мире, где любой живой человек одновременно и лучший друг, и худший враг, понимаешь? – он встал и начал ходить по комнате. – И... и теперь мы подсознательно не можем думать о ком-то, кроме себя. Ни о ком! И... и это сейчас, а что будет потом? Прошло только несколько месяцев! Ты?.. Ты думаешь, что появится спасение, а? Всё! Это край! Не будет пути обратно! Люди доигрались в богов, – Миша презрительно фыркнул и остановился, подошёл к окну. – Ладно, я... я расскажу тебе историю. Хочу, чтобы ты узнал того, кого все, кроме меня, уже забыли, будто он и не существовал... Я... я жил в приёмной семье. Как ты понимаешь, нечасто встретишь чернокожего с именем «Миша». Мои приёмные родители взяли меня, когда мне было три года. И все знали, что я приёмный. Дети надо мной смеялись, подшучивали, а потом, когда подросли, начали издеваться. Просто потому что у меня другой цвет кожи... Родители пытались разбиться, но ничего не получалось. Да и разве объяснишь что-то ребёнку, пока он сам не захочет объяснений? Нет... Я не хочу сейчас жаловаться о тяжёлой жизни и прочем. Просто знай, что Лёша – первый, кто увидел за моей кожей человека. Его били за это вместе со мной, но он не сдавался, и, в итоге, смог превзойти их всех и смог защищать нас обоих. Разве

встретишь ты сейчас таких людей? Чтобы хоть кто-то о ком-то просто подумал? Не-ет, – он снова начал ходить взад-вперёд. – Это был добрейший человек, а вы делаете вид, будто его не существовало, – голос Миши дрогнул. – Разве вы – люди?! Вы и пальца его не стоите! Вы... вы просто уехали, даже не подумали его похоронить. Оставили его на съедение этим... этим... монстрам! А ты... ты же видел всё и... и просто сбежал...

– Извини, я ничего не мог поделать. Всё произошло так быстро... – сказал я. Внутри что-то защемило. Я знал, что он прав.

– Да что ты вообще можешь?.. – сказал Миша с какой-то ненавистью. – Просто пиявка. Пиявка, которая живёт за счёт других.

– Знаю, – тихо сказал я. Рядом послышался детский смех. Во мне неожиданно разгорелась злость. Я поднялся и мной завладело это сильное чувство: – Я всё это знаю! Думаешь, я ничего не чувствую?! Он снится мне каждую ночь с того самого дня! Думаешь, мне всё равно?! Ты видел как умирают люди? А? Ты видел, как умирают твои близкие? Друзья, а? **ТЫ УБИВАЛ САМ, ЧТОБЫ ОНИ НЕ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ЭТИХ МОНСТРОВ?!..** Ты думаешь, я не знаю? Ты думаешь, мне всё равно?! Думаешь, тебе одному легко?! Нет!

Миша не отвечал, а мне сказать было больше нечего. Так продолжалось около минуты, пока в дверь не постучали.

– Я же сказал, что никого не впущу! – крикнул Миша.

– О-о, вам придётся, – это был голос Старейшины. Он стоял прямо за дверью. – Если вы хотите увидеть ваших друзей живыми – выходите без оружия, с поднятыми руками.

Я не мог понять, что происходит.

– Я прекрасно знаю, что внутри у одного из вас есть оружие. Пожалуйста, не усложняйте ситуацию. Выбить дверь легко, но я не хочу портить дома будущих прихожан. Да и мало ли, вдруг кто пострадает. Пожалуйста, давайте разрешим дело мирно. Даю вам минуту на размышление, а чтобы вы не подумали, что я шучу – Дима, прострели этому предателю колено.

Прозвучал выстрел, а затем раздался истошный крик.

«Что происходит?!» – я не знал, что делать. Я встал и пошёл к выходу, но Миша всё так же сидел. За дверью человек всё так же кричал, но крик его резко прекратился.

– Миша, идём! Они же всех там всех перебьют!

– А смысл?.. – он медленно подошёл и сел на стул, бессмысленно смотря куда-то в пол. – Они убьют нас сейчас, убьют позже... какая разница?

– Но... но... там же Света, Женя, – в голове всё спуталось. Слышался только истошный крик, и вертелся вопрос «что делать?».

– Света? Да... Ладно, иди... Я... я прямо за тобой, – сказал Миша. Я начал открывать дверь. За спиной послышался выстрел. Я резко обернулся: Миша сидел, запрокинув голову. Пистолет, звякнув, упал на пол. Крик вырвался из груди.

«Иди! Иди!» – сказал кто-то прямо в ухо. Я открыл дверь трясущимися руками.

– Он... он... – слова не хотели формироваться в предложения, выходя лишь отрывками. Всё смешалось.

Чьи-то руки потянули меня вперёд, кто-то говорил впереди:

– Нет! А ну-ка, давай собирайся! – крикнул кто-то, больно ударив меня кулаком по лицу. Боль немного отрезвила мысли. Это был Старейшина. – Ты должен всё видеть!

Два человека больно сжимали мне руки, волоча вперёд. Старейшина шёл впереди. Рядом ещё один волочил Женю, а с другой стороны человек в чёрном пальто вёл вперёд Свету, подталкивая автоматом.

Через несколько минут мы оказались перед другим заброшенным домом. Я узнал его – это был тот самый дом с кровью.

– Что... что вы хотите? – спросил я, голос дрожал.

– Ох, что я хочу? – Старейшина задумался. Люди вокруг засмеялись. – Хочу, чтобы Божью волю исполняли, – он нанёс мне ещё удар в живот. Я упал на колени. Руки больше не держали меня. – Ты очень огорчил меня, мальчик. Я думал, что ты будешь мне помощником и другом, но ты отказался от этого. Ты отказался от предложения Всевышнего. Ты прогнул, но, знаешь, я спасу тебя, – Старейшина сделал жест куда-то в сторону. – Ведите их внутрь.

Нас снова схватили и протащили внутрь дома. Меня ки-

нули прямо на холодную замёрзшую кровь. Я больно ударился головой об доски.

– Ты увидишь нашу тайну... Увидишь, нашу слабость, – сказал Старейшина с чувством какого-то маниакального удовольствия. Он стоял возле меня. Свету повели в другой угол комнаты, вместе с Женей. – Приведите и его в чувство! Он должен быть в сознании!

Человек, что стоял возле Жени, кивнул и начал его приводить в чувство ударами по лицу.

– Слышишь ты, бесовский урод, вставай! Скоро отправишься уже к своим друзьям, которых ты кинул, – сказал этот человек с какой-то радостью во время нанесения ударов. Женя с силой простонал. – Наконец-то...

Старейшина пошёл вперёд и встал напротив Жени, склонился над ним.

– Зачем вы это делаете? – прохрипел Женя.

– Я дал тебе шанс исправиться, посвятить жизнь Господу. Я дал тебе шанс стать одним из нас. Дал шанс обрести слово Его, а ты... предатель! – Старейшина встал и носком ботинка ударил его в бок. Я отвернулся, мне было больно смотреть на это.

– Держите его голову! – приказал Старейшина. – Он должен видеть! Он должен прозреть.

Старейшина подошёл ко мне.

– Скажи мне, Костя, ты хочешь помочь своим друзьям? Хочешь их спасти?

– Костя, пожалуйста... делай так, как он скажет, – молил Женя. Он плакал.

– Смотри, там – предатель. Я дал ему шанс исправиться. Я дал ему право жить, в отличии от его друзей, которых он сам и убил. Представляешь, он собственноручно взял этот нож, – Старейшина с улыбкой запустил руку за пояс, – и перерезал им глотки, чтобы я позволил ему жить, понимаешь? Они просили его, умоляли, плакали, но он их убил. Сам.

– Не слушай его... – сказал Женя. Удар человека в чёрном успокоил его. Я скривился.

– Я думал, что этими деяниями он очистит свою душу и мысли. Я думал, что он сможет стать одним из нас, а он решил бежать, подживши хвост, при первой же возможности. Слабая, грешная душа! – сказал Старейшина и поднял руки вверх.

– Грешная! Грешная! – скандировали люди с чёрными дулами автоматов. Внизу, под полом, послышалось мычание. Прямо под нами был целый гул.

– А что мы делаем с грешными душами? – спросил Старейшина.

– Они очищаются болью! – прокричали люди в чёрном. С каждым их криком внизу гул становился всё сильнее. Послышался пронзительный тонкий писк.

– Они чувствуют! Да! Демоны – они чувствуют запах грешной души!

– Не надо! – закричал Женя. – Я сделаю всё... всё что

угодно! Дайте мне ещё шанс, прошу! Только не это!

– Открывай! – скомандовал Старейшина. Человек, что стояли возле Жени, подошёл в центр комнаты и начал доставать доски. Из подвала вырвалось злое мое мычание, писк снова пронзил комнату. – Ведите его.

– Не надо! Нет! – Женя кричал, но его уже даже не пытались успокоить. Два человека подошли, схватили его за конечности, и потащили к яме. Я не мог отвернуться – голову держали железной хваткой. – Нет!

– Да очистится душа твоя грешная, о блудный сын! Да очистится она болью! – говорил Старейшина.

– Да очистится! – прокричали фанатики. Женя кричал.

– Да не даст его плоть смерти нашим семьям и близким, которые стали демонами!

– Да не даст!

– Кидайте!

Я закрыл глаза. Я представлял, что будет дальше. Старейшина открыл мне насильно глаза, больно цепляя пальцем оболочку.

– Нет! Ты должен смотреть!

– Нет! – крикнул я. – Не надо! Прошу!

– Уже слишком поздно...

Двое охранников раскачали тело Жени и с размаху бросили его в яму. Оттуда послышался истошный крик. Он пронзил всю комнату и несколько секунд не стихал. Женя кричал и кричал, но, вдруг, стих. Только раздавалось негромкое

чавканье. Я не мог поверить, что сейчас произошло.

«Нет, это всего лишь сон. Это не может быть реальность» – думал я.

Вдруг, позади послышался щелчок затвора.

– Суки, как же я хочу сейчас вас всех убить... – с ненавистью сказала Света. – Как я хочу вас всех убить, твари! Но не сейчас...

– Что... – сказал тихо Старейшина.

– Молчать! – крикнула Света. – Отдайте мне мальчика, и я никого не трону. Если кто хоть попробует тронуться с места – мало не покажется.

– Да что ты м... – хотел сказать Старейшина, но раздался выстрел и один из двух людей, которые скинули вниз Женю, упал, стоная от боли.

– Ещё хоть одно слово, и я уже не буду стрелять в тело. Лучше не шутить с майором секретной службы безопасности при дворе президента.

– Ах ты тварь... Ладно. Делайте, что она говорит. Отпустите мальчика, – сказал Старейшина.

Рука резко отпустили меня.

– Отойдите от него и бросьте оружие мальчику! – командовала Света. Она стояла у стены с автоматом в руках, а рядом, навзничь, лежал один из местных. Местные сначала растерянно посмотрели друг на друга, на Старейшину, но положили автоматы возле меня, затем отошли на несколько шагов.

– Костя, хватай стволы, и на выход к машине! Беги, не оборачивайся! Я прикрываю!

Я послушно взял три автомата в охапку, и выбежал наружу. Автоматы были тяжёлыми. Бежать было тяжело. Ноющая боль ещё отдавалась в боку.

– Не преследовать нас! – крикнула Света позади.

Я пробежал вперёд мимо удивлённых людей. Никто не пытался меня остановить. Машина оказалась закрыта. Позади прозвучала очередь выстрелов. Света бежала спиной ко мне. Она сделала ещё одну очередь в воздух, а затем куда-то вперёд наугад. Она открыла мне дверь, и побежала на водительское кресло. Я поспешно закинул внутрь стволы автоматов и влез в кабину. Света пулей влетела внутрь, и завела машину. По машине прошло несколько выстрелов.

– Пригнись! – крикнула Света. Я пригнулся и закрыл голову руками, машина понеслась вперёд.

«На этот раз – Миша и Женя. В следующий раз будет Света», – прозвучал Голос. В голове стоял истошный крик Жени.

– Куда мы? – тихо спросил я.

– Не знаю. В город, – ответила Света. – Сейчас важно где-нибудь спрятаться. Они будут нас преследовать – это точно.

Я ничего не ответил. Мы проехали молча около получаса. У меня из головы не выходили мысли о том, что было. Но один вопрос мучал больше всего. Я решил задать его Свете:

– Почему... почему Миша так поступил?

– А что он сделал?

– Он... он выстрелил в себя.

– Ясно.

Через несколько минут Света спросила:

– О чём вы говорили?

– Он... он рассказывал мне про Лёшу.

– Ясно.

– Ты о чём?

– Не выдержал того, что его любимый умер, – сказала Света. – Мы все знали, что Миша любит Лёшу. Да и так... он очень чувствительный. Знаешь, сейчас не каждый может выдержать просто жить. Не говоря уже о большем.

Я ещё больше перестал всё понимать.

– Понимаю, что ты сейчас ничего не понимаешь. Это нужно просто пережить, поверь. Со временем осознание само придёт.

Я ничего не ответил. Говорить не хотелось. Ничего не хотелось.

«Долго ещё ты будешь бежать, оставляя всех, чтобы уйти самому? Или пора уже остановиться?»

День 140-142

Небо было застлано тучами. Я посмотрел на руки – их силуэты слабо различались. Холод, сырыми лапами, обнял меня, вызывая неприятную дрожь.

«Сколько я здесь?» – задавал я себе вопрос, на который не находил ответ.

Вокруг были пустующие бетонные стены домов, создавая коридор. Впереди послышалось мычание – я передёрнул затвор и нацелился в пустоту, затаив дыхание. Тишина. Убивающая тишина. Ветер обдувал лицо, но я его не слышал, будто звуков больше не стало. Внезапно, резкий крик прямо за спиной пронзил голову, оглушая, и повалил на асфальт. Я резко обернулся, но ничего не было. Тьма смеялась надо мной, над моей беспомощностью. Я до боли напрягал глаза, но ничего не смог увидеть. Сумерки сгустились и теперь даже силуэты рук не было видно.

Я встал и пошёл наощупь, держась свободной рукой за стену. Стена была плоская и сплошная, без единой выемки – идеально ровная. Крик позади повторился и послышалось разрывание воздуха. Что-то приближалось. Стрелять наугад было бесполезно, оставалось только найти место, куда можно спрятаться. Я побежал вперёд, беспорядочно, в панике, обтирая рукой стену, но ничего не попадалось. Пальцы старились в кровь.

Что-то, преследовавшее меня, дыхнуло прохладой в шею, ускоряя меня.

«Я же предупреждал», – шепнуло в ухо нечто. Я упал. Оно больше не преследовало меня. Этот голос оглушал. Предложение, раздавшись в голове, распалось на тысячи кусочков, где каждый резонировал, вызывая новые звуковые волны и новые куски, которые, в свою очередь, распадались на новые, и так до бесконечности. Я стоял на коленях, пытаюсь закрыть уши, но ничего не выходило. Я никуда не мог сбежать, потому что это существо было внутри головы.

«Я же тебя предупреждал, а ты не захотел слушать. Ничто не сможет тебя спасти, кроме тебя самого», – твердил голос.

Я попытался закричать, но даже не услышал себя. Лишь осколки голоса разлетались в голове, а глаза застлала полная тьма.

«За свои грехи придётся расплатиться, и ты ничего не сможешь поделать. Смотри, что ты наделал», – после этих слов зрение вернулось и передо мной понеслась вереница образов: Лёша, Павлов, Олег, Максим, мама. Все они смотрели на меня с укором. Я не мог вынести этого, но тело перестало слушаться, а глаза не закрывались. Мне резко захотелось убить себя, лишиться страданий других людей, но появилась Света. Она плавно выхватила автомат из моей руки, выстрелила себе в живот и улыбнулась, а из уголков её рта протянулись две красные нити.

Я попытался закричать, но слова не шли. Губы даже не

шевелились. Затем все остальные повторили процедуру, поочерёдно передавая эстафету друг другу.

«Это всё твоя вина», – шепнул голос. Я больше не чувствовал неприятную сырость в нём. Кое-как я смог повернуть голову, чтобы заглянуть своему ужасу в лицо. У него было моё лицо. Оно нагло смотрело на меня, насмехаясь.

* * *

Я с ужасом открыл глаза, осматриваясь. В костре уже слабо тлели угли, а в окна слабо проникал свет утреннего зарева неба, которое начинало светлеть. Света лежала рядом и лицо её было спокойным.

Я встал и подошёл к открытому окну, накинув куртку. Потом медленно, чтобы не шуметь, открыл огромную железную дверь и вышел наружу. Утром ещё было прохладно, но днём будет теплее. Снег давно уже сошёл, оголяя землю, но и она уже не пустовала. Весна наступала по всем фронтам, и то тут, то там, можно было увидеть набухающие почки деревьев, а сквозь тёмную корку лысой земли уже пробивались зелёные волоски травы.

Я прошёлся немного по лесу, собрал небольшую охапку веток для того, чтобы костёр развести. Здесь нечего было бояться – мы ещё находились за городом, а в лесу восставших практически не было. За те недели, что мы шли сквозь чащу, только три раза нам встречались восставшие и то, обычные.

Почти сразу у нас сломалась машина и до Номира весь путь пришлось идти пешком. Мы старались идти только днём, обходя города. Даже в небольших городках восставших было очень много. С каждым днём их как будто становилось всё больше.

Я тихо зашёл обратно, притворив за собой дверь, и лёгкий полумрак мгновенно сгустился в комнате. С улицы было немного непривычно заходить сюда – глаза ещё не привыкли, а окно лишь немного освещало дальний конец бетонной ячейки.

– Куда ты ходил? – раздался голос Светы в тишине. – Тебя долго не было.

– Ходил за хворостом, – тихо ответил я и подошёл к уже истлевшему пепелищу, подложил вниз немного сухой травы, а наверх положил несколько палочек.

– Правильно, молодец. Уже лучше получается, – Света внимательно наблюдала за моими действиями. – А теперь тихонько разжигай, с самого центра, чтобы сквозняк не сбил пламя.

– Я помню.

Пальцами нашарив в кармане небольшой коробок, я через несколько секунд и две неудавшихся попытки, зажёлг пламя, и оно начало разгораться. Я подкинул ещё несколько веток и сел рядом.

– Как ты думаешь, далеко нам ещё идти? – я не отрывал глаз от огненных танцев. Размеренный треск успокаивал и

расслаблял, усиливая эффект от теплоты костра.

– Нет. Сегодня будем уже на месте, – ответила Света. Она лежала ничком, смотря в потолок, и не выбиралась из своей тёплой синей ракушки спального мешка.

«Всё-таки, удобная это вещь. Хорошо, что Света заставила меня их забрать», – пронеслось в голове.

Света учила меня тому, как нужно выживать. Не помню, сколько прошло времени с момента начала всего этого безумия, но мне необходимо было научиться в нём жить.

– Ты можешь научить меня стрелять из оружия? – неожиданно, даже для себя, слова сами вырвались из груди.

– Я ждала, когда ты попросишь. Да, конечно, – просто ответила Света, будто это было в порядке вещей. – Как обращаться с ножом ты уже знаешь, сегодня постреляем по деревьям, – она привстала на локте, а затем и вовсе встала, вытянулась всем телом, обнажая бледный плоский живот, и села рядом, приставляя руки к костру.

– Круто, – тихо ответил я.

– Но есть и ещё кое-что, чему я хочу тебя научить, – тихо сказала Света, а затем шутливо добавила: – А то надоел ты со своими расспросами.

– Ты о чём? – я непонимающе перевёл взгляд на её лицо, где тень играла в свою игру, вместе с огненными бликами.

– Узнаешь, – Света многозначно улыбнулась, но эта улыбка длилась всего секунду, а затем её лицо снова стало сосредоточенным и серьёзным.

Мы просидели у костра ещё некоторое время. Если верить найденным мной часам, уже было почти одиннадцать утра. Нужно было выдвигаться. Света тоже уже подготовила все наши вещи, и мы только ждали, пока костёр погаснет. От него так не хотелось уходить. Уходить снова в этот холодный и серый мир, в котором смерть могла ждать тебя на каждом шагу, а мы шли в самый её локальный эпицентр.

После того, как последний язычок огня медленно свернулся ярким пятном, прячась в тёмном уголке, Света встала и позвала к выходу. Мы накинули свои рюкзаки и вышли в недружелюбный к людям мир.

Мы, конечно, особо не спешили, но и медлить не хотелось. Лучше всего было пересечь городскую линию до наступления темноты. На поиск места для ночлега могло уйти около часа. Если останется время, то можно ещё поискать в округе припасы. Чем раньше придёшь, тем больше времени на дела.

Примерно через час Света остановилась, оглашая привал. Я плюхнулся на землю и боль неприятным свинцом разлилась по ногам. Света немного отошла в сторону, сев на небольшой пенёк, достала сигарету и закурила, отвернувшись, а затем и вовсе скрылась где-то, но я слишком устал, чтобы идти за ней.

Через пять минут она подошла ко мне, держа в руках несколько зелёных журналов с кружками и линиями.

– Пойдём, – от неё веяло табачным дымом. За левом пле-

чом висел автомат, а за правым болтался чёрный рюкзак. После пяти минут отдыха у меня появились какие-то силы и теперь мог снова идти дальше. Я захватил лямку рюкзака, но Света меня остановила. – Не нужно. Мы ещё здесь побудем. Так иди. Сейчас будем учиться, – она развернулась и зашагала куда-то в кусты. Я бросил лямку и пошёл следом по табачному следу.

За кустами открывалась небольшая полянка: посередине был врыт огромный толстый пень, а на невысоких деревьях впереди, которые кольцом окружали это место, были вырезаны свежие круглые метки. Из одного ствола торчал чёрный нож Светы. Сама она стояла возле этого самого пня, раскладывая те странные журналы, и жестом подозвала к себе.

– Для начала тебе нужно научиться понимать карты и ориентироваться на местности, – сказала Света, открывая один из журналов. Это оказался школьный атлас. Она так же достала из рюкзака небольшой сложенный разноцветный квадратик бумаги – карту – и развернула рядом.

– Зачем нам атлас? Там же нет точных карт.

– Начинать нужно всегда с малого, – тихо ответила Света. – Смотри, мы сейчас здесь, – она пальцем указала на небольшую зелёную область на развёрнутой карте. – Ты знаешь, где находятся стороны света?

– Стороны света? – повторил я. – Не особо. На востоке, вроде как, солнце встаёт. По крайней мере, так говорят, – я стыдливо отвёл глаза.

– Не густо, – ответила Света. – Ладно. Начнём с основ. Представь себе четыре стороны вокруг себя. Спереди расположен север, позади находится юг, слева будет запад, а справа – восток.

– Позади юг, да? – Света ответила кивком. – Понял. Это просто.

– Хорошо, – она улыбнулась. – Перейдём к тому, что сложнее. Запомни, что наша страна находится на северо-западе континента, а сейчас мы в восточном районе, рядом с Молочным, – Света поставила палец рядом с чёрной точкой, над которой было написано «Молочный». – Туда мы и идём. Именно сейчас мы здесь, – она передвинула палец левее на несколько сантиметров, в сплошную зелёную зону, а затем перевернула страницу. – Тёмный зелёный цвет обозначает густой лес, светло-зелёный – равнины и редкие леса. Так же всегда смотри на масштаб. Здесь масштаб один к четырём тысячам метров. То есть, в одном сантиметре четыре километра. Я сейчас не буду вдаваться в подробности, времени нет, но запомни, что в картах зачастую бывают небольшие сноски с обозначениями. Вот, это тебе, – Света запустила руку в свой рюкзак и достала ещё один экземпляр. – Пригодится.

– Спасибо, – я не знал, куда его деть, и просто положил рядом с другим. – Потом заберу.

– Теперь к другому перейдём, – Света убрала все вещи на землю, освобождая рабочее место на небольшом пне, и поло-

жила автомат. – Смотри, это АК-74 – очень распространённая модель автомата. Без него не обходится ни одна современная война. Он крайне прост и практичен. Из него ведётся как автоматический, так и одиночный огонь. Автоматический, как ты мог уже догадаться, является основным видом огня: он ведётся небольшими и длинными очередями непрерывно. Лучше стрелять небольшими – точность выше, – она отстегнула закруглённую часть и положила рядом. – Это магазин – из него, под действием пружины, производится подача патронов при стрельбе. В эту крошку вмещается до тридцати патронов. Прицельная дальность у «ака» до тысячи метров.

– То есть из него можно попасть даже через километр? – я сел рядом, восхищённо уставившись на чудо инженерской мысли.

– В теории – да. На практике это сделать очень сложно. Лучше всего он стреляет до пятисот метров. Стреляет со скоростью больше половины тысячи выстрелов в минуту – это, опять же, в теории. При правильной стрельбе в автоматическом режиме – около сотни, а если небольшими очередями – около сорока. Состоит из ствола со ствольной коробкой, внутри ударно спусковой механизм, а здесь – прицел, вот приклад, и рукоятка. Так, – Света взяла в руки автомат, и начала крутить, указывая на разные места. – Дульный тормоз-компенсатор, крышка ствольной коробки, затворная рама, цевье, вот это ты уже знаешь – магазин, ещё можно штык-

нож прикрепить, но его у меня нет.

Я молча кивал, стараясь уловить каждое слово.

– Понял? – спросила Света.

– Вроде как. Разберусь со временем, – ответил я.

– Хорошо. Попробуем пострелять. Для начала сидя, а потом стоя. Держи, – мы встали и она вручила мне собранный автомат, предварительно подсоединив к нему магазин.

Единственное, как я представлял себе автомат в руках – это образ из боевиков, где главный герой держит его на уровне живота. Я попытался воспроизвести стойку из памяти.

– Не так, – Света замотала головой в стороны и улыбнулась. – В фильмах – ерунда. В жизни ты так вряд ли куда-то попадёшь. Пострелять, конечно, сможешь, но толку будет мало – только патроны потратишь. Возьми цевье в левую руку, а правой схвати рукоять и прикладом упрись в плечо. Автомат должен быть чуть выше уровня груди, чтобы глаза смотрели в прицел, а отдача не выбросила ствол из рук.

Света обошла сзади, и прижалась, схватив мои руки и управляя ими, словно я был просто игрушкой. Она поправила автомат.

– Вот так, – она отстранилась, а я еле удержал ствол на нужном уровне. Это оказалось сложнее, чем мне казалось. Да и сам автомат был довольно тяжёлым. Света усмехнулась, увидев это. – Привыкай к весу. Оружие – твой гарант безопасности. Так... теперь опусти его немного. Видишь, справа, прямо над курком, находится небольшой переключо-

чатель? – я кивнул. Рычаг был поднят кверху. – Это предохранитель. Точнее, переводчик режима стрельбы. Когда он вверху – это означает, что автомат на предохранителе. Стрелять он не будет. Среднее положение нужно для ведения автоматического огня, а нижнее – для одиночного. Переведи в одиночное.

Я правой рукой дёрнул рычаг вниз со всей силы, но не смог его переключить.

– Да, переводчик тут не очень хорошо работает. Тем более, на весу ты точно его не переключишь никак. Прижми его прикладом к плечу, и попробуй ещё раз. Со всей силы.

Последовав инструкции, я приставил приклад к плечу, опустил ствол вниз, придерживая его за цевье, и попытался свободной рукой переключить переводчик. Через несколько томительных секунд он дёрнулся и сполз до упора.

– Молодец, – поздравила Света и хлопнула по плечу. – Основы ты теперь знаешь. Можно и попробовать пострелять, – она прошла чуть вперёд и встала возле меня. – Давай сначала сидя. Так ты к отдаче проще привыкнешь, а то, как я уже говорила, просто не удержишь автомат.

Я с опаской присел, упёршись на одно колено. Приставил к плечу автомат. Сам пень был слишком низкий, чтобы служить опорой.

– Молодец, где научился? – удивилась Света.

– Вспомнил один из фильмов, что крутили по телевизору девятого мая. Там рядовые на учениях так делали.

– Приятно слышать, – Света улыбнулась. – Я думала, что ты только тупые боевики смотрел. Иногда приятно ошибаться. Хорошо... теперь закрой левый глаз, а правым смотри через прицел на мушку так, чтобы она пришлась посреди прорезы, но вершина её не была выше краёв прицельной планки. То есть, твоя задача взять «ровную мушку». Попробуй, удержи дыхание, и целясь. Слови точную мушку.

Сказать это было просто, а вот сделать – очень тяжело. Мушка то уходила в сторону, то была чуть выше – целый геморрой.

– Понимаю, что сейчас тебе тяжело, но со временем ты привыкнешь, и будешь делать за считанные секунды.

Ещё некоторое время я пробовал взять «ровную мушку», но ничего не выходило. Стало жарко. По лбу прокатилась холодная капля.

– Я не могу... – тяжело выдохнул. – Это нереально! Просто нереально научиться этому за пару минут!

– Попробуй ещё раз, – твёрдо сказала Света.

– Нет! Это нереально!

Света молча подошла, протянула руку – я с готовностью отдал ей автомат – вскинула ствол, прикладываясь к прицелу. Послышался щелчок. Прошла пара секунд, и в воздухе лопнули несколько выстрелов.

– Иди проверяй, – сказала Света, переключила предохранитель и положила автомат на пень.

Я встал и подошёл к деревьям. В центре каждой мишени

находилось по маленькой свежей дырочке. Когда я обернулся, Света уже отошла в сторону и тихо закурила, смотря далеко в кусты. Мне показалось, что она была поглощена собственными мыслями.

Я молча подошёл и взял автомат. Меня поразило её умение и мне стало стыдно. Если она тратит на меня время, то нельзя оплошать.

– Как только приблизительно схватил уровень – резко выдохни и максимально сосредоточься, а затем стреляй, – сказала Света, всё ещё смотря куда-то в сторону, даже не оборачиваясь ко мне.

Я приложил щеку к холодному металлу, прикрыл левый глаз, задержал дыхание. Мушка снова, как маленький игривый котёнок, норовила убежать из небольшой прорези, но вот мишень оказалась чуть выше мушки, посреди прорези – я спустил курок и в ухо ударил оглушительный выстрел, а в плечо больно ударил приклад отдачей.

Я встал, и вместе со стволом побежал к дереву: немного ниже вырезанной отметки выступала, сквозь тёмную кору, светлая маленькая дырочка. Я улыбнулся.

– Молодец, – сказала Света, оказавшись рядом. – Это может спасёт тебе жизнь. Конечно, вряд ли ты будешь часто им пользоваться, но знать не помешает. Сейчас дам кое-что другое, что будет более полезным.

Света отошла, склонилась над рюкзаком. Я подошёл к ней. Она достала небольшой свёрток.

– Держи, это твоё, – Света протянула его мне и вложила в руки – он оказался тяжёлым.

– Что это? – я немного посмотрел на газету, а затем начал развёртывать её, высвобождая предмет внутри. Это оказался небольшой тёмный пистолет. Он выглядел каким-то знакомым. Я повертел его в руках.

– Это твой пистолет. Точнее, он был у тебя в рюкзаке, когда мы тебя нашли. Я его забрала, а отдать всё забывала, – Света говорила всё тише и тише, а затем добавила совсем полусёпотом: – Точнее, не хотела отдавать.

– Почему? – уставился я на неё. Я вспомнил, чей это был пистолет. Именно из него я убил Павлова. Рука дрогнула, затем меня всего передёрнуло, начиналась паника... но я совладал с собой.

«Это знак», – прошипел в голове Голос, но я никак не отреагировал.

– Мало ли, что ты мог с ним сделать, – ответила Света и отвернулась. – Особо не потренируешься – всего десять патронов есть, но пару выстрелов сделаешь. И лучше с этим разобраться побыстрее. Нам ещё до потемнения нужно до города дойти. Сам же знаешь, что ночью по лесу лучше не ходить.

– Знаю. Давай объясняй, как из этой штуки стрелять, – я старался держать голос крепким, не давать ему дрогнуть, но руки предательски дрожали.

«Успокойся! Успокойся!» – думал я.

– Эта «штука» – пистолет Макарова. Тоже довольно распространённая вещь у нас. Особенно в военных структурах. Запомни, что лучше всего с него стрелять где-то на расстояние около пятидесяти метров. Ну, вот как отсюда до того дерева, – она указала на небольшое дерево рядом. – Пистолет удобный, компактный. Перезарядка производится автоматически. Стрелять можно без предварительного взвода курка. Предохранитель находится на левой стороне. Для стрельбы нужно его перевести в верхнее положение. Давай, я покажу, как правильно стоять при стрельбе.

Я протянул пистолет. Света отшатнулась и выхватила пистолет.

– Никогда не наставляй дуло на людей! – сказала она с напряжением. Рука нервно дёрнулась. – Передавать нужно рукоятку вперёд, – Света протянула руку с повернутой рукояткой ко мне, а затем резко убрала. – Вот так. Запомни.

Света встала боком и вытянула вперёд руки, пистолет на невидимого врага перед деревьями.

– Смотри, становишься боком. Так меньше поле поражения...

– «Поле поражения»? – я не совсем понял.

– Да. В тебя будет сложнее попасть, – пояснила она, а затем продолжила: – Держишь пистолет в правой руке, а левой поддерживаешь за основание. Ни в коем случае не обхватывай одной рукой другую и не держи одной рукой, не постреляешь – хватки пока у тебя не хватает, что бы отдачу сдер-

живать. Техника прицеливания такая же: закрываешь левый глаз, «ловишь мушку» правым. Всё просто. Только напряги посильнее правую руку, и не забудь взвести курок – большим пальцем сверху. Держи, – Света протянула пистолет вперёд рукояткой, удерживая его за дуло. Я аккуратно перехватил оружие за металлическую ручку и взял его удобней в руку, опустив вниз пистолетное дуло. Света одобрительно кивнула, а затем встал боком, вытянул руки прямо.

– Нет, не так, – она мотала головой из стороны в сторону. – Левая рука должна быть чуть согнута. Ты ей просто поддерживаешь, а основной упор на правую, – я вытянул руки так, как сказала Света. Она кивнула. – Да, так. Попробуй выстрелить, только хорошенько прицелься сначала. Помни: дыхание.

Я левой рукой переключил предохранитель и начал целиться. Вдох. В этот раз я справился быстрее. Выдох. Курок тяжело поддавался на манипуляции, но, в итоге, сдался и прогремел выстрел. Руки опустились, а ноги понеслись к заветному дереву. Возле края самого большого круга появилось новое отверстие.

– Почти, – сказала Света, подходя. – Ладно, хватит на сегодня, – она подняла голову. – Солнце уже в зените. Надо идти. До города ещё около пятнадцати километров.

Я протянул пистолет.

– Не нужно, – Света отвернулась и пошла прочь, бросив на ходу: – Это же твой. Учись держать при себе. Не забудь

переводить его на предохранитель.

Я щёлкнул переключатель и теперь не знал, куда деть пистолет. В кармане ему не место – легко выпадает. В голову пришли кадры из фильмов, где герои держали его за поясом, и я кое-как смог его засунуть, но рукоять неприятно впиалась в спину.

Света подхватила свой рюкзак за лямку, взяла автомат и пошла сквозь кусты к моим оставленным вещам. Я не мог быстро идти из-за боли в спине. Покрутив пистолет по периметру ремня, кое-как всё-таки нашёл место, где всё было «более-менее» и побежал следом.

Света уже стояла, держа в одной руке мой рюкзак, а в другой тлела сигарета.

– Не много ли? – спросил я, забирая рюкзак, а затем водружая его на спину.

– Ты о чём? – Света выдохнула небольшое табачное облако.

– Ты знаешь, – я кивнул на сигарету.

– А, ты об этом?.. – равнодушно ответила она. – Да ладно. Мы всё равно умрём. Не осталось больше той спокойной, немного суетливой жизни, когда можно было бояться рака и надеяться на счастливую старость. Земля уже победила свой «рак», – Света улыбнулась.

– Всё равно это не повод, – я отодвинул ветку, пропуская Свету вперёд.

– Не волнуйся. Всё равно последняя осталась. До вечера

не буду тут «вонять».

Я остановился и посмотрел вокруг. Если присмотреться, то в природе особо ничего не изменилось: с приходом весны всё так же набухали почки на деревьях, готовясь выпустить зелёное одеяние, летали насекомые, а в небе кружили птицы. Но всё равно какое-то странное напряжение витало в воздухе. Или мне просто так казалось?

Дней восемь назад мы набрали на небольшой магазин. Света сразу обошла его стороной, но я зашёл внутрь: шарики, резинки для волос, серёжки, кольца, браслеты – разный хлам. Казалось бы, что всё осталось тем же, но потом ты слышишь вой или крик, и вспоминаешь, что это другой мир. Меня тогда привлекла стойка с часами – некоторые ещё продолжали ход. Я взял одни, с пластмассовым ремешком, чтобы от пота не стирался. С тех пор я мог следить за временем.

Через полчаса мы вышли к шоссе, а ещё через минут десять впереди показался указатель, который гласил, что Молочный находится в одном километре впереди. Света жестом показала привал, и мы остановились прямо возле указателя.

– Надо кое-что обговорить, – сказала она, усаживаясь на траву и доставая зелёный атлас из рюкзака. – Это тебе. У меня ещё есть.

– А зачем мне ещё один? У тебя же есть.

– Мало ли что случится. Пусть будет.

Я забрал его и положил в рюкзак. Достал шоколадный батончик, открыл его и откусил немного. Во рту приятно рас-

пространился сладкий привкус. Живот неприятно заурчал, но кроме этого батончика ничего не оставалось.

Света достала свой атлас.

– Смотри, – сказала она, открывая страницу с небольшой картой города и указывая на самый край. – Мы сейчас зайдём здесь. Нам нужно дойти до вот этого книжного, – она передвинула палец чуть в сторону, ближе к центру листа. – В районе практически нет жилых домов, улочки узкие и петляют, много мелких преград. Рядом, вот здесь, небольшой магазин.

– Понял, – кивнул я.

– И ещё, послушай, пожалуйста, это важно, – я внимательно уставился. – Может случиться всякое, и мы должны быть к этому готовы. Поэтому нужно обсудить запасной план. Если, вдруг, мы разлучимся – вот здесь будет точка встречи, – она пальцем указала на другую часть города. – Это почта, совсем на краю города. Город маленький – от края до края идти всего пару часов. Жди меня там сутки и, если я не придду, уходи к другим выжившим один.

– Постой, – я не хотел принимать то, к чему она клонит. – Я не могу тебя бросить. Может, лучше мне тебя пару дней подождать, а?

– Костя, это вопрос выживания. Остаться на одном месте долго опасно, запомни. Может случится всякое и лучше быть всегда готовым. Не паникуй, это только запасной план. Я пока умирать не собираюсь. Но ты уже можешь сам защи-

тить себя, можешь сам за себя и отвечать. Помнишь, как ты позавчера того восставшего прикончил? Ты, главное, не бойся, не паникуй и всё будет в порядке. Просто лучше быть готовым, чем быть мёртвым.

Я хотел возразить, но не стал.

«Ничего не случится. Уж не знаю, что такое должно случиться, чтобы Света умерла», – уверил я себя.

«Беги-беги, но сбежать не получится», – промелькнул Голос.

Больше мы не сказали ни слова, а через несколько минут продолжили путь.

Город встретил нас неудобными объётиями серых улиц и длинных пустых дорог. Далеко впереди стояли несколько восставших, бесполезно озираясь: в угодыя вошла новая дичь – хищники насторожились.

Мы двигались небольшими перебежками. Света, несмотря на весь груз, двигалась плавно, словно ловкий зверь. Мы аккуратно, не спеша, прошли мимо нескольких подъездов, а затем и ещё несколько дворов оставили позади, углубляясь. Где-то рядом должен быть уже тот самый книжный.

Вдруг, Света остановилась и аккуратно выглянула за угол, а затем повернулась ко мне и легонько коснулась указательным пальцем своего горла, а затем показала три пальца – впереди было три крикуна.

«Три... Плохо дело», – подумал я. Мы не могли взять по одному, а если хоть один успеет крикнуть – мигом появятся

все местные, уже не живые, жители. Этот вариант был вообще не очень.

– Что делать? – тихо спросил я. Так тихо, что даже для уровня шёпота это было криком. Крикуны реагировали на любой странный шорох. Нельзя было давать им повода для беспокойства.

– Ты бери ближнего, а я возьму двоих, – шепнула Света и скрылась за обратным углом.

Я достал из-за пояса небольшой клинок и, на полусогнутых ногах, двинулся к своей цели – это был невысокий человек с большой лысиной, одетый в тёмный, оборванный и очень грязный костюм. У него не хватало одной руки. Впереди стояли ещё двое. Все они стояли, молча смотря в небо. Уж не знаю зачем, но все крикуны смотрят просто вверх. Я подкрался незаметно, секунда промедления, но всё же воткнул нож в голову мертвеца, навеки его упокоив – обмякшее тело мешком упало на землю. Два других восставших только опустили взгляд – прошло мгновение, чернозубая пасть широко раскрылась, но крик так и не вышел из их глоток, а сами тела так же упали. Света стояла позади, вытирая нож об траву. Я тоже вытер нож и засунул его обратно.

Мы прошмыгнули через ещё один квадратный двор: земля в давно покинутом футбольном поле начала зарастать травой, небольшая синяя деревянная беседка обвалилась, а с окон безмолвно и укоризненно смотрели призраки прошлого. В которых местах на первом этаже были разбиты окна,

а где-то – просто открыты. Где-то виделись следы от пуль, была засохшая кровь. К этому никак не получалось привыкнуть.

Прямо за тем двором кончались высотки, а их место занимали небольшие старые узкие улочки. Несколько раз нам встретились старые деревянные избы, правда только одна была с деревянными окнами: одно из которых было прикрыто ставнями.

– Здесь немного осталось, – сказала Света, когда мы проходили по переулку.

Действительно: через несколько минут другая улица так же кончилась, и перед нами показалась небольшая, ничем непримечательная, зелёная библиотека. Она выглядел старой и обветшалой, даже по меркам апокалипсиса, но всё ещё целой. За стёклами виднелись железные прутья решётки.

Света склонилась над дверями, достала из рюкзака свой набор, немного поковырялась, но через минуту послышался щелчок, затем второй, и Света, открыв дверь, вошла внутрь. Изнутри повеяло сыростью. Я вошёл следом. Света закрыла дверь за мной, просунув между ручками железный прут, который она нашла рядом.

Внутри царил полумрак. Сквозь льняной, пожелтевший от времени, тюль едва пробивался вечерний свет, да и сами окна находились на теневой стороне. Света быстро и осторожно нырнула в один тёмный боковой проход, через несколько секунд выйдя из другого.

– Чисто, – сказала она. – Там только одна маленькая подсобка. Даже запасного выхода нет.

– Хм, решётки на окнах, дополнительных входов нет – мини-крепость какая-то, – я усмехнулся. Света в ответ улыбнулась. – Странно даже, что за всё время ещё никто сюда не залез.

– Кому надо сюда лезть? Деньги? Еда? Здесь же ничего нет. Да и мы здесь всего на одну ночь. Надо до темноты успеть проверить магаз рядом и костёр развести, – сказала она, хватая в охапку книги на полках и сгружая их на полу.

Я непонимающе уставился на всё это дело.

– Книги? Мы хочешь разжигать костёр книгами?

– Ты видишь здесь какие-то дрова? Ещё нужно проверить, открывается ли форточка. Может, и не получится никакого костра. Тем более, здесь нет штор, чтобы огонь скрыть, – Света встала напротив окон, задумалась ненадолго, а затем отвернулась. – Ладно, посмотрим. Сначала – продуктовый. Я есть хочу, как безумная. Выложи из рюкзака ненужные вещи, чтобы место было.

Я послушно перебрал свои вещи и оставил толстовку, тетради и рацию.

– Спрячь куда-нибудь. Мало ли, вдруг мы здесь не одни и кто нагрянет. Главное: пистолет возьми, – сказала Света, накидывая на плечи опустевший рюкзак.

– Напомни: далеко ли это магазин? – спросил я, когда мы выходили наружу. Света достала между ручками прутки и

закрыла так же вход с другой стороны.

– Тут через метров двести речка – сразу за ней. Надо только к главной дороге выйти.

Мы быстрым шагом вышли на пустующую дорогу. Впереди действительно был мост, под которым протекала река.

Одно из немногих действий, которые не потеряли свой смысл – это стоять на мосту, наблюдая за движением реки. Можно простоять хоть весь день, забыв обо всём, погружаясь в собственные мысли и наблюдая как внизу течёт огромный поток. Но Света дёрнула меня за рукав, и мы пошли дальше.

Прямо за мостом, в метрах тридцати, стояло бледно-жёлтое здание с потускневшей вывеской «Продукты». На деревянных дверях висел огромный замок. Впрочем, его размер не оказал никакой важности – Света отбросила его в сторону через несколько минут. Каждый раз удивляюсь тому, как она это делает.

Внутри этого места мрак был ещё гуще чем в библиотеке, а в воздухе стоял удушливый кислый запах тухлятины. Я машинально прикрыл нос и рот рукой, сворачиваясь, а Света пошла дальше.

– Не отставай, – шепнула она мне и включила фонарик. Лучик света лизнул полки магазина – мы были первыми его посетителями за много месяцев.

Я, кое-как, пришёл в себя и пошёл следом, включив свой фонарик. Через минуту более-менее привык и запах не казался уже таким резким. Света прошла немного вперёд, и

начала перебирать что-то в мясном отделе. Я начал грузить в рюкзак с полок батончики, вафли, конфеты – всё, что имело долгий срок хранения и ещё могло быть употреблено. Так же взял несколько железных баночек консервов: тушёнки, паштета, разной рыбы. Света уже отошла от нерабочего холодильника и теперь стояла напротив стойки с алкоголем. Мой рюкзак уже был полон, и я осторожно подошёл к ней.

– Ты чего? – спросил я полушёпотом. Бояться было нечего: ни мычания, ни скрытых мест не было.

– Да вот, смотрю и думаю: брать или нет. Хочется немного расслабиться – когда будет другая возможность? Ай, ладно. Живём один раз, – Света махнула рукой и взяла небольшую коричневую бутылку, быстро погрузила её в рюкзак.

– Света, – начал было я, но она рукой прервала мою речь.

– Не нуди. Один раз только, – она улыбнулась, и быстрым шагом направилась к кассам, где находились стойки с табаком. Я пошёл следом. Она быстрым движением достала несколько белых пачек и положила одну в карман, и ещё несколько закинула в рюкзак, ко всем остальным вещам. Я не стал ничего говорить: это не имело смысла. Если Света хотела курить – она курила, и мне никак на это нельзя было повлиять. Тем более, кто знает, сколько нам ещё осталось: может умрём завтра, а, может, через год – никто не знает свой срок.

Мы вышли на улицу. После удушающего тухлого запаха магазина здесь было очень свежо, несмотря на то что не бы-

ло ветра. Я прямо не мог надыхаться. Рюкзак у Светы тоже был полный – оставалось теперь только дойти до нашего перевалочного пункта и можно будет отдохнуть. Ещё один день в живых.

Света шла быстрым шагом, а лицо её украшала какая-то странная улыбка.

– Ты чего? – спросил я её.

– Да так, – ответила она.

Солнце наполовину скрылось за горизонтом, озаряя вечерним заревом небо над ним. Фиолетовые облака были такими далёкими и большими...

Весной всегда темнеет быстро. В течение десяти минут мы уже оказались на месте. Света закрыла за мной двери, и мы вместе с ней придвинули к дверям большой стол, на всякий случай.

Света немного походила по залу, собирая книги.

– Детективы, детективы, – задумчиво сказала она, а затем весело добавила: – Не люблю детективы! Сжечь!

Я попытался открыть окно, но оно не очень-то хотело поддаваться.

– Дай я, – Света стояла прямо за спиной. – Ты лучше спальники подготовь, и поешь.

Мне стало немного обидно за то, что из нас двоих мужиком была Света. Но быстро откинул эту мысль. Тем более, я действительно многое не умел, а она была как суперсолдат из боевиков: сильная, быстрая, смертоносная. И при этом ещё

чудовищно красивая.

Возле предполагаемого костра, возле самого окна, лежала набольшая гора книг без обложки. Я чуть подальше в зал разложил спальники и положил рюкзаки. Света всё-таки смогла открыть окно и внутрь ударила вечерняя свежая прохлада.

– Зажигай, – сказала Света. – Только не забывай подкидывать новые книги – это же тебе не брёвна, которые долго горят.

Я достал спички и, спустя две неудачных спички, маленький язычок огня удачно перекинулся на мировую литературу, поглощая, возможно, великие мысли, которые уже никому не были интересны.

Света достала небольшую белую упаковку и жестяную баночку газировки. Я взял пачку сухариков из рюкзака.

– Сегодня нам повезло, – сказала Света. – Я нашла колбасу – вон она, в вакуумной упаковке. Такие долго хранятся –должна быть ещё съедобной. Тем более, что зима была холодная.

Она достала небольшой ножик, специально для еды, из своего рюкзака, и вскрыла упаковку, нарезала колбасу на несколько кусочков. Тонкий приятный запах мяса растянулся по комнате.

– Повезло! – обрадовался я и подкинул ещё пару книг из кучи.

– Слушай, у меня идея! – Света засветилась. – Подожди,

я скоро.

Света скрылась в проёме, а через секунду послушался шум движения мебели. Я подскочил посмотреть, но Света уже выскочила на улицу. А изнутри было плохо видно улицу.

Через несколько минут она вернулась, держа в руках две небольших палочки. Мы вместе задвинули тумбочку обратно.

– Сейчас будут шашлыки, – улыбнулась Света, проходя к небольшому костру. Она насадила несколько кусочков поровну на палочки и поднесла к костру. – Посмотрим, что выйдет.

Через минут десять мы уже сидели, ужиная. Света достала коричневую стеклянную бутылку и жестяную кружку, открыла пробку и налила себе.

– Я уже и забыла, что это такое, – грустно улыбнулась она, держа в руках кружку с горючей жидкостью. На секунду её лицо скривилось так, будто она сейчас заплачет, но это сразу пропало. Света немного подержала на весу сосуд, а затем резко опустошила и резко выдохнула.

– Так, пить в одиночку – признак алкоголизма, – сказала Света, наливая снова, а затем протянула мне. – На, вот, выпей тоже.

– Я... я не пью, – отказался я. Не хотел говорить, что я ещё никогда не пил. Так и не выдалась возможность это попробовать.

– Отказы не принимаются. Ты сегодня научился стрелять

из автомата! Из пистолета стрелял! Стал мужчиной! Это ли не повод? Надо отметить! Тем более, когда ещё будет другая возможность? – я молча посмотрел на неё, но сдался: взял жестяную кружку и выпил огненную воду – она неприятно обожгла рот и горло, вызывая тошноту, но лишь на миг. Затем приятное тепло разлилось по телу.

– Ух, – сказал я и откусил кусок жаренной колбасы.

Мы выпили ещё по несколько кружек, доели колбасу, и теперь сидели, смотря на пляшущие огни. Света выпила ещё кружку, поставила её на пол. Она повернулась ко мне и резким движением поцеловала, а затем отшатнулась:

– Извини, я... не знаю, что на меня нашло, – тихо сказала она ломающимся голосом. В её глазах стояли слёзы. Она отвернулась и заплакала.

– Ты... ты чего? – я запаниковал. Это был первый раз, когда увидел её плачущей.

– Не обращай внимания... – тихо ответила она, вытирая слёзы, но новый всхлип породил ещё одну волну рыданий.

– Света... – тихо сказал я, не зная, что делать. Мне хотелось помочь, но в мыслях была путаница.

– Всё... – тихо всхлипнула она, – всё нормально, Костя, правда... Просто... знаешь, тяжело всегда быть сильной... Я устала. Я просто хочу чтобы было как раньше: без этих монстров, без смертей, без тяжёлых решений... Хочу, чтобы всё стало по-прежнему, чтобы люди были нормальными, а не пожирающими друг друга монстрами... – она поникла. –

Хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Разве ты не достоин счастья? Чтобы у тебя была девушка, дети? Ты ведь такой добрый... Этот мир, вот это вот всё – оно не для тебя. Но выбора нет. Либо так, либо в могилу... Зачем? Зачем люди так сделали?.. Почему мы должны ходить и грабить то, что осталось, убивать, ждать смерти близких каждый день и постоянно бояться? Я так устала от этой жизни, Костя... – Света заплакала с новой силой.

Я уставился на неё. Света сейчас представилась в другом виде, который я раньше не замечал: она человек, такой же, как и я. Мне вдруг стало грустно, но я сдерживался. Хоть на один вечер, но я буду сильным за нас обоих. Пусть сейчас Света побудет слабой.

Я протянул руку, чтобы приобнять. Света уткнулась в моё плечо и плакала. Я молча смотрел на горящий костёр, утешая девушку, которая может намного больше меня. Оказывается, даже самые сильные из нас – это, всё же, живые люди, которые тоже иногда хотят быть слабыми.

Через полчаса послышался последний всхлип – Света уснула. Я аккуратно положил её на спальник и укрыл курткой, а затем лёг рядом. Она размеренно и тихо дышала. Сейчас лицо её обрело покой. Пусть и ненадолго.

Огонь уже погас. Я немного полежал, а затем встал и, немного шатаясь, подошёл к окну, чтобы его закрыть. Луна сегодня была большая и жёлтая. Она освещала небольшую полянку перед библиотекой: вдаль медленно шли несколько

восставших. Всё было таким до боли знакомым и родным, но, одновременно с этим, чужим и враждебным.

* * *

Света проснулась раньше меня. Она молча смотрела в окно, когда я проснулся. В её правой руке догорала сигарета.

– Проснулся? – сказала она, поворачиваясь. – Забудь, что вчера была. Я выпила и... в общем, забудь. Давай собираться – скоро выходим.

Я лениво посмотрел на часы: «12:48». Уже был полдень. Полдня прошли впустую. Я попытался встать, но в голове была странная тяжесть, которая клонила в стороны.

– А куда мы сейчас? – спросил я, сворачивая свой спальник, а затем пристёгивая его к рюкзаку.

– Хочу проведать одно место, – ответила она, выдыхая дым. – Это рядом. Потом пойдём дальше.

– В Останию?

– Да. Сам слышал – у них там целый город. Если выжившие и остались, то они там, – Света докурила и бросила окурок в окно.

Мы вышли на прохладную улицу. Солнца не было видно, тёмные тучи заполнили небо.

– Будет дождь, – заключила Света. – Но не скоро. Мы успеем дойти, а там переждём.

Мы двигались быстрым шагом.

– Я вот всё не пойму, – начал я. – Откуда ты всё так хорошо здесь знаешь?

– Всё просто: здесь жила моя бабушка и я всё детство тут прожила, – она улыбнулась.

– Ты выросла здесь? – удивился я.

– Да. Тот книжный, где мы были – я туда маленькой ходила, сказки читала. Мы и мимо дома моей бабушки проходили.

– А почему ты никуда не зашла?

– Бабушка уже несколько лет как умерла, – задумчиво сказала Света. – Да и, наверное, не хотела портить образы в памяти. Пусть хоть там всё останется хорошо.

– Понимаю.

– Да не кисни ты, – сказала она. – Всё это ерунда уже. Жить прошлым – сейчас непозволительная роскошь.

– Да ты философ, – засмеялся я.

– А то! – Света тоже усмехнулась.

Мы прошли реку, магазин, свернули в сторону и шли вдоль большой дороги. Впереди маячили высотки. На удивление шли мы без проблем и никого не встречали – только один обычный восставший стоял напротив почты, но Света быстро с ним расправилась. Тучи с каждой минутой становились всё гуще и, вскоре, всё небо было ими заполнено до краёв, лишь только слабым светлым пятном выделялось солнце.

– Ой-ёй, – сказала Света. – Надо поторопиться.

Сразу после её слов воздух разрезал раскат грома. Мы перешли на бег.

– Туда, быстрее, – крикнула Света, указывая на красное круглое здание впереди. Вывеска на нём была в виде пиццы, от которой отрезали один кусок.

В лицо ударили первые капли, а затем обрушился ливень. Было такое ощущение, будто попал под внезапный водопад.

Мы забежали под крышу, Света принялась обыскивать карманы.

– Не могу найти, – сказала она.

– Что ты ищешь?

– Крючок свой, для взлома, – она безуспешно хлопала по карманам. – Был же всегда вот здесь, в левом нагрудном.

– А нельзя ли просто выбить окно? – я дёрнул за ручку, но дверь была наглухо закрыта.

– Тогда сработает сигнализация, – Света всё ещё пыталась найти свой инструмент.

– Какая сигнализация? Электричество давно не работает.

– Ты прав. Отойди, – Света взяла с земли небольшой красный кирпич, замахнулась, и бросила в окно – оно мигом раскрошилось, и посыпалось вниз.

Внутри что-то загудело.

– Я же говорила! – крикнула Света. – Стой здесь, я быстро, – она с разбегу запрыгнула внутрь.

Гудение усилилось, вдалеке послышалось мычание, а затем и резкий тонкий крик разрезал пространство, будто мас-

ло. Я опасливо оглянулся: сквозь стену дождя были видны быстро приближающиеся тёмные силуэты. Они плотной массой двигались к нам. Несколько бегунов вырвалось вперёд.

– Здесь у нас гости! – крикнул я, просовывая голову внутрь помещения. Сигнализация всё ещё гудела.

– Что такое?! – голос Светы шёл откуда-то изнутри.

– Восставшие! Много! – крикнул я.

– Сука! – ругнулась Света.

– Они почти здесь! Надо уходить!

– Я... – голос Светы резко оборвался. – Беги без меня! Я догоню! Жди меня на почте! Помнишь?

– Да, но... – начал я.

– Беги! Всё будет нормально!

Я сорвался с места и побежал в сторону. Я не знал куда бегу и куда нужно было бежать. Для начала надо было хотя бы просто оторваться...

Через минуту я оглянулся: восставшие облепили пиццерию. Оттуда слышались выстрелы, но долго оставаться было нельзя – несколько восставших шли в моём направлении. Один бегун помчался в мою сторону.

Я бежал так долго, как только мог. Я пытался бежать петляя, чтобы меня было тяжело найти. Через какое-то время я выбился из сил, оглянулся – позади никого не было. Я был в каком-то небольшом квадратном дворике.

Добежав до беседки, я быстро раскрыл рюкзак, пытаюсь

найти атлас, в котором была карта города, вытащил его и начал суматошно листать страницы. От мокрых пальцев бумага размокла, но это меня не останавливало. Открыв на нужной странице – я начал перебирать воспоминания в голове, чтобы найти ориентир.

Дождь стихнул и уже просто слабо моросил.

Я вспомнил, что прямо перед двором я пробегал школу. Вроде бы на табличке была цифра «6». Глазами теперь я искал эту школу и через несколько секунд нашёл, а заодно определив двор, в котором находился. Отсюда до нужной почты оказалось всего ничего – метров четыреста.

Бежать особого смысла я не видел, да и мокрая одежда была балластом. Лучше было осторожно пройти, не привлекая лишнего внимания.

Вскоре я уже был на пороге этой почты – дверь, на удивление, оказалась открытой. Внутри на полу лежали угли.

Кое-как я смог пододвинуть шкаф, чтобы закрыть вход. Затем медленно обследовал каждую комнату – всё было чисто.

Сняв мокрые вещи, разложил их на деревянных стойках, а затем достал из рюкзака толстовку и надел, чтобы не замёрзнуть.

Походив снова по помещениям, нашёл два толстых почтовых каталога. Я порвал их на несколько частей и положил на угли.

Теперь осталось поджечь. Сразу с досадой вспомнил о

том, что вся одежда теперь висела мокрая, а там, в куртке, лежали спички.

Я посидел немного, смотря на свой несостоявшийся костёр и вдруг вспомнил, что в рюкзаке держал запасной коробок. Быстро подбежал к рюкзаку, открыл сначала основной отдел, а затем скрытый карман – коробочка была сухая.

Через несколько минут я нашёл и принёс деревянный стул, разложил вокруг вещи, и теперь грел руки у костра.

Прошёл час, второй, третий – Света не появлялась. За окном начинало темнеть.

«Она не придёт», – сказал Голос.

– Она придёт, – сдерживая злость, ответил я.

«Ты знал, что так будет – это твоё проклятье. Теперь ты один».

– Она придёт! – твёрдо сказал я. Голос отступил, а я сидел и ждал.

* * *

Послышался детский смех. Совсем рядом. Я резко открыл глаза. В окно уже пробивалось утро. Света так и не пришла.

«Пришла она? – с усмешкой спросил Голос. – Я говорил тебе. Предупреждал тебя, а ты, как идиот, меня никогда не слушаешь – вот и снова умер человек. Ты виноват в этом.»

– Нет! Ты врешь! Она придёт! – закричал я.

«Подумай сам: если бы она была жива, то почему не при-

шла? где она пропадает? Или ты наивно веришь, что в такой толпе она могла выжить?»

Мне нечего было возразить.

«Тем более, что она сама была готова. Вспомни её слова: если я не приду в течение суток – уходи».

– Но... но я не могу уйти. Может... может надо сходить туда? Посмотреть? Убедиться?

«Не трать время попусту. Не строй из себя ребёнка – ты знаешь, что с ней произошло. И не играй в героя – уже никто не оценит. Меня ты не обманешь», – заключил Голос.

Его аргументы были железными, а слова подавляли. Мне вдруг стало очень горько, я чуть не заплакал от бессилия, подошёл к стойке и больно ударился головой, упал на пол и скрутился.

«Он прав, нужно уходить».

«Молодец».

Я снял толстовку, одел высохшую одежду, затем сложил спальник, накинул рюкзак и пошёл к выходу. Отодвинув шкаф, вышел на улицу. Теперь я был один.

«Ты никогда не будешь один – помни это», – поправил меня Голос. Но всё равно, я мог рассчитывать теперь только на себя.

День встречал меня весенней прохладой. Казалось, будто весь мир теперь стал холодным.

День 165

Снег неприятно проскальзывал внутрь сапог, к уже мокрым ногам. Ступни коченели. Идти становилось всё тяжелее. Ветер так и норовил сбить меня с небольшого каменного уступа. В лицо бил мокрый снег.

Оступился, нога соскользнула вниз, но я успел схватиться рукой за небольшой выступ в скале.

«Нужно быть осторожнее».

Я не знал зачем, но знал, что нужно идти вперёд. Нужно пройти эту треклятую гору и спустится вниз.

Возможно, там меня ждут. Возможно, и нет. Хотя, кто ещё меня может ждать? Кто ещё помнит обо мне?

Как же я устал.

Позади послышался крик – нужно было ускоряться. Оно приближалось.

Уступ становился всё меньше и меньше, и вскоре мне пришлось вовсе жаться к стене.

Позади, сквозь белую толщу снега, просачивался тёмный силуэт. Его красные глаза прожигали душу прямо до основания.

– Что тебе от меня надо? – не выдержал я.

Оно не ответило, лишь отступило, скрываясь в пурге. Что это – я тоже не знал, но преследовало оно меня уже давно.

Через несколько часов выступ сменился дорогой, камен-

ные стены тоже исчезли.

«Теперь точно не сбежишь», – послышался где-то рядом зловещий хохот.

Я рванул со всех ног, но снег под ногами превращался в топь, захватывая и не выпуская ноги. С каждой секундой стальная хватка становилась всё сильнее.

– Чем больше ты сопротивляешься – тем больнее будет, – прошептал кто-то совсем рядом, но никого не оказалось.

– Кто ты?! – крикнул я, озираясь. – Что тебе нужно?

Я достал небольшой нож, выставил перед собой. Пытаться выбраться в этом болоте было бесполезно. Единственное, что оставалось – это перейти в оборону.

– Где ты? – я безуспешно озираясь, но никого не было. Погода наладилась, снег на земле исчез, уступая место коричневой грязи. Стало жарко в зимней куртке.

– Я всегда рядом, – странная его тень склонилась надо мной. Там я отчётливо увидел красные огненные глаза и ужаснулся. – Нравится?

Я вскинул руки, надеясь попасть ножом в своего врага, но тот лишь рассмеялся. Я поднял голову и увидел, как нож медленно пропадает, растворяясь, в чёрном силуэте.

Топь превратилась в песок, и я смог выбраться. Оставалось только бежать. Бежать, куда угодно. Позади прозвучал припадочный смех – он громом раскатился в моей голове, сваливая на землю.

– Глупый! Глупый! – кричал он, становясь ближе с каж-

дой секундой. – Тебе не сбежать! Я всегда, – тут этот силуэт возник прямо под моими ногами, – рядом.

«Это невозможно», – я отказывался верить, закрыв уши ладонями, сомкнул глаза и побежал прочь. Наугад, на удачу – лишь бы спастись.

Вдруг, я врезался во что-то и отлетел назад. Передо мной стоял человек в сияющих доспехах. Он склонился надо мной.

– Парень, ты чего? Замученный какой-то. Может, тебе отдохнуть надо? Так ты пройди внутрь, выпей, посиди, – стражник открыл дверь, приглашая. Я, быстро обернувшись, нырнул внутрь.

Здесь царила странная атмосфера: люди пили, ели, смеялись и играли. Выглядело так гармонично, только вот я, весь в грязи и безумным взглядом, не вписывался.

Официантка подошла ко мне:

– Вечер добрый, мил человек. Смотрю, вы совсем заплутали, – она указала на мою грязную одежду и достала откуда-то из кармана совсем новую рубашку и джинсы. – Ничего, исправим. Всё исправим.

Я прямо перед ней сменил одёжку. Сразу стало легче.

– Так-то лучше, – улыбнулась она. – Пройдите теперь внутрь, веселитесь!

– Можно мне покушать? – улыбаясь, тихо спросил я.

– Конечно. Здесь можно всё, – официантка скрылась в большой людской массе.

Она появилась через несколько минут и поставила на мой стол большое блюдо с куском свинины.

– Прощу, – откланялась официантка и снова скрылась.

Я принялся за еду, осматривая людей. Всё здесь было хорошо, но что-то настораживало.

Да, люди здесь выглядели весёлыми, но то и дело я ловил на себе чужой хищный взгляд из этой толпы. И тут я понял: у всех были шапки. Абсолютно у всех. Я подскочил и сорвал шляпу у одного, по виду, богатого купца. Два чёрных рога вырвались наружу.

– Зачем ты так? – спросил он, раскрывая острозубую пасть. – Так ведь неинтересно. А как же поиграть?

Все окружающие начали срывать с себя одежду, оголяя волосатое демоническое тело и выпуская острые хвосты. Свет в здании начал гаснуть. Я рванул к двери, но лишь дьявольская насмешливая улыбка показалась в проёме, удерживая дверь.

«Я предупреждал тебя. Столько раз уже... Ты так глуп», – пронёсся чей-то голос в голове.

* * *

Я в ужасе открыл глаза. Сел, осматриваясь. В окно в соседней комнате умеренно тарабанил дождь. Я кое-как перевёл дыхание, посмотрел на светящиеся стрелки часов: было около шести часов. Лёг обратно, уставившись в потолок.

«Почему мне это снится? Это ведь не первый раз уже».

Ответа не было, Голос молчал. В последние дни он вообще не даёт о себе знать – меня это даже начало волновать.

Я лежал и думал о всяком. Целые сотни мыслей пролетали в голове длинным составом. Сотни образов сменяли друг друга. Вспоминал прошлое, мигом переключался на то, что могло бы быть или чего не будет никогда. Обычное состояние, когда не можешь уснуть.

Таким образом, прошло несколько часов, стало светлее. Сквозь дверные щели проникал утренний свет.

Вставать не хотелось.

Я мог пролежать весь день, никуда не выходя. Мог вообще больше никуда не выходить, но будет ли тогда смысл в том, что я прошёл? Будет ли смысл в тех жертвах, что отдали люди за меня? Будет ли тогда хоть в чём-нибудь смысл? Я должен был идти.

Я закрыл лицо руками, вдохнул полной грудью, выдохнул, снова вдохнул, снова выдохнул, и встал. Здесь главное было не начинать считать. Просто резко встаёшь, и всё – вот и весь секрет волевых людей.

Было немного неприятно надевать остывшую за ночь одежду. Я быстро протиснул ноги в тёмные джинсы, просунул голову в водолазку, натянул её на тело.

«Чем быстрее оденешься, тем быстрее согреешься».

Вышел в небольшой светлый зал, подошёл к барной стойке, за которой лежали мои вещи.

После этого достал из рюкзака литровую бутылку воды, пачку сухариков. Съел, запивая, а затем взял ножницы и достал небольшое зеркальце.

Волосы уже лезли на лицо, нужно было их состричь. Иногда грязные волосы плохо поддавались, да и ножницы были туповаты. Пару раз волосы больно затянуло.

После этой процедуры было тяжело признать своё отражение: грязное, с сильно натянутой кожей, более грубое. Будто какой-то другой человек смотрел на меня с зеркала. Не помню, когда уже и видел себя. Тёмные волосы кривыми клочками торчали из головы.

Нужно было отсюда уходить: за последние дни восставших становилось всё больше – они будто чувствуют меня. Да и приходится заходить всё дальше, ресурсы кончаются. Необходимо было менять место, где мог бы паразитировать.

Я достал из рюкзака потрёпанный атлас, раскрыл его прямо на стойке. До Остании оставалось ещё километров пятьдесят. Совсем рядом находилась небольшая деревенька – можно было бы остаться там на ночь, а утром двинуться дальше.

Я закрыл свой путеводитель, кинул его обратно, встал, накидывая рюкзак на плечи.

Брать с собой какие-либо вещи было бессмысленно: если мне нужно что-то, я просто это нахожу. Сотни магазинов одежды остались без посетителей. Только нормальную еду найти всё сложнее: с каждым днём всё больше продуктов

портятся.

День сегодня был не очень: холодный влажный ветер обдувал лицо, немного волновалась вода в пруду, солнце было высоко в чистом небе и не светило сильно, скрывшись за тучами, а деревья тихо шумели листвой. Но всё это лишь внешнее спокойствие. Расслабишься – и ты труп. Я присмотрелся: чуть дальше, за деревом, пошатываясь, стоял восставший. Он молча смотрел в сторону пруда, немного задрал голову.

Я тяжело выдохнул, мне было до сих пор противно, но ничего не поделаешь: им необходимо дать упокоение. Тем более, одной угрозой меньше. Без него будет только лучше.

Я достал нож, тихо подкрадываясь сзади. Почти подобрался, но ветка под ногой предательски хрустнула, и восставший резко обернулся ко мне, показывая всё своё гнилое естество. Он бросился на меня – я замешкался и упал. В нос ударил затхлый запах, от которого могло бы раньше стошнить, а зубы потянулись ко мне. Несколько тёмных капель упали мне на щёки. Но всего секунда и из его головы потекла тёмная жидкость, которая раньше была кровью – тело, обмякшее, навалилось на меня.

Я быстро отбросил труп в сторону и тут же огорчился: водолазка была наполовину заляпана большими кровавыми пятнами. Ещё больше удручало то, что переодеться сейчас не было возможности.

Я вытер нож и спрятал в чехол. Нужно было идти дальше.

Временами мне приходили мысли о прошлом. Особенно они были активны во время таких вот прогулок. Глазу всё равно не за что было зацепиться. Хотя граффити на стенах и потрескавшиеся записи на асфальте вроде «Зая, я люблю тебя» радовали. Хоть это и были частицы мёртвого прошлого, но оно ещё не ушло. Как будто человек физически оставил о себе память во времени. Конечно, вряд ли, и «зая», и тот, кто это написал, были живы, но всё равно... Память о них останется ещё надолго.

Солнце уже перевалило за линию полудня и теперь медленно ползло вниз. Я подходил к границе этого небольшого города. По пути, внутри одного ларька, нашёл две пачки чипсов, и теперь поглощал их. Я поднялся на холм и увидел впереди две тени: два восставших стояли, запрокинув головы – крикуны. Их нельзя тревожить – лучше обойти.

Я пригнулся и небольшими перебежками пробрался мимо, прямо в густой зелёный лес. Здесь тоже нужно быть бдительным: охотники могут ждать тебя в любой куче, в любой яме, в любой луже. Я не знаю «как» они это делают, но получается что на каждом шагу опасность. Такое ощущение, будто они эволюционируют, становятся лучше. И это пугает. Невозможно ориентироваться только по ушам и глазам – теперь нужно иметь какое-то шестое чувство, невероятную внимательность. Шевельнулись листья в куче? Лучше всего стрелять, а вот бежать нельзя – можно попасть на другого охотника. Я видел такую картину: восставшие дерзали мёрт-

вого бедолагу, а рядом были три развороченных кучи листьев. Поэтому лучше обходить стороной все подобные места.

Пару дней назад я попробовал охотиться сам. Пробовал подстрелить зайца, но промазал. Даже не знаю: намеренно или случайно это случилось. Теперь осталось девять патронов. Больше не буду пробовать.

Примерно через час лес оборвался, уступая место огромному полю. Прямо за полем виднелись тёмные деревянные домики, заходящие уже в другой лес.

Пусть трава ещё не успела вырасти, всё равно нужно было идти аккуратно.

«Странно, что они построили деревню, не вырубая лес подчистую», – подумал я.

На то, чтобы перейти поле, у меня ушло добрых полчаса. Стало жарко, но снимать водолазку нельзя – это обманчивое тепло. Да и так хоть какая-никакая защита есть.

Оказалось, что подходы к деревне огорожены разным мусором. Возможно, внутри тоже кто-то есть.

Сначала лучше понять есть ли кто, чтобы уйти по-тихому, если что.

Я тихо перемахнул через забор и подобрался к одному из домов вплотную. Никаких разговоров, шума – ничего. Заглянул в окно – чисто. Подошёл к двери – она оказалась открытой. Было здесь какое-то странное спокойствие, тишина – я насторожился, и медленно вошёл в дом, прошёл немного.

Казалось, люди здесь жили ещё совсем недавно: пыли было мало, и вообще было как-то убрано.

В углу висела деревянная икона – она молча смотрела на меня, и вообще следила за всем домом. Я прошёл вдоль шкафов – ничего толком там не было: заплесневелый хлеб и пачка макарон. Особо этим не наешься.

Вошёл в небольшую комнату, откуда шёл тошнотворный запах: на кровати, навсегда упокоившись, лежали два разлагающихся трупа: парень и девушка – вроде как молодые, но уже особо не разберёшь. В руке парня покоился пистолет. Я осторожно подошёл к ним для проверки – в голове каждого была дыра. Я ужаснулся и припал к стене.

«Как... так?» – я съехал по стене вниз, прикрыв рукой глаза.

Меня не испугали сами трупы – в этом мире смерть уже стала делом привычки. Меня напугал вопрос «зачем?»: зачем молодым людям убивать себя? Людей и так осталось совсем мало... Да и, видно, умерли они не так уж и давно, так как они только начинали гнить.

«Я уже видел много смертей. Надо вставать и идти дальше. Нельзя останавливаться. Надо проверить дом и идти дальше. Надо идти. Надо», – сказал я себе. Медленно встал и, тяжело вздохнув, решил проверить комнату.

– Извините, – попросил прощения у давно мёртвых людей. Выхватил пистолет из мёртвых крепких рук, случайно оторвав часть пальца мертвеца – я испугался и отбросил в

сторону ствол вместе с иссохшим суставом. А затем при-
смотрелся: на тумбочке, рядом с кроватью, лежал небольшой
белый листок. Я развернул его и начал читать, пытаюсь разо-
браться кривой почерк:

«Интересно: будет ли кто-то это читать вообще? Ай, ну и
ладно!

Ира мне говорит, чтобы я ничего не писал, но хочу и буду!
Тем более, это наши с ней последние часы. Хочется, чтобы
меня кто-то вспоминал. Вот ты же читаешь, а? Мы как будто
говорим – прикольно, да? Меня зовут Сергей. Ох, не знаю,
как же описать всю ту суматоху, что в голове засела. Столь-
ко мыслей! Блин, а писать предсмертные записки – это не
так и просто, как я думал. В фильмах же как – взял, да за
пару секунд написал. А вот когда собираешься уйти из жиз-
ни, реально уйти, то в голове полнейший хаос: попадёшь ли
куда-то, переродишься или это всё, конец? Ладно, читатель,
не буду тебя мучить.

Мы убили себя не просто так. Это наше добровольное ре-
шение. Винить никого не надо. Мы решили, что лучше уме-
реть сейчас и, возможно, кого-то спасти, чем медленно умира-
ть от голода всем вместе. Леонидыч сказал, что, если оста-
вить человек семь, может и выживут они до конца зимы, а
там уж как-нибудь проживут – можно же и в город пойти.
Вот мы и решились.

Надеюсь, это реально всех спасло, и вы сейчас читаете,
думаете “Спасибо Лёше и Ире за то, что они сделали!”. А

иначе, зачем это всё?

Хорошо, конечно, что эти твари до нас не добрались – и то спасибо Богу за это. Но, вот, уйдём по-другому.

Эх, как же жить охота, вы бы только знали! Но наша смерть даст жизнь другим людям – не так хоть и страшно. У нас и малыши ведь есть, пусть они поживут. Надеюсь, если рай есть, то меня пустят в нашу жертву.

Это ведь я нас двоих убивать буду – может и не пустят.

Убийство... Я понимаю, что это всего секунда: выстрел, и всё, но придётся убить самое важное, что у меня есть... Но Ира сама не сможет себя. Нет. Я должен сам. Так будет правильнее. В общем, потомки, передаю вам привет из прошлого! Увидимся там!

Сергей, зима 2015 года».

Было тяжело дышать. Внутри всё сжалось. Я посмотрел ещё раз на два трупа: на их обезображенных лицах было что-то вроде улыбки, а руки были скреплены вместе. Слеза прокатилась по щеке, но я её быстро смахнул – сейчас не время горевать. Я теперь просто не мог что-то тут взять, нарушить их покой – поэтому положил пистолет обратно и пошёл к выходу.

Деревянная дверь нехотя поддалась, выпуская меня на улицу. Я прошёл двор и вышел к улице – здесь была ещё более жуткая сцена: десятки трупов лежали, уткнувшись в землю. Я, тяжело переведя дыхание, пошёл по дороге. Здесь были и дети: пара совсем маленьких тел лежали у забора. Я

подошёл и аккуратно перевернул одного из них – на маленькой нашивке было написано «Саша», у второго ребёнка было имя «Катя». На их лицах навсегда застыл ужас. Я прикрыл им глаза и оставил, продолжая путь.

Каждая голова была прострелена. При том, что убиты многие в спину, а кому-то стреляли в живот, голову, ноги...

«Кто мог это сделать? Зачем?! Как люди могли это сделать?» – вертелись вопросы в голове.

Человек – существо привыкающее. Ко всему можно привыкнуть. И к ужасной вони, и к вечной грязи, и к голоду. К смерти тоже можно привыкнуть, но это самое ужасное. И с каждым телом жалости всё меньше. Будто каждая смерть откалывает человеческую частичку, хороня её вместе с собой.

В самом конце деревни стоял небольшой деревянный дом. Он стоял одиноко, в стороне ото всех. На двери этого дома был криво нарисован белый крест. Я зашёл внутрь: здесь тоже царил смрадный запах. Я медленно прошёл внутрь, держа наготове нож. Здесь было две комнаты: кухня и спальня. Дверь в спальню была заперта, но мне хотелось полностью обследовать этот дом. Именно его и именно сейчас.

Я отошёл чуть назад, и со всей силы врезался в дверь – та с треском отрылась. В кресле напротив входа был ещё один труп. Пожилой мужчина. На его ногах покоился ствол дробовика, а в руках был небольшой блокнот. В голове его зияла огромная дыра, я посмотрел вверх – на потолке было тёмное пятно и следы от дробин.

«Я устал. Очень устал. От всего этого. Это... как это вообще произошло?» – я упал на стул рядом, посмотрел ещё раз на мёртвого человека. В комнате была гробовая тишина. Я только сейчас понял, что во всей деревне я не услышал ни одного звука, кроме своих шагов. Будто это место было проклято, и всё здесь мертво.

Я протянул руку и взял небольшой блокнот. Страницы с краю немного слиплись из-за крови. Надо было аккуратно разлеплять каждую, смачивая слюной. Кривой беглый почерк было сложно разбирать. Пришлось встать и подойти к окну:

«Безумие! Это какое-то безумие! Леонидыч говорит, чтобы мы убивали друг друга. Говорит, что только так сможет хоть кто-то выжить. Бред!»

«Вызвались двое. Серёга и Ирка. Я пытался их отговорить, ведь молодые совсем. Такая пара... Я-то ладно старый дурак, а они куда. Но Серёга ни в какую. Как камень встал, и всё. Дурак.»

«Провожали все их. Но никто не захотел хоронить. Сегодня ещё двое вызвались. Ну так ведь нельзя... что-то надо делать. Надо идти в город.»

«Хочется есть.»

«Никто умирать не хочет. Я тоже не хочу, но уже слишком мало. Люди начинают волноваться.»

«Если через неделю не придумаем что-нибудь, то пойду в город. Всё равно на этих демонов. Лучше рискну. Не хочу видеть новые смерти.»

«Безумие! Они стреляли друг в друга. Из-за мелочи. Из-за еды. Перестреляли. Всех. Все мертвы. Даже Сашка и Катя... малюток убили. Ироды.»

«Прошёлся сегодня по двору. Ужас. Разве это люди? Как это произошло? Зачем?»

Было тяжело, но я дал всем упокой. Больше не будет монстров. Я остался один. Совсем один.»

Последняя страница сильно слиплась. Пришлось её долго разлеплять. Там оказалось несколько строчек:

«Не могу. Они все здесь! Я больше не могу! Кажется, я схожу сума. Я уже три дня не выходил из дома.»

Сегодня ко мне снова приходил Серёжка во сне. Были там и Катя с Сашкой – улыбались, звали с собой.

Нет сил. Извините меня все за всё.»

Я медленно перевёл взгляд на мертвеца. Видимо, он просто сдался. Я его понимаю: как могло так случиться? Да и разве можно было что-то сделать?

Мне вдруг стало очень больно и грустно. Я бросил записку и понёсся прочь. Даже не смотря куда бегу. Просто хотел убраться подальше отсюда. Куда-нибудь, где люди ещё остались людьми. Подальше от всего этого ужаса.

Так бежал, пока не споткнулся и упал. Долго не вставал. Я плакал. Сильно плакал и долго. Внутри боль выливалась

за края, обжигая внутренности:

«Где же тот мир, который мы потеряли? Зачем мы его уничтожили? Многие хотели апокалипсис или войну – разве оно того стоило? Зачем?!» – думал я, но это были вопросы без ответов. Точнее, вопросы, на которые нельзя дать хороший ответ. Ты знаешь его, но зачастую боишься сформировать, так как он тебе не нравится.

Я был на краю поля, уже темнело. Кое-как встал и пошёл сквозь темнеющий лес. Нужно было найти укрытие. Впереди показались зелёные цвета – заправка. Значит, я вышел к шоссе. Сил почти не было. Хотелось упасть и никогда больше не просыпаться. Но я знал, что проснусь, и ещё не раз.

Я достал нож, подкрался к зданию – дверь оказалась открыта. Я тихо прошёл внутрь, не закрывая дверь за собой. Внутри был погром: на полу валялся разный мусор, полки были повалены, а столы перевернуты.

Я быстро прошёлся по всему помещению – чисто. Прошёл в небольшую служебную комнату, закрыл её изнутри, разложил спальный мешок и прямо в одежде залез внутрь.

«Ты никогда уже не сбежишь от этого», – весело сказал Голос.

– Почему ты веселишься?! – крикнул я. – Все эти люди умерли! Детей! Убили детей даже!

Я вспомнил что сделал Павлов, маленького Максима, и меня ещё больше накрыла злость.

– Так нельзя! Нельзя!

«А ты хотел, чтобы они страдали дальше? Подумай: ведь это мы живём и страдаем, а они уже давно упокоились. Им бояться нечего, не нужно ничего искать, сражаться. Разве ты хочешь сражаться за свою жизнь постоянно?»

– Всё равно! – я закрыл уши руками. – Все они мертвы!

«Не притворяйся, что тебе не всё равно. Они для тебя ничего не значат.»

– Нет!

«Не обманывай себя», – сказал спокойно Голос.

– Уйди! Оставь меня! – кричал я и Голос ушёл.

На время я остался один. Наедине со своим прошлым, с вопросами, с болью – со всем, что меня преследовало.

День 188-189

— Папа! Папа! Смотри! Там дядя огнём дышит! – кричал мальчик, указывая вперёд, где небольшая толпа окружила двух молодых фаерщиков – повелителей огня.

– Тогда пойдём, посмотрим, – улыбнулся мужчина в ответ. Маленькая ручонка посильнее сжала его крепкую широкую руку.

Отец посадил ребёнка себе на плечи и начал протискиваться сквозь толпу, ближе к центру.

«Мой папа – супергерой!», – думал мальчик, с удивлением оглядывая всё вокруг. А смотреть было на что: карусели, огромное колесо обозрения с кучей лампочек, сотни людей в разных костюмах и, конечно же, ларьки с разными вкусностями.

Ежегодный фестиваль огня прославил это место, и со временем даже туристы приезжали посмотреть на него. Но выступления с огнём – ещё не самое главное. Вскоре на главной улице должен был начаться марш людей в самых интересных костюмах, которые только они могли сделать.

Два молодых парня крутили и вертели шесты с огнём так быстро, что в воздухе можно было увидеть разные фигуры из огненных следов. Один из них провёл кончиком по земле, поджигая порох, и огонь побежал в разные стороны, словно большая змея, на несколько мгновений создавая стену. Тол-

па весело закричала в ответ.

Но ничто не длится вечно, и через несколько минут это шоу кончилось. «Повелители огня» откланялись, перекувыркнулись назад, сделали сальто и скрылись за небольшим подиумом. Две девушки выбежали и убрали оставленное снаряжение.

– Папа, пойдём на парад! – крикнул ребёнок, весело болтая своими маленькими ножками.

– Ты ведь не хотел, – улыбнулся мужчина.

– Идём-идём! – весело закричал ребёнок.

Здесь действительно была куча народа. На главной улице перекрывали движение на многие километры лишь затем, чтобы люди могли наблюдать ряды людей в костюмах и разные удивительные сооружения.

Мужчина не опускал ребёнка и бодро продирался сквозь толпу людей, чтобы выйти на главную площадь из парка. Приходилось идти в обход, потому что мостики перекрывали из соображений безопасности.

Зато можно было ещё раз посмотреть на лебедей в пруду, который находился под мостиками. Станным дуэтом плавали здесь чёрный и белый лебеди. Весь берег был засыпан разными кусками хлеба, батона, а некоторые перебравшие даже специально целились кусками в животных на потеху толпе.

– Папа, зачем они это делают? Ты же говорил, что люди не должны обижать животных, – спросил мальчик.

– Это не люди.

– А кто? Они же как мы.

– Животные... нет. Животные лучше их во много раз. Их название грубее, но при тебе ругаться не хочу.

– Почему? – задумчиво сказал мальчик.

– Когда-нибудь в будущем, ты обязательно поймёшь, – улыбнулся мужчина. – Не думай сейчас об этом. Это неважно.

– Папа, а я буду сильным? – робко спросил мальчик неожиданно.

– Конечно будешь! Ты будешь сильнее всех! – мужчина подыгрывал мальчику.

– И сильнее тебя? – удивлённо спросил мальчик.

– И сильнее меня, – согласился мужчина.

– Тогда я хочу быстрее вырасти! – весело воскликнул мальчик.

– Успеешь, – улыбнулся мужчина.

Парочка быстро протискивалась сквозь плотные слои толпы. По пути мужчина купил ребёнку маленький жёлтый шарик, который так и рвался улететь вверх, но белая верёвочка не давала его желанию сбыться. Поэтому он лишь робко подёргивался кверху.

Через несколько минут они вышли на главную улицу и шли теперь к самому ограждению. С каждым шагом плотность людей становилась всё больше, и в итоге лишь на затворках им нашлось место.

По улицам шёл парад самых интересных плодов челове-

ской фантазии. Во главе всего состава шла группа молодых девушек в ярких блузках и тёмных юбках, бодро маршируя и ритмично ударяя в барабаны. За ними двигалась постройка в виде огромного трона, где сидел дед Огонь – символ этого праздника. С боков этого механизма фонтаном вверх летели искры. Потом двигалась большая конструкция в виде коня с огненно-красными крыльями. Следом была статуя улыбающегося лысого пузатого мужчины, в шёлковых жёлто-оранжевых одеяниях. И только после них шли большими пачками разодетые в самые разные костюмы люди. Среди толпы торчал тёмный меч с черепом в рукояти, чуть дальше шла светловолосая девушка в синей укороченной униформе с макетом бензопилы. Совсем рядом твёрдой походкой прошёл человек в красном одеянии и странной маске: белая маска, где красной краской была закрашена верхняя половина, а на нижней стояли точки. И среди них, словно царь, высился один, который шёл верхом на белом коне. Это был мужчина в тёмной военной одежде с повязкой на глазу, на лбу был еле заметный тёмный рог, а руку украшал очень качественный макет механического красного протеза. Рядом с ним молча шла девушка очень вызывающего вида: только рваные чёрные колготки и странный купальник такого же цвета закрывали её.

Люди смеялись и кричали, глядя на эту процессию. Но ничто не может длиться вечно – марш прошёл, оставив зрителей наедине со своими эмоциями. Мальчик весело смеялся.

«Сегодня лучший день в году», – думал он. Возможно, это действительно было так.

Полиция начала разгонять людей, так как праздник завершился, и вылавливать сильно пьяных, провожая в свои небольшие синие фургончики. Люди быстро расходились по своим углам.

– Нам тоже пора, – мягко сказал мужчина, опуская ребёнка на землю, а затем разминая плечи. – А ты реально подрос, – улыбнулся он.

– Неужели всё? – озадаченно спросил мальчик.

– Всё когда-нибудь кончается, – задумчиво ответил мужчина. – Пойдём. Хоть мамы с братом нет, но оставаться на улице поздно вечером – не всегда лучшая идея. Тем более, ты устал, наверное, да?.

Мальчик ничего не ответил, и просто пошёл следом за мужчиной.

– Не волнуйся, – сказал мужчина, – оглянуться не успеешь, как уже в кровати окажешься. Придём домой, я сделаю тебе твой любимый горячий шоколад.

– Обещаешь? – маленькие глаза мальчика засверкали.

– Конечно, – улыбнулся мужчина.

Они свернули в один переулок, затем в другой. Идти им было немного. Жили они недалеко от центральной площади.

Освещение всегда страдало в этом районе, и этот день не был исключением: почти на всей улице не было света. Оставалось пройти лишь небольшой проход в доме.

– Почти пришли, – улыбнулся мужчина ребёнку.

– Стоять, – прозвучал голос впереди, из-за поворота вышло трое мужчин. У одного из них в руках был кусок арматуры, а другой приложил к плечу биту. Вперёд вышел самый невысокий – сделал он это уверенно и твёрдо.

– Что вы хотите? – мужчина не испугался, пряча ребёнка за собой.

– Гони-ка нам свой бумажник, – сказал невысокий хулиган, доставая из кармана нож, а затем выпуская наружу лезвие.

– У меня ничего нет, – ответил мужчина.

– Ничего? – хулиган улыбнулся, оглянулся на своих друзей и подошёл ближе, ножом провёл по рубашке мужчины. – А если найду? Дядя, ты же понимаешь, что нам двоим это не надо?

– Послушайте, я не хочу неприятностей. У меня ребёнок, – сказал мужчина. – Идите лучше подобра-поздорову. Вы же не хотите ломать себе жизни.

– Я ломать себе жизнь не хочу, да, – тихо согласился хулиган, а затем растянулся в улыбке: – Но могу сломать твою и твоему отпрыску, с лёгкостью и удовольствием, – один из хулиганов позади усмехнулся. – Послушай, давай деньги, если жизнь дорога, и вали на все четыре стороны. Мы люди добрые, просто так не трогаем.

– Но у меня честно ничего нет, – сказал мужчина.

– Похоже, ты чего-то не понимаешь, – сказал хулиган, за-

махиваясь для удара, но мужчина ловким приёмом увернулся, и только было перевернул хулигана, как тот вонзил в тело мужчины нож.

Это произошло случайно, и сам хулиган опешил, не сразу поняв, что сейчас произошло. Несколько секунд стояла немая пауза, когда мужчина смотрел вниз, на свою рану, а хулиган смотрел на него непонимающим взглядом, будто во сне.

Хулиган сделал шаг назад, затем второй.

– Нет... я предупреждал... – тихо сказал хулиган.

– Миха, валим! – крикнул один из тех, кто был позади.

– Я, нет... – сказал хулиган, а затем рванул прочь из прохода. Вся группа выбежала на улицу, скрываясь в темноте ночи.

– Папа? – сказал мальчик. Мужчина медленно обернулся, а затем подошёл к стене, оперся рукой, и медленно сполз. Мальчик упал на колени рядом. – Папа?! Что с тобой?

– Не... не волнуйся, – тяжело сказал мужчина и с силой улыбнулся. – Всё будет нормально. Ты в... в порядке?

– Папа! Папа! – кричал мальчик.

– Успокойся. Будь сильным. Всё будет в порядке... если ты успокоишься, понял?

Мальчик кивнул в ответ. Ему было тяжело сдерживаться, но он пытался. Но слёзы было невозможно сдержать.

– Всё нормально? Ты... не ранен? – спросил мужчина, вытирая маленькие капельки на щеках и оставляя маленькие

кровавые следы той рукой, что была в крови. Мальчик неуверенно кивнул.

– Хорошо. Тогда хорошо, – сказал мужчина, закрывая глаза. Его голова тяжело скользнула вниз по стене.

– Папа! – не выдержал мальчик. – Папа! Папа!..

* * *

Я проснулся в холодном поту. Мокрая одежда неприятно прилипла к телу.

«Что это?.. Он был таким реальным, но... что там было?», – подумал я. Сон ускользал, словно песок на ветру в открытой ладони.

Костёр давно потух, и даже угли остыли. Было холодно. Утром постоянно холодно.

Я осторожно выполз из-под своего ночного укрытия, стараясь не задевать тщательно сложенные ветки. Потрогал котелок – стенки были ещё тёплые. Постарался аккуратно слить в флягу воду, чтобы хоть половинку набрать.

Ночью дождя не было – и то хорошо. В лесу уже было довольно светло и, где-то высоко, скрываясь в зелёных кронах деревьев, пели птицы. Они перекидывались утренними мелодиями, не обращая внимания на всё вокруг. Для них практически ничего не менялось. Природа продолжала жить вне зависимости от того, как стали жить люди. Думаю, ей даже стало легче.

Часы показывали «07:20». Самое время. Необходимо было выдвигаться, чтобы успеть к полудню. Сегодня я, наконец, дойду до Остании. Сегодня всё вернётся на круги своя.

Я быстро собрал вещи, закинул рюкзак за плечи, и посмотрел в небо: за деревьями виднелось светлое чистое небо, которые озарялось яркими жёлтыми лучами – красиво.

На земле, вчера вечером, я сложил несколько палок, чтобы утром быстрее сориентироваться. Своеобразная стрелка указывала на восток. Солнце лишь подтверждало правильность направления.

За кустами, на земле, увидел свежие кабаньи следы. Большие. Я осмотрелся и прислушался – ничего. Сейчас лес казался безобидным. Однако про восставших и диких животных не стоило забывать.

Я аккуратно шёл вперёд, просматривая почву под ногами. Один раз чудом не наступил в медвежий капкан – хватило. Этот мир становится всё опаснее с каждым днём.

Вверху дятел пытался достать паразитов, соловьи заливались песней, а я медленно шёл, ожидая опасности каждую секунду.

До трассы нужно было идти всего несколько километров, но я потратил добрых два часа. Даже, казалось, заблудился, но лес резко оборвался. Теперь можно было идти быстрее, но сначала стоит отдохнуть.

Я сел на дорогу, чтобы перевести дыхание. Достал из рюкзака небольшую картонную коробку – последняя пачка чип-

сов.

«Странный факт: никто не ожидал, что удешевление производства путём пищевых добавок и консервантов даст шанс на выживание людям во время апокалипсиса», – пронеслось в голове, и я улыбнулся.

«Двойной минус даёт плюс», – сказал Голос.

Я молча кивнул и взглянул на часы: «9:47». После этого достал из рюкзака потрёпанную книжечку и принялся сверяться с картой. За последние дни я полностью разобрался в ней. Выходило так, что до Остании оставалось всего около десяти километров, если я вышел на правильную дорогу.

Как только пачка опустела – я смял её и бросил подальше в лес. Теперь не имело особого смысла беречь природу. Все мы скоро станем её удобрением после "мёртвой" жизни. Сколько людей смеялось над тем, что природа когда-нибудь заберёт своё. Теперь, скорее всего, все они уже мертвы.

Я встал, обтряхнул штаны и вытер об них руки, а затем пошёл в сторону призрачной надежды.

«Думаешь, что всё будет как прежде? Ты действительно до сих пор такой глупый?», – сказал Голос неожиданно.

– А что мне остаётся? Если есть шанс – стоит попытаться. Тем более, там может быть Света, или кто-нибудь из моей семьи, – тихо сказал я.

«Все они уже давно мертвы. Мертвы из-за тебя. И ты это знаешь. Я ведь знаю тебя даже лучше, чем ты сам. Не лги себе. Когда-нибудь ты поймёшь, что все близкие тебе люди

умрут, и это неизбежно. Чтобы выжить сейчас нужно творить разные вещи. Ты готов заплатить такую цену?», – говорил Голос.

– Мне всё равно на твой бред, – я тяжело выдохнул. Голос не ответил. Хоть мне и было тяжело его слушать, но больше говорить было не с кем. Уж лучше так, чем быть одному.

Вскоре на дороге показался указатель: до Остании оставалось двенадцать километров. Я поправил лямки рюкзака и прибавил шаг.

Ближе к полудню солнце всё сильнее пекло. Я достал из рюкзака потрёпанную синюю кепку и надел. Ещё не хватало солнечный удар получить.

Совсем скоро увидел старую заправку, а за ней, вдалеке, начинались каменные джунгли.

Большой монумент на входе в город, в виде стрелы, имел у основания надпись «Остания». Краска от времени уже наполовину сошла или выцвела. Наверное, за ним перестали ухаживать ещё до того, как началось всё это безумие.

По территории заправки, медленно шатаясь, двигался восставший. Я мгновенно отругал себя за излишнюю расслабленность и пригнулся. Мертвец был когда-то высоким мужчиной с длинными волосами. На нём была зимняя тёмно-синяя куртка с множеством карманов. При этом лицо его выглядело вполне целым. Только вместо глаз были пустые чёрные глазницы. Над ним роем летали мухи. Целое облако собралось вокруг его головы, и он шёл, не обращая на них

внимания.

Я тихонько подбежал поближе за куст, положил руку на чехол, тихо щёлкнула застёжка, рукоятка ножа была теперь в руке. Но не успел я сделать и шага, как восставший резко повернулся в мою сторону, где я сидел. В груди бешено стучало сердце. Я отчётливо слышал каждый удар и, казалось, что он слышит его точно так же. Восставший сделал шаг в мою сторону, затем другой. Сомнений не оставалось: он знает, что впереди находится живой человек.

Его шаги становились всё быстрее, будто с приближением его вера крепчала, и через несколько секунд нас разделяло всего метров десять. Нужно было что-то делать. Я не знал, как лучше от него защищаться. И, как назло, вчера где-то оставил кожаную куртку.

«Что делать?», – я сделал шаг назад, развернулся и встал удобнее, готовясь к нападению. Он делает шаг – я отхожу, один шаг вперёд – один назад.

Восставший неожиданно сделал рывок – я немного оступился и повалился в канаву, упав в небольшую запруду. Ветки на дне больно впились в спину.

Мертвец встал, сделал неловкий поворот и спиной повалился на меня. Его голова на секунду откинулась, а затем он повернулся лицом ко мне. Я резко вырвал руку и попытался вонзить ему в лицо лезвие, но из-за мокрых рук лезвие лишь наполовину зашло в лоб. Восставший недовольно замычал, а я со всей силы стукнул кулаком по рукоятке и оживший

мертвец, наконец, успокоился, обнажая свои подгнившие зубы.

Его туша сильно придавила меня, а из канавы выбираться – то ещё занятие. Я откинул голову и посмотрел в небо: там витали, словно обрывки мечты, светло-серые клочки облаков. Было тяжело дышать. Стояла жуткая вонь.

Я попытался его приподнять, но выходило очень слабо. Вся одежда была мокрая и сильно сковывала движения.

Я собрал все силы и снова попробовал откинуть мёртвое тело, но вышло плохо. Лишь спустя несколько минут мучений мне всё же удалось выбраться из ловушки. Я нащупал нож в мутной воде и вытер его об траву, а затем поднялся вверх, к дороге. Мокрая одежда неприятно липла к телу, а в кроссовках хлюпала вода.

– Да чтоб тебя! – я тяжело вздохнул, сел на асфальт и достал ноги из обуви, выжал носки. Надевать обратно мокрые кроссовки не хотелось, но и идти босиком было бы глупо. Я неприятно скривился, но вернул всё обратно, а затем пошёл дальше.

Через несколько минут я был уже в черте города. Солнце уже пересекло полуденный рубеж и медленно шло к горизонту. На часах было «13:36».

Город выглядел заброшенным и опустошённым: высокая трава росла из трещин в асфальте, а все магазины были разорены. На улице восставших не было. Я воодушевился: явный след живых людей.

Я достал флягу и допил те капли, что оставались на дне. Теперь же я оставался один на один со знойной жарой.

Прошло около получаса, а людей я так и не встретил. Только один бегун в двадцати метрах пробежал мимо куда-то в сторону от центра города.

«От чего же восставший может бежать?..», – подумал я и пошёл в противоположную сторону.

Перед входом в большой неухоженный парк висела большая табличка, где красной краской было написано: «Всем выжившим пройти через парк, а далее – следовать указателям». Так же на табличке была стрелка, которая указывала вглубь парка. Идти по такой территории не так безопасно, как хотелось бы, но ничего не оставалось.

Я аккуратно шёл, просматривая территорию перед каждым шагом с ножом наготове. Внутри парка царила густая высокая трава. Лишь только по узким дорожкам из потрескавшейся каменной кладки можно было пройти – кое-где встречались старые кровавые следы. Почему-то здесь даже не было птиц. Лишь только слабый ветер иногда задувал, заставляя шелестеть зелёные листья.

К счастью, парк я прошёл без проблем. Охотников не было. Только несколько простреленных трупов лежали в траве. На выходе в стадион были стрелки, которые вели вдоль стен, куда-то вдаль. Я быстрым шагом прошёл к концу стены, повернул. Теперь стрелки указывали прямо. Всё время прямо, к домам. Дорога была безопасной, можно было даже немно-

го пробежаться.

Я чувствовал, что оставалось совсем немного. Ещё чуть-чуть – и всё. Весь этот кошмар кончится. Ноги сами несли меня по направлению красных, немного стёртых, стрелок на асфальте.

Я вышел к широкой дороге. На рекламном щите передо мной красовалась красная надпись «Добро пожаловать в Останию. Последнее поселение живых людей.», и стрелка влево. За баннером был длинный многоэтажный дом, а по сторонам, где должны быть заезды во двор, находились самодельные перегородки из разного мусора. На крыше дома были непонятные постройки: то ли теплицы, то ли склады – кто-то ходил.

Я медленно пошёл в сторону. Через минуту уже стоял перед большими раздвижными воротами. В небольшой будке наверху, спиной ко мне, сидел человек с автоматом в руках. Он о чём-то говорил с другим человеком за стеной:

– ... да, завтра должны. А? Нет, ничего. Я, сука, им ещё покажу, – я не знал, как мне привлечь его внимание. Странно было видеть живого человека спустя столько времени.

– Эй! – крикнул я, с улыбкой.

– Чё?

Охранник повернулся в мою сторону. На его лице несколько минут царило сильное удивление, затем волна прошла и он, опомнившись, встал, схватил свой автомат и нацелил его на меня.

– Ты ещё, сука, кто такой? Руки, – медленно сказал он, а затем добавил в другую сторону: – Малой какой-то пришёл. Не наш. Да, доложи.

Охранник был одет в очень грязный и потёртый синий комбинезон, и такого же состояния кепку. Из-за комбинезона выглядывала тёмная водолазка, а на руках надеты чёрные тонкие перчатки.

«Странный вкус у него», – подумал я, медленно положил нож в чехол, а затем поднял руки вверх.

– Я мирный, – начал я. – Моя подруга слышала ваше вещание. Мы выжившие.

– И что вы хотите?

– Мы слышали, что у вас тут город выживших.

– Допустим. А где твоя подруга? – охранник кивнул стволом автомата куда-то в сторону.

– Она... она не со мной, – тихо сказал я.

– Чё? Говори громче! Нихера не слышно.

– Я не знаю! Мы разделились! – крикнул я.

– Но не во всё же горло – ещё безмозглые набегут. Я тебя и так слышу, – после этого его рация зашипела. Охранник, не опуская оружия, достал рацию и о чём-то заговорил. – Хорошо. Я понял. Так сколько там вас? – спросил он, отводя рацию чуть в сторону.

– Я? – спросил я.

– А кому, блять, ещё? Ты же один там стоишь.

Я не стал что-либо говорить про рацию. Тем более, умни-

чать сейчас – не самая лучшая идея.

– Да. Один.

– Пиздишь... – охранник был явно удивлён. Я молча кивнул.

– Нет, честно... – ответил я. Руки уже начинали болеть.

– Странно видеть ребёнка одного. Тут здоровые лбы пачками умирают... Ладно, стой на месте. Сейчас я открою ворота, и чтобы без глупостей – понял? – я кивнул в ответ. – Ох, сука... – после этого охранник скрылся за будкой, а через несколько секунд зелёные ворота со скрипом дёрнулись и пошли в сторону, открывая за собой Атлантиду выживших людей. Возможно, это действительно было последнее убежище.

Мужчина уже ждал меня внизу, всё так же держа на прицеле одной рукой, а вторую держал на небольшом рычаге.

– Проходи, ну, чего яйца чешешь? – тихо, но с явным раздражением, проговорил он. Я послушно зашёл внутрь. Ворота за мной закрылись. – Выложи из рюкзака всё содержимое на землю, а рядом положи всё оружие: ножи, отвёртки, пистолеты – всю эту хуйню, короче, чтобы я видел. Медленно. Затем вытряхни всё оставшееся, отбрось в сторону, и сам отойди в другую сторону, к стене.

– Зачем? – спросил я.

– Поржать с тебя хочу, – с раздражением ответил он. – Так положено. Не нравится – пиздуй нахуй отсюда.

Я повиновался, вытряхнул вещи из рюкзака, положил

нож, а сам отошёл в сторону. Было страшно. Теперь идея идти в город выживших мне казалось не такой уж и хорошей. Но идти обратно тоже не хотелось. Тут, хотя бы, были стены.

Несколько детей взволнованно выглянули из-за угла дома.

– Дети, домой! Тут не на что смотреть! – рявкнул охранник и дети испуганно скрылись.

К этому времени из-за угла дома появился пухленький высокий мужчина средних лет в рубашке, с автоматом наперевес:

– Миха, что такое? – спросил он, а затем перевёл на меня взгляд. – Кто это?

– Да малой какой-то. Говорит, выживший, – ответил первый охранник. Я вытряхнул вещи, достал и положил нож, отошёл к стене.

– А остальные его где?

– Говорит, что один.

– Да ну нафиг.

– Вот и я о том же...

– Нет, правда, я один, – испуганно проговорил я.

Пухлый мужик пристально посмотрел на меня, а затем на своего товарища:

– Нахер ты его на мушке держишь?

– Чтобы не выкинул чего.

– У нас тут дохера вооружённых людей, а ты боишься молодетку без оружия? – заржал пухлый мужик. – Вон, на земле всё его барахло. Опустим ствол – не позорься и не пугай

ребёнка.

– Не могу, – сказал первый твёрдо, не обращая внимания на подшучивания. – Не положено. Либо иди, сука, вещи проверь, либо иди отсюда и не мешай.

Второй мужчина подошёл к первому и рукой опустил ствол автомата.

– Он что тебе ниндзя что ли? Посмотри на него – у меня малой такой же. Короче, я его сам отведу. Под свою ответственность. Ещё не хватало, чтобы мы тут детей гасили.

Около минуты была пауза. Я не знал, что мне делать, и просто держал руки поднятыми.

– Ладно, – нехотя согласился первый охранник и закинул автомат за плечо. – Ты старший – тебе виднее.

– Как ты звать-то? Опустил руки – болят же, – обратился ко мне пухленький мужчина. Его лицо как-то располагало к себе. Воплощение стереотипа «толстый = добрый». – И, это, собери вещички.

– Меня? – я с наслаждением опустил руки, и те отдали гудящей болью. Неловко было говорить при них. Даже на миг показалось, что они про меня совсем забыли. Начал собирать вещи в рюкзак.

– Не меня же. Себя я знаю. Меня Ромой зовут, а это, – мужчина указал на охранника, – Миша.

– Костя, – сказал я.

– У меня деда так звали. Умер, правда, давно, но это ладно, – сказал Рома, а затем повернулся к Мише: – Ты иди. Я

сам с ним разберусь.

Миша, ничего не сказав, тихо поднялся вверх по лестнице.

Рома подошёл поближе:

– Фу, как от тебя несёт. Ты не моешься что ли?

– А где мне мыться? – спросил я.

– Ладно, иди за мной. В части разберутся.

– Зачем? – растерянно спросил я.

– Тебя же зарегистрировать надо, осмотреть, тесты сделать. Вдруг ты хуйнёй какой-нибудь болеешь, – ответил Рома, и добавил: – Да и помыться не мешало – от тебя несёт пиздец.

Рома неожиданно быстро и проворно пошёл вперёд, несмотря на всю свою огромную тушу. Я принюхался, но особо ничего не заметил. Хотел немного поспрашивать, но мужичок уже порядочно отошёл. Я не хотел создавать проблем, и быстро побежал следом.

Мы быстро прошли несколько домов, пока не вошли в небольшое здание в центре двора.

По пути нам попало много людей. Все выглядели спокойными и счастливыми. Они с удивлением и небольшим страхом смотрели на меня. Я старался не обращать на это внимание, но всё равно чувствовал себя чужим.

Но с каждой секундой всё больше чувствовал спокойствие внутри. Будто очнулся от дурного кошмара.

По улицам даже гуляло несколько женщин с колясками.

Несмотря на некоторую грязь и тяжесть, человеческая жизнь здесь продолжалась. Люди здесь всё ещё жили, а не выжидали.

Мы вошли внутрь здания, и Рома повёл меня по узким коридорам куда-то внутрь, а затем по лестнице вниз. Периодически нам встречались охранники, но мы быстро проходили мимо. Я на секунду остановился в изумлении: здесь горел электрический свет, настоящий. Пусть старенькие жёлтые лампочки давали мало света, но свет был.

– Чё встал? – спросил Рома, который уже спустился вниз.

– У вас есть свет? – удивлённо спросил я.

– У нас много чё есть, – посмеялся Рома. – Давай бырей.

Я осторожно спустился по шаткой железной лестнице вниз. Здесь воняло сыростью, а на стенах кое-где висела плесень.

После лестницы мы вышли в небольшой коридор, в стенах которого было три двери: влево, прямо и вправо. Рома уже открыл левую дверь и с кем-то говорил внутри:

– ... малой совсем, как мой Генка, – затем повернулся ко мне: – Давай, скоренько. Тебя уже ждут.

Я быстро подошёл к двери и вошёл внутрь. Я оказался внутри небольшой комнаты, где вмещался только железный стол, два стула по сторонам от него, и ещё маленький железный шкафчик в половину моего роста у стены, который стоял впритык к дверному косяку. За столом сидел седой мужчина в военной униформе. С потолка свисал провод с голой

слабой лампочкой, которая тихонько покачивалась из стороны в сторону.

– Разрешите идти? – спросил Рома.

– Свободен, – тихо сказал мужчина за столом. Рома улыбнулся, прикрыл дверь, и я услышал быстро удаляющиеся шаги. Хоть человек напротив и был седой, но в каждой клетке его тела виделась сила. Весь его образ был будто отлит из свинца. Он пристально посмотрел на меня несколько секунд. У него были тёмные глаза с большими мешками. После этого тихим железным голосом проговорил: – Присаживайся.

Тело само подчинилось приказу, и я оказался на стуле.

– Имя? – спросил он.

– Костя, – ответил я как можно твёрже.

– Константин? – переспросил он, внимательно посмотрев на меня.

– Д-да, – я немного запнулся.

– Фамилия?

– Р... Рудвенов.

– Рудвенов... – мужчина медленно повторил мою фамилию, а затем снова уставился на меня: – Знакомая фамилия.

Отец военный?

– Нет. Точнее, я не помню. Он давно умер. Вроде бы учёный, но я его не помню почти, – честно ответил я.

– Ладно. Неважно. Дата рождения?

Я на пару секунд задумался, пытаюсь вспомнить. Совсем вылетело из головы.

– Семнадцатого декабря, тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

– Шестнадцать лет, получается?

– Да.

– По тебе не скажешь, – сказал мужчина всё с тем же серьёзным лицом.

– Умру молодо, – пошутил я без задней мысли, но седой мужчина в форме мою шутку не понял.

– Сейчас много молодых умирает. Лучше бы тебе такими словами не разбрасываться. Думаете, что бессмертные, а мне вас потом хорони. А теперь ещё и упокоить надо до конца, – добавил он в конце как-то мрачно.

– Х-хорошо, – я опешил.

Мужчина закрыл журнал, прикрыл лицо руками и тяжело вздохнул. Затем громко позвал:

– Дежурный! – двери открылись через секунду, а в проёме показался высокий мужчина всё в той же тёмной униформе. – Проверьте его, помойте и дайте чистую одежду. А эту сожгите. Потом доложите обо всём. Выполняйте.

– Есть! – охранник резко приставил руку ко лбу на несколько секунд, а затем повернулся в пол-оборота.

– Тебя проводит дежурный. Потом продолжим, – сказал мне мужчина в форме и отвернулся, посмотрел в маленькое окно под самым потолком, закрытое решёткой.

Я молча встал и пошёл из комнаты. Охранник закрыл за мной дверь. Затем мы пошли к средней двери. Охранник

достал связку ключей, покопался немного, и открыл дверь. Мне всё ещё не верилось в то, что теперь я нахожусь среди людей. Среди живых людей...

– Проходи, – скомандовал он. Его лицо было изуродовано несколькими грубыми шрамами от губы и до самых волос.

Мы вошли в просторную комнату, отделанную плиткой. В слабом жёлтом свете едва было видно, как вдоль стенок рядами стояли шкафчики. Впереди были огорожены душевые секции, а в полу находились чёрные сливные отверстия. Воздух здесь был более влажный и холодный.

– Раздевайся полностью, – прозвучала команда. – Всё нужное сложи в рюкзак, остальное оставь на скамейке, – охранник дулом автомата указал на прилегающие к стенам деревянные лавки. – Потом становись в центре.

– Хорошо, – я начал раздеваться, но взгляд охранника меня смущал. – Можешь отвернуться?

Охранник фыркнул, но всё же отвернулся.

Я снял с себя светлую кофту с улыбающейся жёлтой мордой, на которой было теперь огромной засохшее тёмное пятно, затем стянул тёмную майку, спустил джинсы, присел на холодную скамейку и снял кроссовки, а затем и носки. Ноги коснулись холодной плитки. После всего этого я снял трусы и сложил всё аккуратно на скамейке. Затем встал в середине комнаты, прикрываясь рукой.

– Всё, – сказал я. Охранник дёрнул рубильник у стены.

– Иди, мойся. В крайних ящиках что-нибудь найдёшь.

Только быстрее, – парень сел на скамейку, достал светлую пачку из кармана жилета, затем вытянул сигарету, а остальное положил обратно. Достал маленькую зажигалку из другого кармана, щелчок – и огненный круг начал двигаться к его губам. Он словил мой взгляд и недовольно ругнулся: – Чего уставился? Иди давай. Ждать никто не будет.

Я быстрыми шагами пошёл к железным ящикам. Холод жёстко отдавал в ноги. Такое ощущение, будто я шёл по льду. Открыл самый крайний ящик – внутри оказалось смятое серое полотенце, полупустая бутылка шампуня и маленькая чёрная мочалка. Взяв в охапку мочалку и бутылку шампуня, я пошёл к секции с душем. Несколько секунд не мог поверить, что сейчас действительно пойдёт вода. Но всё же крутанул кран и резко отпрыгнул в сторону – меня ошпарило горячим потоком. Я быстро покрутил другой кран – вода стала холодная. Несколько секунд ещё прошло перед тем, как я смог настроить тёплую воду.

– Чего ты там возишься? – спросил недовольно охранник.

– Воду настраивал, – я постарался перебить шум воды.

Меня действительно обдавало тёплой струёй воды. Только изредка температура воды резко менялась, но через секунду уже была прежняя. Некоторое время я просто стоял под душем, наслаждаясь потоком. Мне казалось, что он будто по волшебству смывает с меня всю грязь этого нового мира. Будто сейчас жизнь начинается по-новому, и я перерождаюсь. Тёплые струи смывали с меня всю боль, все слёзы,

всю горечь и одиночество, оставляя чистое полотно.

Я открыл баночку, затем размазал по рукам содержимое и начал втирать шампунь в волосы. Как же давно я этого не чувствовал... После этого намылил мочалку и начал вымывать тело. Спустя несколько минут я уже выключил воду. Холодный воздух неприятно обдал тело. Я прошёл к шкафчику и обтёрся полотенцем.

– Закончил? Встань теперь спиной, ближе к свету, – я послушно переместился к стене со шкафчиками, где и крепились за стеклом слабые лампочки. Охранник несколько минут пристально рассматривал моё тело, а затем заключил: – Чисто. Можешь одеваться, – он указал на другую скамейку, где теперь лежали чистые светлые джинсы, синяя рубашка и кеды. Внутри так же оказалось и нижнее бельё.

Я быстро одел всё. Охранник дёрнул рубильник, тем самым выключив воду.

– Теперь обратно, – скомандовал он.

Мы прошли обратно в комнату с седым командиром.

– Чист, – отчитался охранник.

– Хорошо. Свободен, – прозвучала команда и охранник скрылся. Седой мужчина указал на стул: – Присаживайся.

Я прошёл ближе и сел на стул.

– А анализы не будете брать?

– Анализы? – переспросил командир.

– Ну, да, на вирусы там...

– А, ты про это. Нет, анализов не будет. У нас давно уже

нет возможности это делать: ни тестов, ни оборудования. Да и не нужно – сразу было бы по тебе видно. А теперь продолжим: как ты узнал о нас? – спросил командир.

– По радиии. Моя подруга услышала ваш сигнал по радиии где-то месяц назад... может больше, – ответил я.

– Где она сейчас? Почему ты один?

– Она... мы... – начал я, но мысли как-то не формировались в слова. – Нам пришлось разъединиться. Восставшие...

– Восставшие? Ты так называешь этих мертвецов? – переспросил мужчина.

– Да... мертвецы.

– Понятно. Продолжай.

– А что продолжать... – я непроизвольно сжимал и разжимал руки от волнения. – Я убежал. До этого мы договорились где встретимся, она не пришла – вот и вся история. Я думал найти её здесь, – я замолчал.

– И ты решил уйти один? – мои последние слова были будто проигнорированы.

– Да, – каждый мой ответ записывался в небольшой журнал.

– Что было потом?

– Потом?... – я задумался, пытаюсь вызвать в голове образы недавних событий. Однообразные картины быстро сменяли друг друга. – Пытался выжить, прийти сюда – что ещё мне оставалось?

– Один? – тихим голосом спросил седой мужчина.

– Да, – ответил я, а затем добавил: – Старался держаться подальше от городов. В книге прочитал как строить простые укрытия и шалаши, как огонь разводить, как в котелке еду варить – в общем, разное узнал.

– Понятно-понятно, – сказал он задумчиво, а затем снова пристально посмотрел на меня. От его резкого твёрдого взгляда непроизвольно появлялся небольшой страх. – Есть ещё какие-нибудь навыки?

– Не знаю... Немного умею стрелять, – начал я и сразу же понял, что этим список и кончился. – Ничем не увлекался до... до этого всего.

– Ладно, найдём тебе работу. У нас тут такие порядки: каждый друг за друга. Поэтому каждый работает, понятно?

– Да, – тихо ответил я.

– Есть что-нибудь опасное с собой? – командир закрыл журнал. – Кроме того, что показывал.

– Нет. Только нож. И пистолет в рюкзаке. Больше ничего.

– Пока всё конфискуем. У нас тут нельзя с оружием без разрешения.

– Постойте, но... но это мой пистолет. Это память.

– О чём?

– О друге. Это его пистолет.

– А где он сам?

– Его... его уже нет, – ответил я.

Мужчина приподнял руку вверх в знак того, чтобы я успокоился.

– Может и вернём твой пистолет. Раз сам выживал, то, возможно, присоединишься к поисковому отряду. И вещи твои позже передадут. Но это не сейчас... Дежурный!

Двери открылись – в проёме стоял всё тот же охранник.

– Всё оружие ко мне, пока что. Остальное на склад до завтра.

Дежурный внёс мой рюкзак и поставил на стол. Он выложил на стол пистолет, а затем и нож.

– Можно спросить напоследок? – я не дождался ответа и продолжил: – Можно узнать насчёт нескольких людей здесь?

– Не понял, – ответил командир.

– Можно узнать находится ли здесь конкретный человек?

– Это можно, – тихо сказал мужчина. Он нагнулся, открыл железный ящик в столе, убрал мою папку, оружие, а затем достал другую папку. – Фамилия, имя?

– «Рудвенова Ангелина».

– Рудвенова, Рудвенова... – командир открыл новую папку и теперь пристально водил глазами по бумаге. – Нет такой.

Мамы здесь не было, но, может, хотя бы кто-нибудь...

– А «Рудвенов Павел»?

– Нет, извини, но никого с фамилией «Рудвенов» у нас нет. Может они не указали свою настоящую фамилию. Ещё кто-нибудь?

Не то, что бы я был потрясён или огорчён. Я и так думал, что их здесь не будет, но пока не мог согласиться с Голосом. Пока я точно не узнаю, что они мертвы – стоит, хотя бы,

спрашивать, хоть как-то искать. Возможно, они придут сюда позже... или они где-то в другом месте укрылись. Не может же это быть последнее убежище людей...

Оставалось узнать об одном человеке:

– «Светлана Диренкова».

– Светлана... – повторил командир. Через несколько десятков секунд он озвучил результат: – Нет. Такой тоже нет. Вообще никого с таким именем нет.

Я встал и направился к выходу.

– Спасибо, – сказал на ходу. – До свидания.

– С тобой завтра свяжутся, – сказал он мне в спину.

– Хорошо.

Вместе с охранником мы прошли по коридору, затем вверх по лестнице, и через минуту в глаза уже приятно светил мягкий вечерний свет. Тёплый лёгкий ветер приятно обдувал лицо. Голубое небо было разбавлено алыми пятнами ближе к горизонту. В противоположной стороне уже темнело.

– Тебе туда, – сказал мне охранник и указал на противоположный дом. – Третий подъезд, шестой этаж, квартира сорок семь – там пока что будешь жить.

– Спасибо, – ответил я. Охранник ничего не ответил и пошёл обратно.

«Грустно, наверное, ему там постоянно в темноте сидеть», – подумал, глядя на уходящего человека. Он пошёл обратно и скрылся в полутемноте петляющих коридоров.

«Я же говорил тебе, что они все мертвы, но нет – ты наивно верил, что найдёшь их здесь, и всё будет хорошо, но «хорошо» никогда не будет, – сказал Голос. Сейчас не было возможности ему ответить – слишком много людей вокруг. – Когда же ты поймёшь, что все близкие тебе люди умирают? Любой человек, который станет тебе близким – умирает. Это твоё проклятье. И я – тоже».

Я действительно думал, что здесь никого не встречу. Это было бы слишком легко и хорошо. В моей жизни так не может быть. Такое бывает только в книгах или фильмах. Но всё равно надеялся: а вдруг? Разве в жизни не бывает волшебной случайности? Зачем же тогда жить, без надежды?

Об мою ногу тихонько потёрся мордочкой маленький полосатый котёнок. Он был совсем маленький и, как только встретил мой взгляд, жалобно мяукнул. Его маленькие кристаллики глаз пристально смотрели на меня. Он двумя лапками упёрся мне в кеды, вытянул шею, а затем прыгнул и начал лезть по штанине вверх.

– Маленький... – я подхватил его под маленькие лапки и посадил на руки, начал гладить – он сначала слабо замурлыкал, но с каждой секундой делал это всё сильнее. Я пошёл в сторону указанного дома.

– О, а ты кто? – спросила пожилая женщина у подъезда. Рядом с ней сидели ещё две, которые о чём-то тихо говорили между собой.

– Я... – мыслей никаких не было. Улыбнувшись, отве-

тил: – Человек.

– Ты новенький чтоль? – я кивнул. – Понятно-понятно. Не волнуйся за Барсика. Мы за ним присматриваем. Он тут ко всем трётся – ласковый, ужас. Может заберёшь?

– Я пока не знаю даже где живу, – улыбнулся я. Котёнок залез мне на плечо и начал тереться мордой об мою голову. – Сказал сюда прийти.

Я несколько секунд ещё гладил котёнка, а потом подошёл к лавке и аккуратно положил его рядом с бабушками.

– А где твои родители?

– Я... я один пришёл, – сейчас не очень хотелось разговаривать. Хотелось просто быстрее дойти до квартиры и отдохнуть, но уходить было бы невежливо. То, что я так просто мог стоять и разговаривать у подъезда, как раньше, казалось странным сном.

– Понимаю, понимаю, – она закивала в подтверждение своим словам. – Сейчас всем тяжело. Ты не отчаивайся. Теперь всё будет хорошо, – женщина улыбнулась.

– Я пойду. Устал сегодня.

– Иди, конечно, иди. С Богом. Отдыхай.

– До свидания, – я отвернулся и пошёл к лестнице, затем пробежал несколько пролётов, но к четвёртому этажу перешёл на шаг, и в таком темпе добрался до шестого.

Удивительно, но раньше я бы сильно устал, а сейчас чувствовал лишь лёгкую пульсацию в ногах. Неужели я незаметно стал сильнее? Хотя, если задуматься, то уже давно при-

вык к большим походам и сильным нагрузкам. Но всё равно странно, что не замечал этого раньше – просто привык, и всё.

Нужная мне дверь находилась в левом коридоре, в самом конце: старенькая, деревянная, на которой висели небольшие железные цифры «47». Никого рядом не было.

Я дёрнул ручку, но дверь оказалась закрытой. Дёрнул ещё раз, на всякий случай, но результат всё тот же – закрыто. Постучал, ещё раз, постоял несколько секунд в нерешительности, развернулся, пошёл к лестнице, и тут дверь позади меня открылась.

– Кто там? – в дверях показался невысокий молодой парень. Поскольку никого больше не было, то он уставился на меня: – Чего хотел?

Я растерялся.

– Я? Мне сказали, что я тут буду жить.

– А-а, – парень вышел из квартиры и жестами начал приглашать внутрь. – Заходи-заходи. Да, мне сообщили.

Я ещё несколько секунд стоял, непонимающе смотря на него.

«Кажется, тут про меня уже все знают», – парень выглядел радостным и весёлым.

«Разве веселье ещё существует?», – я быстро откинул эту мысль и вошёл внутрь.

– Столько раз просил ко мне подселить кого-нибудь. А то одному скучно совсем – ты не представляешь.

Мы вошли в небольшую квартиру. Коридор имел три бо-

ковых прохода в комнаты. На стенах были белые обои с непонятным узором: то ли в виде цветов, то ли просто в виде фигур. В квартире не было холода одиночества, как я уже привык видеть – сразу было видно, что она жилая.

Мой сосед закрыл за мной дверь и протянул руку:

– Меня Михаилом зовут, но можно просто Миша, – улыбнулся он.

– Костя, – я пожал руку.

– Оставь обувь здесь. Сейчас тапочки принесу. У меня тут лёгкий беспорядок – не обращай внимания, хорошо? – он быстро прошёл в комнату.

– Ладно, – ответил я, удивляясь такой заморочке. Эта квартира была царской палатой в сравнении с тем, где я иногда ночевал.

Миша принёс пару резиновых синих шлёпок.

– Только такое есть, – сказал он, немного смущаясь.

Я сел на старенький деревянный стул и снял кеды.

– Не волнуйся ты так, – сказал я с улыбкой. Вся его суматоха приятно забавляла. Я уже давно не видел этого. Отвык от простой человеческой жизни.

Миша быстрыми шагами ушёл в левую комнату в конце коридора. Я решил немного посидеть и отдохнуть.

– Будешь чай? – спросил он из комнаты.

– Не отказался бы.

– Есть зелёный и чёрный чай, кофе даже какой-то, но я его не пробовал, – он говорил быстро и немного заикался, будто

слова опережали мысли. – Особо выбора нет, ты уж извини.

Чай? Кофе? Когда я их пил в последний раз? Уже даже вкус забывался. Не помню даже, что мне нравилось.

– Всё нормально. Знаешь... ничего не нужно. Давай позже, – сказал я и встал со стула. – Где можно прилечь? Очень устал.

– Прилечь? – Миша подошёл ко мне, а затем прошёл в первую комнату. Он подошёл к шкафу у стены и начал там рыться. – Вот, диван. Можешь разложить, или так ложись – как хочешь. Сейчас... постельное надо найти...

Я прошёл в комнату и сел на край дивана.

– Держи, – сказал Миша через несколько минут, протягивая стопку тканей.

– Спасибо, – я взял эту кучу и начал застилать себе кровать. Как же давно этого не было...

Раньше если и удавалось поспать на нормальной кровати, то обязательно приходилось в одежде: теплее, да и время не тратилось, можно было убежать быстро. А теперь вот не нужно было...

Мне всё больше казалось, что я пришёл в какой-то другой мир, где нет ни смертей, ни боли. Где люди не становятся монстрами после смерти. Где, возможно, они не становятся монстрами даже при жизни. Но что-то внутри противилось этому, не веря в чудо. Я даже подозревал что это за «что-то», а, вернее, «кто».

– А ты откуда? – спросил Миша. Он странным образом

сидел на стуле, как в фильмах: грудью упирался на спинку.

– Из Номира.

– У-у, – протянул он. – Далековато тебя занесло. Номир же в другой половине Борусии вообще.

– У меня было полно времени.

– А ты действительно один пришёл? Просто смотрю на тебя и не могу поверить, чтобы подросток, в одиночку, прошёл половину страны.

– Да. Я уже давно один – привык как-то... – соврал я. Мне казалось, что он начнёт всё дальше расспрашивать, а этого сейчас не хотел.

«Скорее всего, это проверка от того полковника – не могли же тебя просто так привести к человеку жить», – сказал Голос.

– И много ты *этих* замочил?

– Ты про восставших? – я уже закончил с постельным бельём и начал раздеваться. Всё ещё непривычно был ощущать себя чистым.

– Ну... да...

– Да. Достаточно, чтобы больше не хотеть, – тихо ответил я.

– Интересно... – ответил Миша. – А по тебе и не скажешь. Тебе же лет четырнадцать?

– Шестнадцать, – я всё ждал пока он уйдёт или пока разговор закончится, но, видимо, нужно было пресекать это. – Слушай, я понимаю, что у тебя много вопросов, но не мог бы

оставить меня одного? Реально очень устал и хочу поспать. Потом спросишь – на всё отвечу.

– Ладно... – Миша смотрел не на меня, а куда-то в стену, затем быстро встал со стула. – Хорошо-хорошо. Ухожу, – он улыбнулся и закрыл за собой дверь. Теперь я остался наедине с собой.

«Всё ещё думаешь, что смог сбежать? Всё ещё думаешь, что теперь всё станет лучше? А разве было что-то хорошее в том мире? Тебя били, унижали. Ты был мусором, игрушкой для битья и издёвок. А теперь? Посмотри, что дал тебе этот новый мир. Все твои враги мертвы, а ты жив. Твоя фигура осталась стоять на их костях. Ты смеёшься последним, понимаешь? И после всего этого ты хочешь вернуться к прежней жизни?» – говорил Голос.

– Я не смеюсь, и этот мир забрал у меня намного больше, – тихо ответил я.

«Это небольшая цена. Тем более, ты ведь знаешь, что не может быть всё так хорошо здесь – где-то что-то точно найдётся. Он же как мираж того мира, а он был ещё хуже... Не отнекивайся от меня – я знаю это, а, значит, знаешь и ты».

– «Небольшая цена»? Уж лучше бы надо мной и дальше издевались, но все близкие люди были живы. Света, Павлов, Максим... я никого не защитил, – слёзы появились на глазах. – Все только и жертвуют собой... а зачем? Чтобы я жил. Жил и помнил, что они умерли из-за меня... Нет. Это не тот мир, в котором я хочу жить. Это хуйня, а не мир – скажу я

тебе.

«Это не было их выбором. Это твоё проклятие, помнишь? И с этим ничего не поделаешь. Ни *там*, ни *здесь*. Все близкие тебе люди *будут* умирать лишь потому, что они близки для тебя. Ни больше, ни меньше. Ты дурак, раз думаешь, что смог сбежать.»

– Посмотрим...

Я долго не мог уснуть. Миша периодически тихо шуршал за стеной, а я ворочался. К нему несколько раз кто-то приходил, но они выходили в подъезд и я ничего не слышал.

За окном уже успело стемнеть. Я всё думал о том, может ли быть здесь что-то опасное. А если есть – что делать? Бежать без всего? А если и бежать, то куда? И зачем?.. Но усталость, в итоге, взяла первенство над разумом, и я провалился в тёмный хрупкий иллюзорный мир снов – чаще кошмаров.

* * *

Следующим утром меня разбудил напористый стук в дверь квартиры.

Я нехотя открыл глаза, посмотрел на часы: «8:46». Проспал около четырнадцати часов. Давно так не спал, но, казалось, что и этого было мало.

В коридоре зашаркали шаги, затем открылась дверь в квартиру.

– Костя? – послышался голос Миши. – Да, он здесь...

Спит ещё. Может я смогу передать? Хорошо. Пока, – после этого дверь закрылась.

Снова шаги, и дверь в комнату открылась:

– Спишь? – спросил Миша, стоя в дверях.

– Нет... уже нет.

– Сейчас приходил создал, сказал что тебе к десяти часам нужно спуститься в командный пункт.

– Зачем? – я прикрыл лицо правой рукой.

– Не знаю, – Миша пожал плечами. – Попросил передать – я передал.

– Ладно... спасибо.

– Ты есть будешь? – спросил Миша уже из коридора, уходя.

– Есть? – задумчиво повторил я, и сел на кровати. – Буду...

– Тогда выходи. Я уже сходил за утренней порцией – тебе тоже взял.

Я быстро оделся и вышел из комнаты. Тело слегка побаливало. Это была приятная боль после нормального отдыха.

Прошёл по коридору и смог посмотреть на остальные комнаты. Везде были открыты двери. Проход влево вёл в ещё одну маленькую спальню: у стены стояла большая двуспальная кровать, а справа от входа большой белый шкаф-купе. Также, я вчера не заметил, что есть ещё двери посередине проходов – в туалет и ванную. Что удивительно: туалет работал. Да и в ванной из кранов текла вода. Пусть и только хо-

лодная, и очень слабо. Но всё равно это выглядело как волшебство, хотя ещё совсем недавно было обыденностью.

Дверь вправо вела в небольшую кухню, где у стены плотной стеной были приставлены сидения и к ним придвинут деревянный стол. Над плитой висело много разных шкафчиков. На небольшом холодильнике стояла белая микроволновка. К моему удивлению, из неё небольшой струйкой шёл белый пар.

– Работает? – удивился я.

Миша улыбнулся.

– Конечно. Недавно вот начали утром и вечером электричество подавать. Слабо, конечно, но вот чтобы еду разогреть – хватает... Присаживайся, сейчас есть будем, – он достал одну тарелку с разогретой едой и поставил другую, включил. – В последнее время порции уменьшили – может продукты кончаются – но такое уже бывало. Так что посмотрим: может и восстановится.

Миша достал из микроволновки вторую тарелку и поставил передо мной, достал две вилки:

– Давай есть.

– А откуда у вас электричество?

– Солнечные батареи, – ответил Миша, садясь за стол. – У нас их много сейчас. Конечно, ещё недостаточно: включают свет на несколько часов, но он есть – и это радует. Уже несколько месяцев всё работает нормально.

– Чтобы обеспечить даже несколько квартир надо

несколько плит... – задумчиво сказал я. – Откуда же на весь район?

– Не знаю. Накапливают, наверное, – ответил Миша. – Этим военные занимаются. Дармова ты видел, наверное. И ещё Евгений Олегович. Это они здесь главные.

– Полковник Дармов – седой мужик, невысокий, с таким жёстким взглядом?

– Да, его по взгляду сразу узнаешь. Жутковатый тип... Давно я не ел нормальную еду. За нескольких секунд тарелка опустела.

– Спасибо, – сказал я и откинулся на спинку, посмотрел на часы: «9:20».

Мы сидели молча, и я решил немного разбавить это, тем более что про своего сожителя совсем ничего не знал:

– Миша, а ты откуда?

– Я? Отсюда. Родился и всю жизнь прожил в Остании. Даже за стеной не был после того, как военные городок начали зачищать, – Миша тоже уже доел и теперь сидел, упёршись головой об руку.

– То есть, ты даже в других городах не был? – удивился я. – Расскажи, что вообще у вас творилось?

– Хотел уехать, денег скопил, да времени не хватило: всю жизнь хотел попутешествовать и, когда уже билеты даже купил на поезд, объявили полный карантин. Такой бардак тут был... Но это нам ещё повезло, что рядом была военная часть. Быстро эвакуировали: кого на временные базы, кого –

в ту часть. Спустя месяц всем уже стало ясно, что никакой вакцины не будет и что мы одни. Ребята наши собрались, обговорили с вояками – не без конфликтов, конечно – но вместе решили что надо в город возвращаться. Целую неделю они зачищали здесь район, делали ограждения, – Миша ненадолго замолчал. – Если бы не вояки – не знаю, что и было бы. Они тут и порядок поддерживают, и, вот, электричество настроили, водоснабжение починили. О стариках, детях заботятся.

– Повезло, – сказал я, вспоминая свои последние полгода. – А где твои родные? Надеюсь, ты никого не потерял?

– Не потерял, – грустно улыбнулся Миша. – Я сирота.

– Ох, – от неожиданности даже немного перехватило дыхание. – Извини.

– Да ничего. А ты? Ты кого-то потерял?

– Да, – тихо сказал я. – С самого начала этого безумия ищу свою семью. Думал найти кого-то здесь, но в списках никого.

– Понимаю, – Миша сделал паузу.

– А кем ты был? Ну, до того...

– Я? – спросил Миша. – Да так: то тут, то там подрабатывал. Да это неважно.

– Понятно, – ответил я, но про себя отметил это его нежелание отвечать. – А сейчас что делаешь? Тут же, наверное, у каждого своя роль, работа какая-то...

– Ну вот так же и сейчас: то тут, то там. Где-то надо машину разгрузить – иду. Надо починить что-то или перенести

– тоже. Вот так как-то и живём потихоньку.

– Понимаю, – ответил я и встал из-за стола: – Ты меня извини, идти нужно. А то опоздаю.

– Конечно-конечно, – Миша полез в карман, вытащил оттуда несколько ключей, связанных тонким металлическим кольцом из проволоки, и протянул мне. – Держи. Мало ли, вдруг меня не будет. Дверь не закрывай сейчас – сам закрою.

– Спасибо, – сказал я и положил ключи в карман. Затем быстрым шагом вышел из квартиры, спустился по лестнице и вышел во двор.

Свежий утренний ветер приятно обдувал лицо. На улице было пустынно. На секунду показалось, что людей здесь и не было. Лёгкое волнение захватило разум. Но вот вдалеке прошло несколько людей в форме, где-то крикнул ребёнок, и иллюзия разрушилась. Я выдохнул с облегчением. После этого более твёрдым шагом пошёл в центр двора, где стояло одноэтажное серое здание – то, где вчера моя жизнь изменилась.

Я потянул за ручку железную дверь – она нехотя поддавалась, отдавая лёгким неприятным скрипом.

– Ты куда? – спросил человек в форме, сидящий прямо за дверью за небольшим столиком. Над ним горела слабая лампа. Не очень удобная позиция, если будет обстрел.

– Мне сказали прибыть к десяти часам.

– Имя? – спросил охранник, опуская глаза на стол.

– Константин Рудвенов. Я здесь только второй день.

– Да мне похер, хоть сто второй... Ага, вот твоё имя, – охранник остановил палец под моей фамилией. – Прямо по коридору, первая дверь налево.

– Ага, спасибо, – ответил я пренебрежительно, отошёл от стола и пошёл по тёмному коридору. Через несколько секунд я уже стоял внутри небольшого кабинета. Выглядел он примерно так же, как и тот, в котором меня опрашивал командир: металлический стол, шкафчик, несколько стульев.

– Рудвенов? – спросил человек за столом. Это был высокий мужчина с длинными волосами, аккуратно собранными в хвост.

– Да.

– Хорошо... хорошо-хорошо, – задумчиво проговорил человек в форме. Он закрыл журнал и пристально посмотрел на меня с улыбкой. У него был очень живой взгляд – я уже успел подумать, что все они без эмоциональные роботы. – Готов к работе?

– Наверное...

– Чего так вяло? Взбодрись! Работа непыльная, но её много, – мужчина встал из-за стола, затем в несколько шагов подошёл ко мне и мягко вытолкнул из кабинета хлопками по спине, закрыл за собой дверь на ключ. – Идём.

– А что за работа? – спросил я, когда мы уже выходили из здания.

– Будешь ухаживать за теплицей – ничего ужасного.

Мы вышли на улицу и пошли в сторону одного из домов.

– Но я не умею, – снова как-то неуверенно сказал я.

– Да ты не волнуйся. Научим! – мужчина достал светлую пачку. – Куришь?

– Нет, спасибо, – отмахнулся я.

– Это правильно. А вот я не могу отказаться. Много раз пробовал – бесполезно, – мужчина закурил, а я отошёл в сторону от дыма.

После этого мы шли молча, не спеша, пока не вошли в небольшую пятиэтажку. Там сопровождающий меня военный бросил сигарету в сторону, и мы пошли по лестнице вверх.

– Не люблю я эти подъёмы. Гималаи, блять, – ругнулся он, тяжело выдыхая, когда мы проходили четвёртый этаж. Я усмехнулся. Через минуту мы уже были на крыше. Здесь было жарче, чем внизу. Но ветер здесь был сильнее. Так же отсюда были видны все три огороженных двора. С десятков солдат в чёрной униформе патрулировали улицы. В одном из дворов несколько детей играли в песочнице, беззаботно улыбаясь и веселясь.

Напротив выхода стояла небольшая теплица.

– Пришли, – с облегчением сказал военный. – Эй, Женёк, вылазь! Я тебе подмогу привёл.

Из дверей теплицы вышел тощий высокий человек в очках и с каким-то ананасом из волос на голове вместо нормальной причёски. Под глазами были тёмные мешки.

– Привет, – тихо сказал «Женёк» и протянул руку.

– Костя, – я пожал руку в ответ.

– Женя, введёшь его в курс дела? У меня ещё работы много – так я бы и пошёл.

– Хорошо, – так же тихо ответил Женя. Мужчина кивнул, развернулся и пошёл к выходу, пока не скрылся в проёме.

В течение следующих нескольких часов Женя мне объяснял что здесь и как. Он оказался ботаником в прямом смысле этого слова – увлекался растениями. И делал это ещё до конца света. Его манера тихо и размеренно говорить про растения навевала скуку и желание спать, а попытки поговорить на другие темы откровенно игнорировались. Плюс к этому, внутри теплицы было ужасно душно. Хотя Женя, как будто этого не замечал.

Я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Ухаживать за растениями – скука смертная.

«Нет... меня сюда просто так не посадили. Они присматриваются ко мне. И Женя этот, кажется будто он только растениями интересуется, а на самом деле постоянно следит за мной. И Миша, к которому приходят непонятные люди, и который что-то скрывает... Понятно, конечно, почему они так делают – я бы тоже не доверял всем и сразу – но всё равно неприятно».

В соседнем дворе странным образом начали собираться люди: они толпились вдоль дороги, но цепь из военных не давала им подойти ближе. Мне стало интересно узнать, что там такое.

– Я отойду на секунду, – крикнул я и, не дожидаясь ответа, бежал вниз по лестнице.

Я вышел из подъезда и быстрым шагом направился в толпу. Я отвык видеть столько людей. Столько живых людей. Было странно, и даже немного страшно пробираться сквозь них.

В толпе я увидел знакомую макушку – Миша.

– Что здесь происходит? – спросил я.

– А, это ты... – сказал Миша. – Да ничего необычного: забирают больных.

– В смысле? – не понял я.

– Ну, тех, кто заразился.

– Чем? Вирусом?

– Да. Грустно это.

– Стоп, – не понял я. – Как такое возможно? Насколько я знаю, люди заражаются только от укуса.

– Видимо ты знаешь не всё, – тяжело вздохнул Миша. Я не стал его больше расспрашивать, а решил подождать и увидеть сам, что произойдёт.

Люди вокруг взволнованно перешёптывались.

– Расходитесь! Здесь не на что смотреть! – повторяли солдаты, но люди не уходили.

Через минут десять вдалеке что-то загудело, а потом огромные железные ворота отъехали в сторону, и во двор въехал небольшой тёмно-зелёный грузовик. Он ехал медленно, разрезая толпу, будто нос лодки воду. Вся толпа пошла

за ним, даже когда тот свернул в другой двор.

Грузовик остановился напротив командного пункта. Из кузова вылезло несколько солдат. Они прошли внутрь здания, и потом нескольких минут всё было тихо. Все ждали того, что будет дальше. Ожидание кончилось тем, что двери открылись и теперь по одному выводили из здания людей. Это были обычные люди, только какие-то измученные, худые, вялые. Солдаты помогали им забраться внутрь.

– Бедняжки, – услышал я женский голос. Некоторые люди не выдерживали и уходили.

– Пустите! – крикнула женщина. Она пыталась пробиться, но солдат удерживал её. – Там мой муж!

Мужчина в колонне ненадолго обернулся, посмотрел на свою жену пустым взглядом, попытался даже улыбнуться, но солдат возле него сразу же отвернул ему голову.

– Петя! – кричала она. – Петя!

– Пожалуйста, не мешайте, – возмущался солдат, удерживая женщину.

Я пытался понять, что происходит. Что-то здесь не вязалось. Инфицированные люди так себя не ведут, да и синих пятен там не было видно.

«Что это за херня?», – думал я, вспоминая Павлова. Вспоминая то, как он мучился, но таким всё равно не был. Не могут все люди быть такими, да и как они заразились? Слишком много вопросов, но ответов не было.

Сколько бы ни смотрел, не видел ни одного синего пятна.

Я пошёл в сторону от толпы.

«Тут какая-то херня творится. Они не больные. Это... это другие люди!», – мне всё это совсем не нравилось.

«Теперь решил поиграть в детектива? А я ведь тебе говорил, что не может быть тут всё хорошо. Но нет: давай пойдём, может там хорошо, не волнуйся... Послушай, это не твоя обязанность спасать других людей. Ты не герой. Беги отсюда, пока не поздно», – говорил Голос.

Мне терять было нечего. Здесь творилось что-то странное, и совесть не давала просто так убежать от всего. Возможно, это был тот единственный раз, когда я мог бы сделать что-то полезное, помочь кому-то, возможно даже спасти...

День 260-262

— Эй, вставай! – кричал Миша, отрывая меня от сна. – Ну чего лежишь? Вставай-вставай!

– Чё надо?.. Что такое?.. – я рукой нашарил часы – «7:11». – Семь утра только... иди нахер, – я отвернулся и накрылся одеялом с головой.

После того, как в очередной раз вылезил ночью на подслушивание патрулей, хотелось поспать. Хотя бы ещё полчаса-час.

– Пошли! – Миша не унимался. Он откинул в сторону одеяло и потянул меня за руку и приподнял, усаживая на кровати. Я уставился на него. – Говорю же тебе: пошли. Давай вставай быстрее!

Миша только отошёл в сторону, как я упал обратно.

– Ты мне можешь объяснить, в чём дело? – тихо проговорил я, едва скрывая раздражение. – У меня сегодня выходной и я очень хочу поспать.

Миша часто будил меня рано или просто отвлекал: то кто-то приезжал, то объявление от военных, то кто-то умирал... К подобным выходкам я уже должен был привыкнуть, но как-то не получалось. А он каждый раз делал это с невозможным выражением лица – как будто это нормально.

– Ну? Кому говорю? Я точно знаю, что обрадуешься.

– Сейчас я обрадуюсь только, если ты закроешь дверь сна-

ружи и дашь мне поспать. Я вчера поздно лёг.

– Знаю я, что ты поздно пришёл – Америку не открыл, – Миша подошёл и сел на край кровати. – Так чё, не идёшь? Ладно. Расскажу так...

– Наконец-то, – вставил я, не поднимая лицо с подушки

– Так вот, часа в три ночи сегодня пришёл кое-кто. Нювенькая, – улыбнулся он.

«Девушка? Одна? Посреди ночи?» – подумал я.

– А мне-то что?

– Поговаривают, что про тебя спрашивала, – Миша посмотрел в сторону, как будто говорил между делом.

Я тут же встал:

– Как она выглядела?!

– Светлые волосы, высокая. Она с парнем пришла. Их рядом подселили.

– Мы все здесь рядом живём... – в нетерпении проговорил я. – Миша, блять, говори точнее, ну!

– Да, это верно. Это ты точно подметил – «мы все здесь рядом живём»... – он сделал небольшую паузу, как будто хотел ещё сильнее меня позлить. – В общем, ты пока одевайся, а я завтрак разогрею. Я же нормально вчера рис сделал? – Миша встал и уже шёл к выходу.

– Блять, Миша, ответь где это?! Какой нахуй рис?!

– Слушай, будешь так отвечать – не скажу. Ты можешь подождать немного хотя бы? Тут она, отдыхает.

– Да-а, – нервно бросил я. – Было вкусно. Тебе поваром

надо.

– Ага, – рассмеялся Миша, – самый лучший повар в Остании. Кафешку уже завтра открывать...

И вышел из комнаты. Я поднял руку к потолку.

«Неужели это она? Конечно, вряд ли... а вдруг?»

Я резко встал с кровати и начал натягивать шорты с майкой.

Через несколько минут мы уже закончили с завтраком. Миша всё это время молчал, лишь изредка поглядывая на меня.

– Чего ты так торопишься? У тебя, хотя бы, кто-то живой есть. Не торопись – она никуда не уйдёт.

– Ты неправильно понял: она мне как сестра, не более. Тем более, должен был уже узнать, что она старше.

– Разве это имеет значение? – продолжал подстёгивать меня Миша.

– Отвали, – огрызнулся я, но без агрессии. – Давай говори уже куда идти.

– В том доме, напротив. Тоже второй подъезд. На третьем этаже. Квартира 36.

– А разве это не закрытый дом был? – удивился я.

– Там давно уже всё отчистили... – Миша уставился в окно, а я молча пошёл к двери, где обул кроссовки и вышел в коридор.

Я быстро спустился по лестнице и оказался на улице. Солнце хоть и не было чем-то прикрыто, но всё же не пек-

ло. Я быстро перебежал двор, где не было ни души, и влетел вверх по лестнице на третий этаж. Нужная мне дверь была единственной деревянной дверью, остальные все были копиями друг друга – чёрные металлические толстые двери. Я постучал в дверь – ничего. Ещё раз – снова ничего. Дёрнул ручку – дверь была открыта.

– Это Костя... я вхожу. Тут дверь открыта, – сказал я, уводя дверь в сторону.

Внутри стоял спёртый, сухой воздух, а пространство окутывал лёгкий сумрак, как будто окна были закрыты. Было тяжело дышать, и я начал кашлять.

– Эй? – крикнул я. – Света?

– Костя? – спросил женский голос откуда-то из дальней комнаты. – Иди сюда! Мы тебя уже заждались...

Это был определённо голос Светы. Я пошёл в его сторону.

– Знаешь, только тебя вспоминали, – сказала Света, когда я прошёл внутрь комнаты. Здесь было светло. Дверь за мной со скрипом захлопнулась. Я обернулся и увидел улыбающуюся девушку. Но что-то в её улыбке было не так. Лёгкая тень сомнения подгрызала моё сознание.

– Привет? – сказал я неуверенно.

– И не одна, – улыбнулась она, указывая рукой в сторону, на широкое чёрное кресло, которое стояло спиной ко мне. Человек в кресле, будто по приказу, встал и, ковыляющей походкой, пошёл к нам. Я ужаснулся и отпрянул назад.

– Костя, ты чего? – спросил Лёша, пытаясь улыбнуться.

Вместо правой щеки у него была чёрная дыра – из огромной раны на шее бежала маленькими алыми струйками кровь – а на месте оторванных кусков в теле торчали тёмные рёбра. Вся его одежда была оборвана и заляпана кровью. А тело покрыто синими пятнами. – Не нравится?.. Это ведь... это ведь ты.

Ему было тяжело говорить из-за раны на лице.

– Нет... – ноги подкосились, и я упал на колени. – Неправда. Это несчастный случай...

– Поздно, Костя... поздно, – тихо сказал Лёша. Он достал откуда-то из-за спины небольшой тёмный пистолет и протянул его Свете. – Теперь... и её очередь.

– Нет... – тихо сказал я. Внутри всё сжалось от страха.

– Костя, как ты мог? – разочарованно спросила Света. Она взяла пистолет, проверила обойму, а затем взвела курок. – Мы на тебя рассчитывали... Я рассчитывала... – Света поднесла пистолет к своему виску, пристально посмотрела на меня, улыбаясь.

– Нет! – крикнул я.

Прозвучал выстрел, мёртвое тело свалилось к моим ногам...

* * *

Я резко подскочил в кровати. В комнате было очень душно. Во рту было очень сухо, а тело всё в холодном поту.

«Снова этот сон», – я встал и открыл окно, впуская прохладные утренние потоки воздуха. Они лизнули моё влажное тело.

За окном уже светлело. Тёмная дымка небосвода постепенно светлела, открывая новые горизонты. Птицы уже проснулись и пели всюду. Новый день. Ещё один.

Я пошёл обратно и сел на кровать, посмотрел на часы – «4:26». Очень рано. Я плюхнулся на влажное одеяло, которое неприятно отдавало влажным холодом.

Вдруг, я почувствовал сильную усталость. Будто весь мир навалился на меня, а тело кое-как поддавалось движениям.

«Спи. Тебе ещё есть чем сегодня заняться», – сказал Голос.

Я послушался совета и отполз к стене, скинув холодное одеяло на пол. Через несколько секунд я провалился в тягучий, словно тряси́на, сон.

Через несколько часов я проснулся с чувством, будто не спал вовсе – впрочем, как всегда. Каждый день один и тот же сон...

«А чего ты удивляешься? – спросил Голос. – Это ведь правда».

– Замолчи, и без тебя тошно, – огрызнулся я. Голос замолчал.

Часы показывали «8:53». Нужно было вставать. Скоро начнётся моя работа. Опять весь день смотреть на растения, изредка позволяя себе выйти на разогретую крышу, посмот-

реть на остальной мир.

Недавно подключили кондиционер. Взяли в одной из квартир. Теперь хоть работать стало возможно.

Я лениво перевернулся на другой бок, вздохнул, а затем встал и, натянув шорты, пошёл к открытому окну и просунулся в него. Мы жили на последнем этаже, и отсюда люди были словно муравьи – маленькие, вечно куда-то спешащие. Иногда думал о том, что если бы их засыпать песком, как мы в детстве детали, то она через секунду вылезут и побегут дальше.

– Проснулся уже? – спросил Миша у меня за спиной. Он, как обычно, очень тихо вошёл. Я даже не обернулся и ничего не ответил. Возникла небольшая пауза. – Чё как? Что-то ты совсем кислый.

Я сильно вздохнул.

– Всё нормально, – устало ответил я.

– Ну, это, я всегда рядом, если что, – сказал он. Возникла пауза. Через несколько секунд Миша сам же её и нарушил: – Я пойду пока разогрею вчерашние остатки. Подходи, если хочешь.

– Спасибо, – вздыхая, сказал я. Дверь в комнату закрылась, и теперь я был один.

На улице было всё равно душно, а солнце медленно поднималось по широкому небесному щиту.

«Сегодня или завтра должен пойти сильный ливень. Перед дождём всегда душно», – подумал я.

Я отошёл от окна и накинул сверху майку, а затем вышел из комнаты и пошёл в ванную, еле перебирая ноги. Покрутил кран – слабый водный поток, нехотя, зажурчал, и через секунду тонкая струйка стекала в раковину. Теперь меня уже не удивляла вода из крана, как будто так и должно быть – как же быстро человек привыкает к удобству...

Я обдал лицо холодной водой, освежаясь. С каждым таким действием мир становился ярче, а мысли яснее. В зеркале на меня смотрело уставшее лицо с тёмными мешками под глазами. Тёмные, грязные длинные волосы, словно трава, были направлены в разные стороны. Это было совсем другое лицо – не то, каким я его запомнил тогда, в своей квартире перед выходом.

Я похлопал себя по щёкам, вытер лицо и пошёл на кухню. На входе в нос сразу ударил кисловатый запах. Миша разогрел вчерашнюю тушёную капусту. А ведь я не люблю капусту...

– Ну чё? Получше? – спросил он.

– Да... – начал я, – нормально.

Миша поставил по тарелке и сел рядом. Среди капусты проглядывали мелкие крошки мяса – из последних консервов. Я несколько минут ковырял её вилкой, не решаясь приступить к «трапезе». Но делать было нечего, да и живот просил хоть какой-нибудь еды. Миша быстро покончил со своей порцией, а мне потребовалось минуты три, чтобы осилить маленькую тарелку, но, всё же, сделал это.

– Сегодня снова будет жарко? – спросил Миша. – Смотрю вот, совсем душно стало. Надо будет воду взять с собой.

– Наверное... – ответил я.

Миша вышел из-за стола, налил себе стакан воды и выпил.

– Удачи тебе сегодня, – сказал он, выходя из кухни.

– Спасибо, и тебе, – сказал я ему уже в спину.

На часах было «9:33». Через полчаса я должен был снова идти на работу.

Сначала это даже было интересно, но уже через неделю все хитрости и секреты кончились, и я просто выполнял изо дня в день одну и ту же скучную работу: большую часть времени наблюдал почти за статичными растениями. Но был в этой работе и плюс: никто не следил, да и можно было наблюдать за почти за всем лагерем с одной стороны, а с другой – за остальным миром, который был за стенами домов. А за домом начинался лес: дикий, густой. Конечно, временами появлялись шатающиеся тела восставших, но они либо быстро скрывались в лесной чаще, либо, при достаточной глупости и невезении, подходили прямо к лагерю, где за полчаса его обычно уничтожал проходящий патруль. Быстро и без сожаления. Затем появлялась другая группа, которая относила труп в лес, под защитой нескольких охранников в тёмных комбинезонах. Даже в жаркое время они носили свою спецодежду.

Я вышел из-за стола и тоже выпил воды. Жидкость освежающе растеклась по телу. Туман в голове немного рассеял-

ся.

«На что ты рассчитываешь? Думаешь, он что-нибудь знает?» – спросил Голос, когда я переходил двор.

– О чём ты? – я старался говорить тихо, чтобы никто не заметил. Мой взгляд быстро скользил по сторонам – вроде бы никто ничего не увидел.

«О том парне, который вчера вечером к тебе подошёл».

– У меня ничего больше нет, за столько недель...

«Не думаешь, что это подстава?»

– Узнаем вечером, – я тихо вздохнул.

Ещё на лестнице, когда подходил к крышке с теплицей, я учуял тяжёлый табачный дым – Женя снова курил. Чем больше я проводил с ним времени – тем меньше его понимал. Это был странный нелюдимый парень, который мог неделями не курить, а потом без каких-либо причин начать пыхтеть как паровоз. Ни на одну мою шутку он не отвечал, но несколько раз я ловил его улыбку и слышал лёгкий смешок среди долгой тишины. А понимал я его в этот желаний одиночества и наслаждения от него.

– Привет, – я протянул руку.

Женя молча, кое-как, её быстро пожал. За толщей стекла были видны его уставшие глаза, а белки были прошиты сетью красных тонких линий. Он всегда сутулился и старался держать руки в карманах.

За несколько часов стало невыносимо скучно. Единственное, что хоть как-то спасало положение – это наблюдать за

тем как маленькие плоды вырастают в больше: ещё немного, и некоторые уже можно будет собрать. В основном всю работу выполнял Женя. Я лишь изредка, чтобы развеять скуку, увлажнял растения из водяного пистолета.

Наконец, мне всё это надоело.

– Я выйду на крышу. Надо воздухом подышать, – сказал я на выходе. Женя молча кивнул.

После кондиционированной свежести теплицы на крыше чувствовалась сильная жара. Но здесь, хотя бы, было разнообразнее.

На часах было «14:09» – ещё целый час работы... Я решил оставшееся время провести на крыше и понаблюдать за окружающими. Наверное, мог бы и уйти – вряд ли Женя кому-то скажет, но и дома мне было нечего делать.

В левом дворе весело играли дети – вроде как, в прятки. Несколько молодых женщин ходили с колясками туда-сюда и о чём-то оживлённо говорили. Смотря на всё это казалось, что, может, никогда и не было конца света – просто временные трудности, а теперь люди перешагнули это и живут дальше. Иногда даже думаешь: «Может, люди действительно всё осознали и теперь всё будет хорошо?». Но потом где-то раздаётся приглушённый звук выстрела, в голове возникает вереница образов, и ты возвращаешься к реальности: где человек человеку враг – причём самый опасный.

«Почему ты не рассказываешь Мише о своих расследованиях?» – Голос говорил с насмешкой.

– Как будто ты бы рассказал... – ответил я.

«Ты меня хорошо знаешь...»

– Наверное, потому что ты – это я?

«Ладно... А откуда ты знаешь, что тот парень – не ловушка?»

– Слушай, может хватит?.. Зачем ты спрашиваешь несколько раз? Я тебе уже ответил: я ни в чём не уверен. Понятно? Ты ведь сам мне говорил, что быть в чём-то уверенным абсолютно – это ошибка. Но иногда нужно идти на риск. Ты сам видел как, якобы, больных увозили уже столько раз – у них нет симптомов.

«А как же тот, с щекой?»

– Ну да, на одном были синие точки. Но, всё равно: разве это не странно? Тем более, что у многих другие раны: синяки, ссадины – как будто их били.

«А если другие просто на ранних стадиях?»

– Нет. Да и... блин. Ты сам всё знаешь: такого быть не может. И ссадины туда не вписываются. И болезнь начинается по-другому...

– С кем ты разговариваешь? – прозвучал полушёпот Жени совсем рядом. Он достал из правого кармана белую пачку, а затем вытянул оттуда сигарету и закурил.

– Я? Ни с кем. Это... просто мысли вслух, – соврал я. – Не обращай внимание.

– Понятно, – ответил он и обыденный разговор кончился. Мы молча стояли, смотря на движение внизу. Облако тя-

жёлтого дыма периодически окутывало его голову, скрывая уставший, устремлённый куда-то вдаль, взгляд тёмных глаз. Через несколько минут он докурил, развернулся и по дороге обратно бросил окурочок в сторону леса.

Минуты длились неприлично долго, но даже улитка в итоге приходит в нужное место – на часах было «14:58». Я покинул свой пост наблюдения и пошёл попрощаться с Женей, чтобы потом пойти к выходу. Женя пожал мне руку на прощание, даже не отрываясь от работы. Впрочем, к этому я уже привык.

Уже было за полдень, оставалось ещё пять часов до встречи. Мы договорились встретиться у него дома.

Я вышел на улицу и пошёл во двор с качелями. Не знаю «почему», но меня они всегда привлекали: простые движения, но время уходит быстро. Никого сейчас на площадке не было не было – даже как-то удивительно.

Я медленно подошёл и сел на сухие цветные деревяшки. Качели были на цепи, и под моим весом металл немного лязгнул. Мимо, по дорожке, шли две женщины. У одной из них был заплаканный и уставший вид.

– Не убивайся, пожалуйста – это может быть с каждым...
– успокаивала её вторая, придерживая за плечи.

– Но... как? Как он мог заразиться? – чуть ли не кричала первая, но без злобы, а лишь с отчаянием в голосе. – Он же чистый... Лена, как? Мы уже тут пять месяцев. Он за стену не выходил.

– Послушай, Ксюша, ты ведь знаешь как это бывает: у каких-то людей вирус вдруг проявляется после того как долго спал внутри, – говорила вторая. Они медленно дошли до конца дорожки и сели на небольшую облупившуюся лавочку.

– Но... как? Как это возможно?... Я... я не понимаю! Этого не может быть! Нет! Нет... – разразилась слезами первая.

– Ксюша, тише-тише, – успокаивала вторая. – Это же природа. Что мы можем поделать? Скажи «спасибо», что хоть ты здорова.

«Это не природа. Это люди», – подумал я.

– А какой теперь смысл?.. – спросила первая и ещё больше зарыдала.

Первая женщина плакала очень долго и иногда говорила что-то неразборчивое. Вторая же сидела и, с сочувствующим видом, временами кивала. Примерно через полчаса они ушли.

Тень от дома уже подбиралась к моим ногам. Солнце собиралось уходить на сон. Дневная жара сменялась вечерней прохладой.

Я качался, провожая взглядом десятки проходящих мимо людей. Иногда подходили дети, но родители их быстро уводили – почему-то меня до сих пор некоторые сторонились. Вокруг появлялось всё больше незнакомых лиц. Нам не рассказывалось о том, кто и когда приходил, но и так было видно: община растёт.

Прошёл час... второй... третий... четвёртый. Наконец, на часах было «19:30» – можно было идти.

Я спрыгнул с качели на ходу и даже не сразу смог пойти – ноги замлели, было неудобно идти.

Мне нужно было в третий дом (напротив моего, седьмого), во второй подъезд.

Я неспеша прошёл первый двор. На улицах уже практически не было людей. Несколько солдат патрулировали улицы и разгоняли народ по домам. Я аккуратно обогнул свой дом, чтобы не привлекать к себе внимание. Впереди слышались какие-то голоса.

– Что? – возмутился невысокий мужчина.

– Пройдёмте в командный пункт. Не волнуйтесь, это ненадолго, – сказал один из солдат. Другой стоял позади мужчины.

– Зачем? Что я сделал? Я же... я же просто шёл домой... – мужчина выглядел растерянным.

Я спрятался в кустах и внимательно наблюдал.

– Не волнуйтесь, это стандартная процедура, – максимально успокаивающе говорил первый солдат. Он попытался взять мужчину за руку, но тот вырвался.

– Никуда я с вами не пойду!

– Слушай, – внезапно сказал второй солдат, – надоело мне сюсюкание. Давай я его приложу, и мы по-тихому его приведём.

Я стоял ошарашенный. Мужчина, похоже, был так же

удивлён.

– Что?.. – протянул он, оборачиваясь. Он как будто осознавал, что у него нет выбора и не знал что делать чтобы сбежать.

– Тёма, не надо – я сейчас... – попытался остановить его первый солдат, но тяжёлая рука второго уже была оттянута, а через секунду огромный кулак врезался мужчине в живот, складывая его пополам. Тело ещё мгновение стояло по инерции, а потом он свалился, держась за живот.

– О чём я тебе говорил? – сказал первый солдат, обхватывая мужчину за корпус. – Ладно, что с тобой поделаешь...

– Слушай, не нуди. Видел же, что этот баран идти никуда не хотел. Я лишь поспособствовал процессу, так сказать.

– Ага, поспособствовал он, а мне теперь тянуть его. Больше я с тобой в дежурство не пойду – иди ты нахер со своей помощью, – вздыхая, говорил первый охранник.

– Неженка, – только и ответил второй охранник.

«Зачем? Куда они его ведут?» – задавался я вопросами, на которые было непросто ответить. Надо было проследить за ними.

Я, крадучись, перешёл дорогу. Потихоньку небо темнело, а на улицах уже совсем не было видно людей. Двое охранников вели мужчину прямо к командному пункту, особо не стесняясь. Как только их тела скрылись за дверями, я быстрыми перебежками проникнул к стенке здания.

Сердце внутри было готово выпрыгнуть из груди. Вообра-

жение рисовало меня героем шпионского фильма – только всё вокруг было реально.

Я внимательно и осторожно подбирался к окнам, пытаюсь увидеть хоть что-нибудь, но ни в подвальных помещениях, ни в верхних этажах ничего не было – часть окон вообще была просто наглухо заварена, и лишь по свету с маленьких щелей было ясно, что там что-то происходит.

Я ещё раз аккуратно просмотрел все окна, пытаюсь хоть что-нибудь увидеть. Даже в щели пытался заглянуть, но ничего не мог рассмотреть.

– Стоять. Ты кто, бля?.. – прозвучал голос у меня за спиной. Я машинально развернулся, но лишь успел увидеть, как тёмный силуэт в момент приблизился к глазам. От боли сознание мигом отключилось.

Я очнулся от сильного удара по правой щеке.

– Пришёл в себя? Хорошо... хорошо, – сказал знакомый голос.

Я попытался открыть глаза, но в глаза резко ударил яркий свет. Я машинально отвернулся. Правый глаз не хотел никак открываться.

– Уберите... свет, – прохрипел я.

Яркое пятно ушло, и я мог теперь осмотреться. Правый глаз сильно болел.

– Ну что же, поговорим? – хоть это и был вопрос, но звучал с напором. Я понял, что выбора у меня нет.

– Я... я ничего не знаю. Кто вы?.. Где я? – прошипел я. –

Что происходит?

Передо мной стоял, оперившись на стол, седой мужчина в форме. Его взгляд был таким острым, что казалось, чуть засмотришься, и можно порезаться. Мы находились в комнате похожей на ту, где я был в мой первый день в этом лагере. Только здесь кроме моего стула и стола ничего не было видно, а единственное окно было наглухо заварено.

– Происходит то, что ты суёшь свой нос туда, куда не нужно это делать. Вынюхиваешь, высматриваешь... – он сделал паузу. – Чего тебе надо? Мы дали тебе кровать, еду, работу. А ты вот так отблагодарил? Шпионить захотел? Нехорошо...

– Я... не...

Сразу после этих слов он чуть повернулся, а затем мне в зубы прилетел его кулак. Руки позади удержали мой стул от падения.

– Ты понимаешь во что ты вляпался? – спросил командир, хватая моё разбитое лицо и направляя на себя. Его прикосновения приносили ноющую боль. Во рту будто что-то разлилось, заполняя всю полость. Я не понимал, что происходит. Было очень страшно.

– Нет... – прохрипел я. Из-за крови было тяжело говорить. – Что... я сделал?

– Что ты успел унюхать? – пропустил командир мои вопросы. Его грозный бас вызывал лишь желание бежать.

– О чём вы?... – испуганно спросил я. – Я ничего не знаю...

– Не смей играть со мной в игры, пацан, – медленно про-

цедил он сквозь зубы.

– Но я правда ничего не зн... – резкий удар в живот оборвал меня на полуслове.

– Вижу, ты и дальше дебила включаешь? – командир повернулся ко мне спиной. – Поверь, я от этого не испытываю удовольствие, но говно кому-то нужно чистить, а ты вляпался в него по самые уши... Ладно, ты ещё маленький, может тебе просто поехали по ушам. Я даю тебе последний шанс. Назови мне имена, местонахождение вашей базы, цель – что-нибудь. И тогда, может быть, мы договоримся.

Каждый вздох давался с трудом.

– Я не понимаю о чём вы. Я... просто увидел как уводят мужчину и... – я тяжело вздохнул, – не знаю, подумал может помощь нужна...

Мужчина кивнул человеку сзади меня. Я почувствовал как руки отпустили стул. Через секунду я услышал шелест, а затем мне на голову надели пакет и стянули сзади.

– Просто невинная овечка? Какой-то, блять, пацан выживал месяцами один, когда мои люди, сука, умирают постоянно. Взрослые, закалённые мужики! Ты меня за дебила держишь? – командир резко развернулся и уставился на меня. Я пытался втянуть воздух, в глазах начало темнеть. Через несколько секунд мне сняли пакет и я жадно начал дышать. Он продолжил: – Знаешь, сколько здесь было таких как ты?

Я молчал, ожидая продолжения речи. Тело, словно верёвками, сковал страх.

– Но... я и вправду ничего не знаю, – тихо сказал я на одном дыхании.

– Значит, играешь до конца, да? Думаешь, пожалеем, раз пацан?.. Нет. Посмотрим, как запоёшь. А если нет, то сами найдём твоих дружков, – командир слегка повернулся, а потом резко ударил меня в лицо. По лицу разлетелась волна боли, а в глазах потемнело.

Я слышал разговор, но не мог разобрать слова. В голове сильно гудело. Вроде бы послышался скрип двери, а затем кто-то схватил меня за руку, отстегнули от стула наручники. Не мог нормально двигаться. Пронзающая головная боль парализовала всё тело. Через секунду руку пронзила новая давящая боль, настолько сильная, что всё остальное просто померкло. Я кое-как открыл единственный рабочий глаз – из левой руки тоненькими ручейками текла бурая кровь. Ещё через несколько секунд меня кое-как подняли со стула и потащили вон из комнаты. Всё моё тело было огромным клочком боли. Я кое-как пытался передвигать ногами, ничего толком не понимая. На выходе я заметил того самого парня, с которым должен был встретиться. Он отвернулся, делая вид будто не заметил.

Мы вышли в тёмный коридор, а через секунду всё вокруг поплыло, окутываясь туманом. Я мотнул головой, пытаюсь оставаться в сознании, но резкая боль тут же напомнила о том, что этого лучше не делать, и сознание ускользнуло.

Очнулся уже в тёмной камере на деревянной лавке. По

всему телу расплылась ноющая боль, но особенно болела рука. Я попытался встать, и неожиданно чьи-то руки помогли мне это сделать, удерживая. Руку что-то стягивало – она была перевязана клочками одежды.

– Ты как? – спросил шёпот в темноте.

– Не знаю... – ответил я. – Больно...

– Посиди спокойно, – заботливо говорил незнакомец. – Я руку твою перевязал, как смог. Ужас, что эти изверги вытворяют... Даже детей им не жалко... Разве можно так с живым человеком? Тебе ещё повезло: незадолго до тебя мужика принесли, так тот вообще еле дышал, лицо полностью разбито, кровища во все стороны – ужас...

Я молча сидел, пытаюсь дышать с наименьшей болью.

– Как тебя хоть зовут?

– К-кость, – еле выдавил из себя.

– Ты не бойся. Я тебя не трону. Меня Толиком зовут... хотя, это неважно. Ладно, что-то я разболтался. Ты, наверное, соберёшься с мыслями хочешь, а я, старый дурак, лезу тут к тебе, – после этого Толик замолчал.

Много времени прошло перед тем, как в голове рассеялся туман, и я кое-как смог собраться с мыслями. Сквозь щели уже пробивался утренний свет. Комната кое-как осветилась, благодаря чему я смог увидеть ещё одного «собрата»: напротив, без сознания, лежал тот самый невысокий мужчина. У него было полностью разбито лицо, где среди засохшей размазанной крови нельзя было что-либо различить. Он всё

время тяжело дышал.

– Где мы вообще? – спросил я после долгого молчания.

– В подвалах. Но считай, что в тюрьме, – со вздохом ответил Толик. Как оказалось, это был пожилой мужчина лет за пятьдесят. У него были длинные тёмные волосы, в которых местами проглядывала седина. Сам он выглядел щуплым и невысоким, в оборванной рубашке. Рука у него тоже была небрежно перевязана оторванным куском рукава. На лице был огромный синяк и разбитая губа.

– Надо, – я понизил голос до едва различимого шёпота, – бежать отсюда.

– Отсюда не сбегают. Считай, что уже мёртв.

– Я... так просто... не сдамся.

– А что ты сделаешь? Их там десятки, с оружием. А у нас? Немошный старик, избитый ребёнок и полумёртвый мужик. Совсем неравные силы.

Мне нечего было ответить. Я знал, что он прав, но и смириться со своей участью не хотел. Должен был быть какой-то способ. Должен!

«Оставь надежду всяк сюда входящий», – сказал Голос. Сейчас я не мог ему ответить. Я тяжело вздохнул.

– Должно... быть... что-то, – медленно проговорил я. Слова шли тяжело. В груди царила ноющая боль.

– Не надо. Поживи ещё немного. Те, кто пытался, уже ничего не расскажут, – тихо сказал Толик. – Если жизнь дорога, лучше не показывай клыки, а то только рассердишь их.

Если и хочешь чего, то жди подходящий момент, но, в любом случае, сейчас мы ничего не сможем сделать. Ни-че-го.

– И... что же будет?

– Не знаю... – пожал плечами Толик. Он смотрел на заваренное окно, откуда тянулись тоненькие полоски утреннего солнечного света. – Как Бог решит.

– Посмотрим, – сказал я. В голове уже созрел простой план: рано или поздно сюда должен зайти охранник, я отбе-ру у него автомат и попробую с боем прорваться.

«А силёнок-то хватит? – спросил Голос. – Сможешь ли ты убить человека? Кажется, ты ещё мал для таких вещей».

Я старался не обращать внимания на эти слова. Главное – начать, а там уж как пойдёт.

Прошло ещё несколько молчаливых часов перед тем, как в коридоре за железной дверью послышались твёрдые звуки шагов. Я приготовился и кое-как встал, опираясь на стену. Толик вопросительно на меня уставился, но не произнёс ни слова. Через несколько секунд дверь, звякнув, открылась. Я стоял за дверью, которая открывалась внутрь. Только я увидел человеческий силуэт, как тут же бросился из-за двери, но получил прикладом в лицо.

– Ещё один! – ругнулся солдат. – Думаешь, один такой умный? Заебали...

Я корчился на полу, стоная от боли. Из разбитой губы шла тёплая солёная кровь.

– Так, ладно, – солдат встал надо мной, затем взял мою

правую руку, а через секунду в неё вонзилось что-то маленькое, и холодная жидкость молниеносно разнеслась по телу, наливая его свинцом. Внезапно боль со всеми чувствами ушла, оставив лишь холодное безразличие и бесконечную усталость.

Меня подняли на ноги и вывели в коридор. Идти было всё ещё тяжело, но уже не больно. Всё вокруг было будто в тумане. Откуда-то слышался крик, а затем, шатаясь, вышел Толик. Напротив стоял солдат. Я видел лишь его злобную насмешливую улыбку.

Через несколько минут нас вели по тёмному коридору. Мы шли, казалось, бесконечно долго по нескончаемым петляющим туннелям. Временами я переставал понимать, что происходит и пару раз упал. Но каждый раз кто-то меня поднимал, и лёгкими тычками вёл вперёд.

Мысли никак не вязались в голове. Я просто шёл, и шёл, и шёл, пока, наконец, не показался дневной свет. В лицо ударил сильный ветер.

Вокруг стояла куча людей. Они что-то кричали, но для меня это было лишь давящим шумом.

Я выловил глазами невысокого мужчину со светлыми волосами. Его лицо казалось мне знакомым. Я попытался напярчь память, но ничего не выходило. Позади кто-то толкал меня вперёд.

«Кто это такой?» – подумал я, но ответ не находил. На лице этого человека мне показалось торжество, но через се-

кунду от растворился в толпе.

– Куда вы его ведёте? Что случилось? Я знаю его! – кричал какая-то женщина.

– Женщина, отойдите от инфицированных! Или вы хотите к ним? – рявкнул недовольно солдат.

– К ним? – переспросила женщина и опешила, увидев перевязанную руку. Я машинально тоже на неё посмотрел. – Но... как же...

– Вот что бывает, когда самовольно выходишь, – ответил солдат. – Сам виноват.

После этого меня втокнули в грузовик, а затем привели ещё одного человека. Туман в голове, потихоньку, рассеивался, извлекая из памяти образ незнакомца в толпе – я вспомнил Мишу, моего единственного товарища за последние месяцы. И его явное торжество отдавало болью в груди. Я также вспомнил и человека напротив – это был Толик.

Меня приковали наручниками к трубе. Двое солдат залезли внутрь, затем двери грузовика закрылись, и через минуту машина поехала вперёд.

– А что с третьим? – спросил первый солдат.

– Да сдох. Сердце не выдержало, наверное, – просто ответил второй.

– Эх, лишнего пайка лишат. Ладно, хоть двое из трёх – и то неплохо. Пацаны рассказывали, что бывало и ни одного не привозили, – сказал первый.

– Не, ну это брехня. Кто-то же точно должен быть – нахер

тогда ехать?

– Брехня не брехня, а я тебе говорю то, что сам слышал, – на этом их разговор кончился.

Вдруг, небо разразилось грохотом, который пробирал до самых глубин души. Все затихли, и только шум мотора разрезал тишину. Так было несколько минут, а затем на крыше послышался маленький стук, который через пару секунд усилился, перерастая в ливень.

Примерно через час машина остановилась. Я с тревогой посмотрел на одного из солдат.

– Приехали, девочки, – усмехнулся тот. Через несколько минут задние двери открылись, обнажая залитую дождём улицу.

Двое солдат встали и начали проталкивать нас с Толей к выходу, где стояли двое других солдат в касках.

– Нахера вы каски напялили? – спросил солдат, что вёл меня.

– Чтобы голова не намокла, – ответил один из тех, что ждал на улице. – У солдата ведь главное что? Смекалка.

– Дебилы блять... – сказал кто-то вдалеке.

Мой сопровождающий залился хохотом, а меня наполняла паника. Я вылез наружу и чуть не упал. Земля под ногами превратилась в сплошную полужидкую грязь – примерно также, как на катке. Одежда в секунду намокла, и теперь холод пробирал до костей. Началась дрожь.

– Чего встал? – спросил недовольно солдат позади меня,

а затем с силой ткнул меня в спину дулом автомата. Я послушно пошёл вперёд, к огромным железным воротам, за которыми высилось небольшое трёхэтажное здание. Водитель посигналил, и ворота, спустя несколько секунд, слегка приоткрылись. Достаточно для того, чтобы прошло несколько человек.

Мы шли небольшой колонной по два человека: впереди шли солдаты с касками, потом мы с Толиком, а затем провожающие солдаты, что ехали с нами. Последние очень неприятно подталкивали вперёд, если кто-то медленно шёл. Мы вошли во внутренний двор, где стояли огороженные места с лавочками и столами.

Толик не удержался и упал, завалившись всем телом в грязь.

– Ты чего? Встал, – грозно сказал сопровождающий его солдат без каски. Толик попробовал встать, но лишь, нелепо скользнув, упал. Я трясущимися руками помог ему подняться. Он выглядел совсем разбитым. Его отчаянный взгляд говорил сам за себя. Говорят, что надежда умирает последней – в его глазах было полнейшее отчаяние, от которого становилось страшно.

Мы двинулись дальше. Следующие небольшие ворота открыли уже впереди идущие солдаты. А ещё через несколько секунд десять мы уже были внутри здания. С одежды вниз потоком стекала вода, а внизу оставалась небольшая лужа. Нас вели по маленьким коридорам, где ходили бронирован-

ные бойцы с пистолетами в кобуре и дубинами в руках. На стенах в нескольких метрах друг от друга висели маленькие светильники, которые давали ровно столько света, сколько хватало до следующей лампочки. Несколько раз сопровождающие нас солдаты обменивались с «местными» бойцами приветствиями и рукопожатиями. Кишка коридора была в длину метров тридцать и заканчивалась железной дверью с окошком сверху.

Охранники в касках постучали в дверь. Гулкий звук ударов тонул в металле. Железная дверца сверху отодвинулась в сторону, и на нас уставилась широкая, заросшая густой щетиной, рожа.

– Мы вам тут новеньких привели, – сказал солдат позади меня.

После его слов окошко закрылось, а через секунду щёлкнул замок, и дверь со скрипом открылась.

Меня толкнули внутрь. Здесь коридор уходил в две противоположные стороны. Правая часть была закрыта, а у ворот дежурило двое солдат. Нас повели влево, где стоял один единственный солдат, а железная решётка была слегка приоткрыта.

– Двое? – удручённо спросил солдат у решётки. – Лучше, чем ничего, но так себе.

– Ой, завали ебало... – улыбнулся сопровождающий нас солдат. Один из тех, что были без каски. – Миха внутри?

– Да, у себя.

– Мы пока клиентов устроим, а ты вызвони сюда – поговорить надо, – солдат у решётки кивнул, и, пока нас проводжали внутрь, что-то говорил в рацию.

– Чего вы такие кислые? – хлопнул меня по спине один из сопровождающих. От удара я чуть не упал. – Вам тут теперь жить. Быстрее привыкнете – быстрее начнёте наслаждаться, – все солдаты сильно расхохотались. Солдат толкнул меня автоматом в спину, – Ну же, скажи что-нибудь.

Я молча шёл вперёд.

– Скажи что-нибудь, – повторил он. Я молчал, но чувствовал, как напряжение росло. Было очень холодно. Я дрожал, но непонятно от страха или от холода.

– Молчишь? Гордый, да? Посмотрим на тебя через недельку, – он злобно усмехнулся. С дрожью в ногах было тяжелее идти. Солдат это заметил: – Что, идти тяжело? Так мы поможем. Да, ребята? У нас же здесь курорт...

Тут мне кто-то ударил по ногам, и я упал со стоном, больно ударившись коленом об стену. Солдат рассмеялся. Я кое-как встал, на что солдат презрительно фыркнул.

– Ладно, ребят, давайте оставим. Он и так еле ходит. Хилые какие-то они...

После этого все замолчали. Через несколько секунд мы прошли в железную дверь, за которой открылось огромное трёхэтажное помещение, где в стенах, за огромными решётками, находились камеры, которые обвивались лестницами по бокам. По этим переходам то тут, то там можно было уви-

деть патрулирующих солдат.

Нас провели на второй этаж, в небольшую камеру, где вдоль двух стен стояли двухэтажные кровати. Внутри сидело двое бородатых мужчин. Они удивлённо и с некоторым страхом посмотрели на нас.

– Добро пожаловать домой, девочки, – сказал солдат, запуская нас внутрь, а затем закрыл решётку.

Я помог дойти Толику до кровати. Он тяжело опустился на голый матрас. Я сел рядом.

– За что вас? – шёпотом спросил темнокожий мужчина с ободком из седых волос вокруг голой макушки. У него была густая борода, а само тело было очень худым, будто высохшим. Он кивнул на меня. – Сильно они тебя... хорошо поработали.

– Да это херня... Оказался не там, где нужно.

– А что это?

– Тюрьма... я сам не знаю.

– Понятно...

– А он? – спросил темнокожий мужчина.

– Не знаю, – я пожал плечами. Толик тихо лежал. Я настолько устал, что не мог уже слишком серьёзно что-либо воспринимать. – Я... мы в камере познакомились сегодня... или вчера. Как-то, знаешь, не до разговоров было.

– Понимаю-понимаю, – он попытался улыбнуться, и я заметил, что у него не было переднего верхнего зуба. – Ладно, отдыхайте. Здесь вы надолго. Или нет, если повезёт.

Меня удивило это «если повезёт».

– Насколько долго? – спросил я.

– Насколько хватит у вас жизни, – тихо ответил второй мужчина, который до этого лишь молча наблюдал. Несмотря на свою внешнюю немощность, пронзительный взгляд его обжигал. Я нервно сглотнул. Он уловил мою реакцию и улыбнулся. – Не бойся. Что-то, а своих собратьев по несчастью не трогаю. Меня все тут зовут Шуриком – можешь так же звать. Уже привык.

– Костя, – представился я.

– А меня зовут Борис. Иногда ещё Библиотекарем кличут, – сказал темнокожий мужчина.

– Библиотекарь? – переспросил я.

Он усмехнулся.

– Я работал в библиотеке.

За окном всё так же, не переставая и не убавляясь ни на секунду, лил дождь.

Вдруг из общего зала кто-то с силой начал стучать по металлическим прутьям лестницы. Всё крыло будто вымерло – я непонимающе уставился на Бориса.

– Снова?.. – тихо спросил Шурик.

Они подошли к решётке, а я остался сидеть. Встать всё равно было бы тяжело – тело сильно болело.

– Сегодня прогулки не будет. Вечером ждите подарок, – объявил грубый голос.

Шурик и Борис ещё несколько секунд стояли, а потом

прошли к кроватям. Они выглядели напуганными.

– Думаешь, нас и в этот раз пропустят? – спросил Борис.

– Не знаю, не знаю... – тихо ответил Шурик. Он немного постоял у кровати, а потом залез наверх.

– Вы о чём? – тихо спросил я.

– А, ты же не знаешь... – Борис сделал паузу. – Иногда начальник забирает кого-то из камеры – и всё...

– Что?.. – переспросил я.

– А ты думал, почему тут так мало людей, если каждую неделю привозят новых? – спросил Шурик. – Сегодня можем быть и мы. Нам давно пропускали.

Внутри всё сжалось. Паника тихо накрывала. Я этого не заметил сразу, но здесь действительно слишком мало места для того, чтобы каждую неделю привозить людей.

– А сколько вы здесь уже? – спросил я – никогда их не видел в Остании.

– Бог помиловал... – ответил Борис. – Но везение – такая ветреная дама... В общем, вечно она тебе улыбаться не будет. А нам она улыбалась очень долго.

После этого я кое-как встал, опершись на лестницу, поднялся наверх и завалился на пожелтевший матрас. Меня пугала перспектива стать очередным неизвестным. Отчаяние подтачивало сердце изнутри.

«Вот и всё, – сказал Голос. – Я тебя предупреждал. Теперь, хотя бы, мучиться не будешь. И других тоже. Скоро всё закончится».

Я не хотел мириться с этим, но в голову ничего не шло. Я не мог бесконечно ждать своей очереди, которая, в итоге, всё равно настанет. С другой стороны, не факт, что снаружи безопаснее, учитывая что еле могу стоять...

Мысли потоком летали в голове, а я смотрел в потолок, не замечая его и не зная, что же делать. В какой-то момент понял, что мысли закольцевались. Медленно тело тяжелело, проваливаясь всё глубже в иллюзорный мир, и в какой-то момент я окончательно уснул.

* * *

Проснулся через несколько часов от озноба. Одежда на теле была всё ещё влажная, и из-за этого очень холодно. За окном уже было темно, природная буря кончилась.

Я повернулся и посмотрел вниз: Толик сидел рядом с Шуриком, а Борис лежал наверху.

– Прямо ножом? – удивлённо спросил Шурик.

– А что делать, – ответил Толик. Он говорил тихим и уставшим голосом. – Надо же было её забить. Год тогда совсем сухой был, неурожайный. Дети голодали, а я же не мог смотреть на это всё. В общем, так и порешили.

– И много крови было?

– А вы как думаете? У свиней вообще её много. Да... Было тяжело себя уговорить, но кое-как сделал – и то хорошо, – Толик перевёл взгляд с Шурика на меня и кивнул. Я отве-

тил тем же, а затем слез вниз. Движения отдавались болью в рёбрах.

– Ты во сне говорил, – сказал Шурик. – Не особо понял о чём, но слышал имя «Света» – кто-то знакомый?

Я устало сел на нижнюю кровать. После сна, казалось, усталость только прибавилась, а тело ещё сильнее болело.

– Света? – переспросил я. – Это... неважно.

– Призрак прошлого?.. Понимаю. У каждого что-то было... и уже нет. Не будем ворошить твой шкаф, – сказал Шурик.

– Спасибо... А когда здесь дают поесть?

– Поесть? – с усмешкой переспросил Шурик. – Смотри, чтобы ты сам едой не стал.

Я нервно сглотнул. По всему телу пробежался неприятный холодок.

– Шучу я, – сказал он после небольшой паузы, а затем с уже серьёзным видом добавил. – Хотя, никто действительно не знает, куда уводят людей.

– А во сколько это происходит?

– Стемнело?.. Значит, скоро, – тихо ответил Борис сверху, всё так же находясь ко мне спиной.

«Боишься?» – спросил Голос.

Шурик с Толиком дальше продолжили делиться воспоминаниями, а я залез на кровать подальше, упираясь спиной в стену. Воображение рисовало самые разные картины, находясь в ожидании неизбежного.

Спустя час нервного ожидания, странных случаев из жизни и тихого похрапывания Бориса, раздался выстрел, а затем кто-то в центре зала разразился мерзким громким смехом, от которого внутри всё говорило «беги», а ноги сами тянулись к земле.

– КТО ЖЕ?! – громко крикнул человек внизу. Этот был тот же голос, что днём делал объявление.

Шурик смотрел на решётку уставшим от страха взглядом. Толик с опаской тоже смотрел на выход. Борис лишь слегка приподнялся на локтях.

– ВСТАТЬ! – прозвучала резкая команда твёрдым голосом. – Всем арестантам встать к решётке лицом!

Мы все встали и подошли к решётке. Наша камера была на втором этаже. Я заметил оживление ещё в паре камерах.

Несколько минут мы молча наблюдали за тем, как высокая и плотная фигура медленно обходит камеру за камерой с разочарованным фырканьем и лёгким облегчённым вздохом других заключённых. Только это, и ещё бесконечно сильное биение сердца, вперемешку с громким стуком каблуков – вот и все звуки, что сейчас были. Стук... ещё один... стук... стук... С каждой пропущенной решёткой, с каждым шагом, я всё больше чувствовал холодное дыхание смерти, которая выбирала сегодняшнюю жертву.

– Не то... всё не то... – говорил тихо командир. Он был всего в нескольких камерах от нашей. Его сопровождали двое солдат.

Наконец, он остановился возле нашей камеры и принялся пристально осматривать нас.

– Я тебя здесь не видел, – сказал командир, смотря на меня. – Новенький, да? Открыть камеру, – солдат в ту же секунду принялся выполнять приказ. Командир зашёл внутрь и улыбнулся зловещей улыбкой. – Замечательно, значит, здесь и будем делать выбор, – он достал пистолет из кобуры и начал его наставлять на каждого поочерёдно. Увидев мой страх, он оскалил зубы ещё сильнее: – Ты не бойся. Тебя-то я не трону – по крайней мере, сейчас. Мордашка у тебя смазливая, очень нравится.

После этого командир пристально уткнулся взглядом сверху вниз в меня и смотрел так секунд десять.

– Что-то есть в твоём взгляде.... Нет, точно трогать не буду! Мне нравится. Сейчас... – сказал он, а затем резко развернулся и выстрелил в Бориса, который сразу же упал и, сдерживая крик боли, стонал. Это лишь позабавило командира. Пуля прошла навывлет, и теперь пол заливался яркой густой кровью. – Сильный, да, сука?! Поднять его!

Двое солдат прошли внутрь и подняли Бориса за руки. Командир, не колеблясь, прострелил ему вторую ногу. Борис не выдержал и истошно закричал. Я еле держался на ногах. Хотел что-либо сделать, но тело просто не слушалось. Я даже не заметил, как начал плакать от ужаса.

– За что? – спросил Борис, стоная от боли.

– А что? Почему нет? – просто ответил командир, хватая

Бориса за волосы и поднимая кверху. Он внимательно рассматривал её несколько секунд, а затем ударил его кулаком в живот. – Рожа мне твоя чёрная не понравилась, наверное. Не знаю... Есть в тебе что-то такое, за что убить хочется, понимаешь? Но пока не буду. Пока... Уведите его, – двое солдат понесли темнокожего мужчину без сознания вон из комнаты. Передо мной был самый настоящий монстр, и сейчас он смотрел на меня с непонятным интересом, который вызывал во мне лишь бесконечный ужас и желание бежать. Его глаза сомкнулись в маленькую щель, а губы растянулись в опасной улыбке. Он медленно и тихо заговорил: – Не бойся. Пока что тебя трогать не будут. А о твоём черножопом товарище я позабочусь.

После этого он вышел, а дежурный солдат закрыл решётку за ним.

– Вольно! – крикнул он откуда-то издали. Ноги подогнулись, и я безвольно упал на пол. Я не мог оторвать взгляд от тёмной лужи возле решётки. Ещё недавно там стоял человек – теперь только мокрое пятно. Возможно, он уже не жив.

Голова кружилась, а по лицу огромным потоком неслись слёзы. Тошнило.

Кто-то тронул меня за плечо, я поднял голову. Передо мной стоял Шурик, он с сочувствующим видом смотрел на меня. В его глазах тоже читался ужас, который он пытался скрыть.

– Увидел, да? – тихо сказал он. – Это... это наше будущее.

Помянем его... теперь хоть не будет жить в страхе.

Я медленно отодвинулся к стене и закрыл лицо руками.

– Костя... – тихо сказал Толик, но Шурик его остановил.

– Не надо. Пусть успокоится.

Я уткнулся лицом в руки, будто закрываясь от всего мира.

От мира, в котором до сих пор люди убивают друг друга за то, что им не понравилось, испытывая радость. От мира, в котором всё светлое меркнет и тухнет. От мира, в котором умирают друзья и близкие. От мира, в котором нельзя быть просто Человеком.

«После всего этого ты ещё испытываешь какую-то надежду? Тебе нужно выжить? Так выживай! Не нужно самобичевания – это бесполезно. Придёт время, и твои руки тоже будут по локоть в крови», – сказал Голос.

Я медленно открыл глаза, не сразу поняв, что происходит. Не знаю, сколько прошло времени, когда я вышел из своего вымышленного мира в убивающую реальность. Где-то внутри я понимал, что Голос говорит правильные вещи. Или же мне так просто казалось. Или я просто уже не мог с ним спорить.

– Надо бежать, – вырвалось с моих губ, почти про себя. Я, пошатываясь, поднялся на ноги и посмотрел с сожалением на кровавую лужицу. Рукой вытер заплаканное лицо.

Я больше не мог продолжать жить так. Во мне разгорелось отчаянное желание выжить. Нужно было что-то делать. Нужно было пытаться.

– Пацан, ты как? – спросил Шурик, который смотрел в маленькое окошко. Там, за закрытой решёткой окном, висело тёмное пустое небо.

– Никак, – тихо ответил я, а затем забрался на верхний этаж своей многоярусной кровати. Шурик тяжело вздохнул и продолжил дальше наблюдать за небом.

«Умрёт ещё больше людей, да... но я не умру. Я не хочу умирать. Не хочу умереть так. Не хочу кончить как беспомощный пленник, которого, истекающего кровью, умирающего, ведут неизвестно куда и зачем. Нет... Нет! Я стану сильнее. Я сбегу, чего бы мне это не стоило», – маленький огонёк сожаления превращался в пожар ненависти.

«А готов ли ты на всё? По-настоящему на всё?» – Голос смеялся, но я делал вид, что не замечаю его. Хоть это и было глупо, но он подыграл мне и замолчал.

В голове потихоньку выстраивались и рушились планы разного масштаба. Иногда я замечал, что представляю смерть этого командира: молча наблюдая за тем, как он истекает кровью, познавая чужую боль. Образы вереницей проносились в голове, где десятки безликих людей сменяли друг друга в сотнях разных декорациях.

Ближе к утру я уснул тем самым разбитым сном, от которого становится ещё хуже. Во сне я видел что-то тёмное, слизкое, тошнотворное...

Утром вчерашний день всегда кажется сном, но вот ты смотришь на кусочек истории в виде алого пятна на бетоне и понимаешь, что всё было взаправду. Правда, при этом приходит только тоска. Тоска по тому, что это уже стало историей и теперь ты точно бессилён.

На часах было девять. Я лежал и смотрел в потолок, потому что ничего иного, в этой богом забытой камере, делать было нечего. Ближе к десяти часам народ в камерах активизировался. Я удивлённо уставился за решётку – солдат вёз тележку вдоль камер, а другой брал по несколько тарелок и нёс на верхние этажи.

– Разносят баланду... чтобы мы раньше времени коньки не откинули, – ответил на мой немой вопрос Шурик. Я перевёл взгляд на него – его лицо выражало усталость от жизни. Не просто физическую, а даже жизненную.

– Странная у них логика, – сказал Толик снизу.

– Обычная, людская, – ответил Шурик. – Мы для них мясо, скот. А скот кормят, пока он выполняет свои цели. Нас даже на пастбище выводят.

– В смысле? – спросил Толик.

– На прогулку выводят, когда погода хорошая. Вчера же про это говорили, – Шурик говорил тихо и не спеша. – Я смотрю, вы не слишком впечатлены вчерашним...

– Я... – тихо сказал Толик и на несколько секунд замолчал. – Я видел вещи и пострашнее.

– Понимаю. Как мир сошёл сума, пришлось расширить шкаф для скелетов до целой потайной комнаты.

На полу, возле решётки, поставили три миски. Шурик встал и перенёс по одной каждую миску на небольшой металлический столик у стены, рядом с туалетом. Внутри посуды плавала мутная жижа, цвета грязи. Такое не только есть – смотреть на это не хотелось.

– М-да, что это? – спросил Толик.

– Что-то вроде супа, наверное, – ответил Шурик и принялся за трапезу, быстро уничтожая содержимое. Я с брезгливостью смотрел на это, чувствуя небольшой приступ тошноты.

– Как вы это можете есть? – спросил Толик, безрезультатно перебирая ложкой тёмно-коричневую жидкость.

– Голод – не тётка. Когда жрать нечего – тут не до брезгливости. Если через пару дней будете ещё живы – поймёте это чувство.

– Как ты можешь есть после вчерашнего? – тихо, даже неожиданно для самого себя, спросил я.

– Пацан, скоро ты освоишь искусство пустого выжженного существования, – сказал Шурик, опустошая до конца тарелку. – Либо так, либо никак – закон выживания.

Я фыркнул и лёг обратно, думая о том, как же это противно, но внутри понимая, что он просто человек, который пы-

тается выжить в суровом, полном лишений, мире. И дух его давно сломлен. Даже не просто сломлен, а переломан много раз. Но он всё же старается выжить, извиваясь как змея. Также понял, что мы с ним ничем не отличаемся, и что моя гордость тоже скоро лопнет, словно мыльный пузырь. Но всё же я не спустился вниз. На этот раз.

Шурик приговорил и мою тарелку тоже, а Толик, кое-как, всё же съел свою порцию.

Ближе к полудню, когда солнце набрало свою силу, нас вывели во внутренний двор, на прогулку. Я готовился к этому. Улица встретила нас влажной прохладой, которая бывает после сильного дождя. В другой части, за железной сеткой, находились заключённые из другого блока.

Я заранее подговорил Шурика пойти со мной. Толик от нас тоже не отставал. Мы устроились на длинных лавках, в одном из ограждений.

– Надо отсюда бежать, – тихо сказал я, осторожно осматриваясь на предмет слежки и нахождения рядом солдат, коих здесь бродило достаточно.

– Оптимистично, – встретил моё заявление Шурик с горькой усмешкой. – Есть что существеннее? Или, думаешь, один до этого додумался?

Я решил опустить его комментарий.

– Но ведь что-то должно быть. Я не знаю, может, устроить бунт? Что-то... Что-то есть всегда.

– А ты готов на то, что возможно придётся сделать? – Шу-

рик будто повторил слова Голоса. Он пристально уставился на меня, бросая вызов.

– Я пойду на всё, – ответил я на вызов. Мужчина несколько минут колебался, а я смиренно выжидал.

– Ладно. Есть тут, кое-что... У меня времени подумать больше было, и кое-какой план имеется, – тихо сказал он, почти вплотную приблизившись ко мне. – В общем, примерно каждые две недели отбирают несколько людей для того, чтобы солнечные батареи чистить.

– Звучит как-то слишком легко, – сказал Толик. Я кивнул.

– Ты погоди, дядя. Доживи сначала, – сказал Шурик. – Короче, выбирают туда непонятно как, и охраны двое на одного заключённого... Так что тут на грани фантастики, но другого ничего не знаю. Всё ещё хочешь попытаться?

– Уж лучше сдохнуть с заточкой в руках, чем в ожидании смерти, – ответил я.

– Неплохой ответ.

– Так, когда следующий рейс до свободы? – спросил я, в надежде услышать о нескольких днях.

– Это ещё одна проблема. Предыдущий был вчера, прямо перед вашим приездом, – мрачно сказал Шурик. На меня будто навалился огромный валун, который старался раздробить решимость в мелкую пыль.

– Посмотрим, что день грядущий нам готовит... Куда же нанесёт удар... – проговорил неожиданно Толик. Мы с Шуриком произвольно устало улыгнулись, и я понял, что сей-

час переживать бессмысленно.

Теперь оставалось лишь ждать, умоляя Удачу на ещё несколько недель улыбки.

День 278

Темнота... везде. Она, словно осьминог, опутывала тело и, самое главное, разум.

«Что я? Где я?»

Я шёл по тёмному коридору, даже не зная куда. Несколько раз я падал по пути, поэтому, возможно, даже шёл в ту сторону, откуда пришёл. Пальцы нащупывали шершавую голую и холодную стену. Мне казалось, что она отчаянно нуждается в тепле, но что я мог ей дать, если даже не знаю кто сам?

– Ты глупец, – шепнула темнота из своих скользких глубин.

– Кто здесь? – мой тихий испуганный голос быстро потонул во тьме коридора. Ответа не было.

Я шёл дальше.

Не знаю даже сколько, но в какой-то момент мне просто надоело: одна и та же стена, один и тот же коридор, одна и та же тьма – больше ничего. И я остановился. Временами пытался что-то говорить, но даже это не всегда выходило, будто кто-то крал мой голос... и мысли.

– Встань, – тихо сказала тьма. Я сидел, облокотившись спиной об стену. Шёпот снова возник: – Встань и иди. Ты ещё не пришёл.

– Куда?

– Куда тебя приведёт коридор, глупый.

Я нехотя встал, опираясь об стену. Ноги устали, и вообще всё тело стало тяжелее в несколько раз. Но я пошёл вперёд, и шёл очень долго.

Неожиданно, вдалеке замаячил еле видный светлый огонёк. Я поспешил к нему, насколько мог.

Коридор кончился резким выходом в лес. Я испугался и машинально обернулся, но позади был лишь холм – никакого коридора, никакой темноты.

– Костя... – ухо лизнул шёпот. Это было моё имя. Кто-то звал меня. – Костя...

Начал озираться по сторонам, чтобы определить источник звука, но, казалось, что шёпот – он вокруг, везде. Ноги подкосились, я упал, и теперь моё лицо приятно ласкала свежая трава. От земли приятно пахло свежестью.

– Костя... – повторил шёпот. В этот раз он был сильнее, и я понял, что он где-то впереди, за деревьями. – Костя...

Я поднялся и бросился бежать, пробиваясь сквозь густой кустарник. Всё тело было в мелких порезах и царапинах. Маленькие алые капельки быстро надувались, а затем растекались по рукам и ногам.

– Костя... – лес резко оборвался, и я оказался на краю обрыва, с которого чуть не упал. Внизу волны с силой ударились об утёс. – Костя... – голос шёл откуда-то снизу. Я подошёл к самому краю. В лицо бил прохладный сильный ветер.

– Хи-хи, – послышался детский смех позади. Я обернулся и увидел, как на меня с улыбкой бежит темноволосый маль-

чик лет девяти.

– Что... – вырвалось у меня, когда его маленькие ручки толкнули меня с обрыва, прямо вниз, в объятия бескрайней синей пучины.

Несколько секунд я летел лицом вниз, наблюдая за детской невинной улыбкой, с которой смотрел на меня этот мальчик сверху.

Ударившись, я не почувствовал боли падения. Просто что-то слегка толкнуло меня в спину, а затем, словно попав в болото, меня начало медленно засасывать.

– Костя... – прозвучал женский голос из глубин. Я развернулся лицом к тьме. – Я тебя ждала...

– Кто ты? – сказал я, и из моего рта полетели сотни мелких пузырьков.

– Ты меня забыл? – обиженно спросил голос. Через секунду из глубин появился светловолосый образ девушки. Её черты тела были плавными, но одновременно и отдавали силой. Это была грубая женская красота.

– Света... – неожиданно вырвалось у меня. Я её вспомнил.

Девушка протянула ко мне свою нежную руку:

– Пойдём со мной. Нас уже ждут.

Я протянул в ответ свою руку.

– Да, хорошо, – улыбнулась она. Наши пальцы почти соприкоснулись, но вдруг кто-то резко выдернул меня из воды, вытягивая на берег.

– Дядя! Дядя! Вы как? – на меня смотрели два маленьких

изумруда – это была маленькая девочка с длинными каштановыми волосами.

– Какой я тебе дядя?.. – спросил я. Ветер неприятно обдувал влажную кожу.

– А кто же вы?

– Я? – переспросил неуверенно. – Костя...

– Костя... – повторила она тихо, будто пробуя имя на вкус.

– Зачем? – тихо спросил я, глядя в светлое небо. Песок был очень тёплым, но он неприятно липнул к мокрой одежде. Хотелось плакать от досады.

– Нельзя! – сказала она с настойчивостью, которая присуща лишь детям. Она встала и потянула меня за руку. – Пойдём!

Я молча повиновался приказу и встал, обтряхивая одежду.

– Костя... – я на секунду повернулся к воде, откуда на меня смотрели мутные образы, но маленькая ручка меня одёрнула.

– Пойдём, – сказала девочка, улыбаясь. Я не сопротивлялся...

* * *

Я проснулся от громкого стука по железным прутьям.

– Утро началось, твари! Подъём! – громко сказал Смотритель – так называли начальника этого крыла, который по-

что каждый вечер мучил, а затем забирал одного человека.

Я посмотрел на часы – «8:21». Затем медленно слез вниз и сел на нижнюю кровать. Шурик уже не спал.

Сегодня был тот самый день, который я так ждал. Сегодня всё должно было определиться. Несколько дней назад Смерть снова зашла в нашу камеру на огонёк – забрали Толика. Смотритель на наших глазах сильно избил его, а затем ещё и помочился, приговаривая, что это для лечения и промывки ран. Затем полумёртвого Толика увели, как и других до него. По всему блоку были видны кровавые линии от камер и к самому выходу, которые ведут куда-то в служебные коридоры: за закрытые и охраняемые двери. Я видел, как Шурик еле сдержался, чтобы не убить Смотрителя на месте, но мы не могли сразу пожертвовать двумя людьми. Я тоже еле сдержал себя. Это была необходимая жертва.

– Во сколько скажут кто поедет? – спросил я.

– Не знаю... – нервно ответил Шурик. Он ходил по камере взад-вперёд.

К нам никого не подсылали. В последнее время почти никого не привозили. Блок и так был наполовину пуст, а теперь, казалось, будто совсем не было людей.

Мой взгляд невольно перешёл на левую руку. Несколько дней назад я смог содрать с раны прилипший кусок ткани. Теперь на его месте были два полукруга из коричневой корки.

– Давно никого не видно... – сказал я.

– Ты о чём?

– Никого не привозят. За две недели привезли троих, и то неделю назад. А забрали восьмерых.

– Не знаю. Может, опасно стало перевозить... А, может, просто некого... – предположил Шурик, даже не посмотрев в мою сторону.

– Разве не странно?

– Наверное...

Через полчаса один из солдат начал возить тележку вдоль камер, раздавая жестяные миски с непонятной серой жижей, которая напоминала кашу или её подобие. Я, сдерживая рвотные позывы, съел полностью всю миску.

Шурик кое-как наполовину опустошил миску, а затем устался в окно.

– Ты чего? – спросил я. – Лучше бы поел... потом сил не будет.

– Что-то не идёт... – тихо проговорил Шурик и положил ложку, встал и снова начал ходить.

– Выбора нет, – сказал я. В животе немного крутило. – Сегодня точно будет.

– Понимаю, но не могу. Не до этого сейчас... Помнишь, что делать?

Я встал, подошёл к решётке, осмотрелся – никого рядом не было. Затем вернулся к Шурику, который сел на койку:

– Идём чуть подальше, затем я притворяюсь мёртвым. Ты зовёшь охранника, затем сзади его оглушаешь. Забираем его

оружие, и через забор.

– Оглушаю... – повторил Шурик задумчиво, затем встал и снова начал ходить по камере.

Ещё через полчаса один из солдат озвучил список тех, кто поедет на уборку:

– Рудвенов! Маслянов! Кирковец!

Я обрадовался и посмотрел на Шурика. Он смотрел на меня с таким ледяным отчаянием, которое мне было страшно представить:

– Поздравляю, – слетело с его губ.

Я непонимающе уставился на Шурика.

– Меня нет... в списках, – объяснил он. В его глазах читалось глухое понимание неизбежности.

На секунду я подумал, что он шутит, как обычно, но его взгляд... Он молча лёг на матрас и начал смотреть в железное дно верхней кровати.

– И что же теперь делать? – спросил я.

– Тебе – придерживаться плана, а мне – ждать смерти, – с горькой усмешкой сказал он. – Так и думал, сука... Даже ещё не успел пожить, тридцать лет всего... – я увидел, как по его щеке скользнула слеза.

– Но... как же... – тихо сказал я. Шурик отвернулся к стенке лицом.

– Не волнуйся обо мне. Лучше о себе подумай. Тем более, мы оба понимали, что такое может быть, – он тяжело вздохнул.

– Но... – сказал я, но Шурик меня оборвал.

– Замолчи, – его голос надломился, – пожалуйста.

Я оставил его одного и сам лёг на матрас.

«Как же так? Что теперь делать?» – думал я. Мне казалось, что если поеду, то предам его.

«Разве ты не был готов к этому? Боже, да хоть себя не обманывай! Мы оба знаем, что ты был готов. Даже, возможно, ждал этого, – сказал Голос. – Тебе повезло – ему нет. Такое бывает. Нечего трагедию ломать».

«Действительно. Что я мог сейчас сделать? Ничего. Я сделал всё, что мог. Теперь осталось лишь сбежать, но блин... почему так грызёт внутри? Может, лучше ему было бы вместо меня? Нет. Я должен выжить. Как сложилось – так сложилось. Нечего сопли разводить. Я должен собраться. Иначе никто из нас не выживет».

«Правильный настрой», – сказал Голос.

Я лежал и крутил в мыслях тот факт, что мне повезло и как к этому относиться. Лучше всего было это принять, но внутри был камень, который мешал принять.

Таким образом прошёл ещё час.

– Встать! – приказал солдат возле решётки. Я не сразу понял, что происходит и просто посмотрел на него. Он повторил: – Встать! Лицом к стене! Руки за голову!

Мы с Шуриком встали и двинулись в сторону решётки, чтобы выполнить приказ. За отдающим приказом был ещё один солдат. Он окинул меня суровым взглядом. Ни я, ни

Шурик вопросов не задавали – за это можно было получить. Большое любопытство здесь сильно каралось.

Кто-то подошёл ко мне, и холодный металл сковал руки.

– А что со вторым? – спросил солдат, который стоял за решёткой.

– Второго оставь. Он не нужен, – ответил тот, что вёл меня. Позади кто-то вздохнул.

Меня повели вдоль камер. Я ловил на себе удивлённые взгляды, и ухо ласкало тихое перешёптывание – сейчас я был звездой, сейчас я был в центре внимания.

Меня немного пошатывало. Сердце в груди билось очень быстро.

«Ты всё ближе к цели... Посмотрим, трусишь или нет», – сказал Голос.

Мы спустились по железной лестнице, на которой, словно синяя чешуя, была облупленная краска. Через минуту мы уже шли по внутреннему двору, а ещё через минуту меня погрузили в грузовик.

Напротив, сидело двое с мешком на голове. Как только меня пристегнули к сидению, то тоже надели такой же.

– Ля, начальник, а если мне отлить охота будет? – грубый голос был слегка приглушён и говорил тяжело. Это был один из других людей с мешком.

– Отлить – вот это ты выдал, – усмехнулся второй.

– ЗАТКНУЛИ ЕБАЛЬНИКИ ОБА! Или жить заебало? Так я быстро это исправлю, – рявкнул солдат слева от меня.

– Понял, начальник. Без базара. Молчу, – сказал первый голос.

Солдат тяжело вздохнул. Машина тронулась. Сегодня, как назло, был жаркий день. Почти неделю до этого стояла пасмурная погода и я надеялся что не будет пекла.

Хотя, может, это было и к лучшему.

Мы ехали целую вечность. Несколько раз всё тот же шутник просился в туалет, но солдат быстро его успокаивал несколькими ударами.

Внутри было очень жарко. По лицу градом текли капли пота, а руки затекли в наручниках и отдавали болью в плечах.

«Единственное нормальное лето...», – с грустью подумал я. Почему-то не вспомнилось прошлое лето, каким оно было холодным: даже не искупался ни разу. А позапрошрое и вовсе проболел...

Наконец, машина остановилась. С меня сняли мешок, и я жадно втянул ртом прохладный воздух. После этого отцепили наручники. Я потёр запястья, которые слегка горели. Мои «товарищи» уже стояли на улице. Один из них слегка разминался. Я вылез в разогретый полдень.

Мы остановились прямо перед воротами. Позади было сплошное поле, а впереди стояла светлая, повидавшая виды, стена бетонного забора, которая тянулась далеко в стороны. Один из солдат уже открыл замок и теперь снимал цепь с ворот.

– За каждую сломанную вещь я буду ломать вам кость, – грубо проговорил солдат позади. Я узнал его голос. Именно он ехал с нами. – Усекли?

– Начальник, не кипешуй. Всё будет чики-пуки. Да, Рыжий? – сказал лысый высокий мужчина. Его лицо украшала татуировка паука.

– Сиплый, ты же знаешь, – ответил Рыжий. Я не понял, за что была такая кличка. Волосы у него были вообще чёрные, а лицо чистое – ни единой веснушки.

– Без цирка тут, – сказал главный солдат. Он кивнул на меня: – А ты?

– Я? Д-да, – голос дрогнул от неожиданности.

Сиплый и Рыжий заржали.

– Д-да, – передразнил меня Сиплый. Он положил руку мне на плечо, улыбаясь: – Ну ты и юморной.

– Убери руку, – тихо сказал я, выдерживая его пронзающий взгляд.

– Ого какой опасный... – он приблизился ко мне почти вплотную.

– А ну-ка разошлись! Иначе я вас двоих порешаю! – рявкнул солдат, убирая руку к пистолету.

Сиплый поднял руки вверх в знак мира.

– Всё-всё, начальник. Мы так, просто болтали.

Ворота уже открыли. Нас повели внутрь. Всего тут было семь солдат. Многовато. За забором находились десятки раскиданных то тут, то там тёмных плоских панелей – солнеч-

ные батареи. Вокруг них была слегка примятая трава.

– Вперёд, – скомандовал мне главный солдат. Мы с ним прошли почти к другому концу этого комплекса. Шли минут десять, наверное – всё-таки очень был это огромный комплекс. Я не представлял, реально ли вообще все батареи отчистить за один день. Наконец, у самой стены, мы остановились.

– Чего встал? Давай чисти.

– И чем же мне чистить? – я ожидал, что выдадут хотя бы какую-то тряпку.

– На тебе достаточно тряпок, чтобы почистить, – пренебрежительно ответил солдат. Голос залился хохотом, от которого голова неожиданно потяжелела, и слегка помутилось сознание.

– Но, – начал я, придерживая голову.

– Что-то не нравится? Так ты пожалуйста кому-нибудь, – сказал солдат и фыркнул. Ему нравилось быть главным, и он этим пользовался.

Я снял грязную оборванную майку, в которой и был всё это время, оставляя тело на испепеление солнцу. Сейчас оно было в зените, а это значит, что пекло сильнее всего. Я начал обтирать панели и сразу же отошёл – металлический ободок вокруг панелей был горячим.

– Чего прохлаждаешься? – с неприкрытой злобой сказал солдат. Он меня уже бесил. – Я что тебе сказал делать?

– Извините, – выдавил я, удерживая обожжённую руку. –

Металл горячий.

– Да мне похер, – ответил он и вскинул автомат. Этого было больше, чем достаточно, чтобы я продолжил работать. Кое-как, сдерживая стоны от боли, обжигая кожу, но продолжил.

Тело всё ещё помнило побои, которыми меня наградили при допросе. Было ещё неприятно сгибаться. Горячий металл обжигал кожу, оставляя красные пятна.

Так прошёл час или около того. Неожиданно, где-то позади, раздался выстрел. Солдат быстро вскинул автомат, переводя щелчком предохранителя в боевое положение. Он отвернулся, но был совсем рядом и не видел меня. Я стоял, не зная, что делать.

«Это твой шанс», – прозвучало в голове. Не знаю, мой это голос был или нет, но я бросился на солдата сзади.

– Сука... – прошипел он, пытаясь скинуть меня со своей шеи. Я, как мог, держал его, пытаясь душить. Завязалась борьба, в результате которой он ударил меня локтём в правый бок – прямо в то место, которое обжёг недавно, и я, стоя, упал на землю, держась за него.

– Я тебе покажу, блять! – крикнул он в бешенстве, ударяя несколько раз ногой в живот и грудь. Боль разошлась по всему телу. Я прикрыл лицо руками и постарался свернуться. Я не видел ничего. Всё моё тело было клочком боли. Он сел на меня, раскрывая руки, и начал с силой бить по лицу. Я пытался отбиться, но всё было бесполезно. Я смотрел на него,

сквозь кровавую пелену в глазах.

«Бей его, бей!» – кричал Голос. Я и сам знал, что нужно что-то делать, но он был намного сильнее меня. Это было просто нереально.

После нескольких мощных ударов по лицу мощный капкан сцепился на шее. Я увидел его бешенство в глазах. Мир начал ускользать.

– Найди что-нибудь, рукой! – я увидел за спиной солдата маленького мальчика. Он выглядел испуганным. Его рука потянула мою куда-то в сторону. Время растянулось и стало таким тягучим, словно смола. Наконец, пальцы нащупали что-то твёрдое. В глазах уже темнело.

Я не хотел умирать. Нет.

– Бей! Бей! – кричал мальчик. Я наугад сделал удар, и огромное тело свалилось в сторону. Я жадно вдохнул. Кашель вырвался из груди. Я открыл глаза и увидел, что мой обидчик держится за голову, пытаясь прийти в себя. Он ещё не понимал, что произошло... как и я.

Внутри меня что-то горело. Я кое-как встал, пошатываясь, и неожиданно для себя сделал ещё один удар по его кровоточащей голове огромным камнем, что оставался в руке.

– Бей его! Бей эту тварь! Мочи его! – кричал мальчик. Он уже заливался радостным смехом.

И я ударил ещё раз. Солдат упал на спину, без сознания. Моё сознание помутилось... Я только и слышал детские призывы... и бил, как по приказу. В какой-то момент я понял,

что смеюсь. В тот же момент увидел, что подо мной лежит тело с тёмной кашей, вместо головы. Руки были в крови.

– Что... – тихо сказал я, не понимая, что происходит. – Что?..

Я отпрянул в сторону, испытывая ужас. К горлу подкатил рвотный ком и меня стошнило. Несколько раз.

– Нет... – сказал я, отползая в сторону. Я понял, что всё ещё сжимаю в руке кровавый камень. Я отбросил его в сторону. – Нет... что...

Впереди лежало тело человека, которого я убил. Я убил человека. Я. Убил. Человека. И не просто убил, а раздробил череп в кашу. И, самое страшное, не мог вспомнить, как это произошло.

«Беги», – прозвучало в голове, но ноги не слушались.

«Куда мне бежать? Как?» – я не мог ни о чём думать, кроме как о том, что убил человека. Своими собственными руками, на которых ещё не остыла его кровь.

«Беги!»

Вдалеке прозвучали ещё выстрелы, которые вернули меня в реальность – да, нужно было бежать... как-нибудь.

Я встал, опираясь на горячий металл и стараясь не смотреть в сторону того, чью жизнь недавно забрал. Всё тело было в маленьких красных каплях. Вдалеке снова послышалась автоматная очередь. Я, пригнувшись, подбежал к забору и залез на плиту, откуда смог допрыгнуть до верхушки, кое-как подтянуться, а затем перелезть. После этого я побежал

через поле, забыв обо всём. Ноги сами несли меня в сторону леса. Я не знал куда бежать, но хотел подальше отсюда, будто это могло спасти меня от всего.

Через минут двадцать я, наконец, выбился из сил и, пошатываясь, сел возле дерева.

«Что же я натворил?» – я спрятал лицо в коленях.

«Ты знаешь, что если бы не сделал этого, то умер сам», – сказал Голос.

– Я мог бы и не убивать его. Я... мог просто оглушить... и сбежать, – я посмотрел на окровавленные руки. Кровь уже засохла и неприятно стягивала кожу. Я панически начал тереть их об землю, но ничего не выходило.

«Но ты смог! Ты выжил!» – ликовал Голос.

– Нет. Я... я убил человека. Я забрал другую жизнь. Чужую жизнь. Зачем?.. – тихо проговорил я. По лицу скатывались слёзы.

«Перестань говорить херню. Ты просто пытался выжить. Тем более, разве он достоин был жизни? Ты ведь и сам понимал, что рано или поздно такой момент настал бы. Ты знал, на что должен пойти. Так нечего сейчас ныть. Ты достоин жизни ровно столько, сколько достоин каждый родившийся. И только потом борьба решает, кто достоин больше, а кто меньше. В этот раз ты оказался сильнее», – Голос начал раздражаться.

– Но... – попытался возразить я.

«Что но?! Хватит! Хватит ныть! Радуйся, что убили не

тебя», – я понимал, что Голос говорит правильные вещи, но я не мог избавиться от этого неприятного чувства. Будто я весь был в грязи, только не снаружи, где это можно отмыть, а изнутри. И от этого тошнило.

«Ты не избранный. Ты просто человек, как и все. И ты живёшь в таком же мире, как и всё».

Через несколько минут я смог успокоиться.

– Что теперь делать?.. – этот вопрос я адресовал себе. На деле у меня не было ни оружия, ни еды, ни направления, а вокруг был целый враждебный мир. У меня даже не было ножа.

Я тяжело вздохнул и посмотрел вверх: там, скрываясь за кронами, было светлое небо, которому ни до кого не было дела. Там был свой мир. Там не убивали за еду. Там уважали чужие жизни. Там усилия имели важность. Там можно было быть добрым...

А внизу... здесь, видимо, был ад. Здесь были и свои черти, и дьявол, в лице всех людей. Здесь нужно было перегрызть глотки за то, чтобы выжить. Здесь нужно было подниматься вверх по трупам других, которые сами не против тебя сожрать. Здесь нужно было быть демоном, иначе не выжить, а рай – видимо, он для избранных.

Нужно было жить дальше. Ад продолжается пока ты дышишь. А я всё ещё дышал.

Жизнь и дальше разыгрывала свою странную партию.

Я сидел ещё минут двадцать, но по мне уже начали пол-

зять муравьи, и пришлось встать, чтобы идти дальше.

На мне были грязные старые джинсы и кроссовки. Майка осталась там. И в таком виде я должен был выжить.

Я нашёл небольшую палку – для начала, хотя бы, пойдёт. Вместе с ней я пошёл сквозь густой лес навстречу неизвестности.

К вечеру лес оборвался, и я вышел к шоссе. Асфальт давно заброшенной дороги слегка потрескался, и теперь кое-где росла трава. Идти вдоль дороги было опасно, и я шёл параллельно, чуть скрываясь в лесу.

Через минут пятнадцать, впереди, увидел щит большого синего указателя. Бегом добежал до него: через двести километров, впереди, был Грим – далеко, да и это центр; лучше туда было не соваться. Внизу, поменьше буквами, была стрелочка вправо с надписью «Большевик 20» – недалеко. Если повезёт, то к ночи можно было успеть дойти. Если мне не изменяет память, то это был маленький агрогородок.

Ноги сильно устали. Идти было тяжело. Но другого выхода не было. Нельзя было ночевать недалеко от города и под открытым небом – это равносильно самоубийству. Ладно, если ты с каким-никаким оружием, но голыми руками восставшему ничего не сделаешь: он просто быстрее и сильнее меня.

«Смирился?» – спросил Голос.

– Какая разница?.. Что сделано, то сделано, – мне самому стало противно от своих слов.

«Не забывай, что ты просто человек».

– Поэтому мне и противно, что я просто человек. Такой же, как и все.

Следующие несколько часов я прошёл в тишине. Из головы никак не выходила картина убитого человека – когда я увидел, что сам натворил...

Я старался перевести мысли в более правильное русло. Нужно было первым делом раздобыть нож, и чистую одежду. Желательно, конечно, ещё бы какую-нибудь речку найти с нормальным берегом, чтобы смыть с себя всё это: кровь, грязь, боль.

Когда подходил к городу, уже стемнело, но спасло то, что сегодня была светлая ночь: видно было практически так же, как и днём. Луна, огромным ярким диском, висела в тёмном чистом небе. Похолодало. Ноги уже еле передвигались. Но вот уже я прошёл поворот, и впереди теперь стоял небольшой монумент улыбающейся девушки. В руках у неё было что-то вроде цветов, а на голове маленький веночек, словно корона. Внизу потускневшая надпись гласила «Добро пожаловать в Большевик – коммуны будущего!».

Через метров десять был перекрёсток, за которым и начинался сам город. Впритык к дороге стояли деревянные заборы, за которыми скромно спрятались одноэтажные домики. На улицах было пусто, только прохладный ветер гулял по дорожным просторам.

Я аккуратно подобрался к невысокому забору, затем пе-

ремахнул через него. Передо мной был маленький заросший дворик. Кажется, что он и до апокалипсиса был не лучше.

Среди высокой травы одиноко покоился синий каркас машины. С лобового стекла тянулись вверх тоненькие стволы будущих деревьев.

Я прокрался к дому, аккуратно ступая на траву. Охотники могли быть где угодно, а в такой траве – особенно. Если бы меня спросили, есть ли у восставших интеллект, я бы сразу, без колебания, ответил, что есть. Это были очень хитрые и умные твари.

Дом выглядел обветшалым и брошенным давно. Своя ок-на ничего не было видно. Я проскользнул к двери – закрыто. Но если сейчас сломать окно, то все восставшие в округе будут знать об этом – так нельзя.

«Что же делать?» – я сел спиной к двери. Вздыхнул, а затем решил всё же обойти весь дом. С другой стороны дома был запасной вход. Он оказался незапертым.

Внутри была кромешная тьма. Деревяшка под ногой скрипнула, разрезая тишину. Казалось, сюда очень давно никто не заходил. Закрался страх. Я определённо не хотел туда идти, но выбора не было. Мне нужно было это сделать. Хотя бы узнать, пуст дом или нет. Я подпёр дверь палкой, чтобы хоть какой-то свет сюда проникал, а затем прошёл вглубь дома. Пол скрипел под ногами. С каждым шагом глаза всё больше различали очертания. Пройдя по небольшому коридорчику, я оказался в маленькой кухне. Здесь в окошко про-

никал лунный свет, и можно было без проблем ориентироваться. У стены была большая белая печка. Нет, их было две. Но одна точно для обогрева, а во второй была огромная дыра в центре. Я пошарил по шкафчикам. Внутри нашёл небольшой столовый нож – лучше, чем ничего – и спички. Видно было, что собирались в спешке, и почти всё просто побросали, как попало. Я прошёл в другую комнату, держа в руках рукоятку ножа. Нельзя было терять бдительности. Аккуратно осмотрел пол под кроватью, затем осмотрел синий шкафчик, который был у входа: вазы, бокалы, стаканы, тарелки, какие-то свёртки и банки – всё это было бережно накрыто покрывалом из пыли. Я не рискнул сейчас что-либо трогать – лучше утром. Сейчас бы всё быстрее осмотреть, переодеться и лечь спать. Как можно тише прошёл в следующую комнату. Здесь пол не скрипел. Из этой комнаты влево уходил проход в сообщающуюся комнату, которая покоилась за шторкой с цветочками. Заглянул под кровать – чисто. Прошёл в следующую комнату. Здесь было темнее, чем в предыдущей: всего одно окно, и то прикрытое тёмной шторой. Я вернулся обратно и достал свечку из шкафчика, зажёл её трясущимися руками. На стене висело покрывало с вышитыми на нём оленями и лесом. В следующей комнате тоже всё было чисто. Я прошёл на кухню, где видел бутылки с водой, разделся по пути догола, а затем постарался смыть с себя всё то, что со мной происходило в последние недели. Затем вернулся обратно во вторую комнату и закрыл дверь, кое-как, задвинув

проход диваном. Сил практически не оставалось.

С надеждой открыл шкаф в комнате. Внутри висели мужские вещи. Это были стариковские вещи. Открыл другой шкаф – женские платья. Вернулся к первому – надел широкие брюки и светлую рубашку, прошитую белой нитью. Мне уже было всё равно, да и выбора не было. Потом лёг на огромную кровать, предварительно скинув пыльное покрывало.

«Бей его! Бей!» – вспомнились мне слова, но было поздно – голову уже окутал сладкий туман, уносящий прочь.

День 351-352

Шёл по тёмной аллее. Было прохладно. В лицо бил слабый холодный поток маленьких капель, подгоняемых ветром.

«Нужно идти домой...»

Вокруг практически не было освещения, а те лампочки, что работали – моргали. Ни одной живой души...

«Такой противный вечер, и зачем я вообще полез на улицу?»

А действительно – зачем? Что мне нужно было? Не помню.

– Костя! – крикнул кто-то вдалеке, а затем звук растворился во влажной дымке. Я обернулся, но вокруг был лишь сумрак, разгоняемый слабым жёлтым светом фонаря.

«Показалось...» – решил я и пошёл дальше, но недолго:

– Костя!

Я развернулся. Крик снова быстро исчез, но он был точно позади меня. Я знал направление. И голос казался мне знакомым.

Бросился бежать, а делать это среди ночи, во время дождя, ещё и когда ни черта не видишь – не лучшая затея. Краем ботинка зацепился за каменную плиту, и со всей силы полетел вниз – рефлекторно выставил руки. С больно проехал по бетону, раздирая ладони в кровь, и ударяясь коленкой.

– Аргх! – вырвалось из груди. – Блядь!

– Костя! – я лежал в небольшой луже: мокрый и в ссадинах. Дождь резко усилился, и теперь в спину мне били маленькие холодные капли. Одежда намочла. – Костя!!

Кричала девушка.

«Разве я знаю девушек?» – голос знакомый... не могу вспомнить.

Я кое-как встал и поковылял на зов. Вдалеке горел маленький огонёк. Оттуда и шёл крик. С каждым шагом в эту сторону дождь становился сильнее, а ветер – злее. Он бил в лицо, пытаясь сдуть с дороги, будто я ему мешал.

Меня это разозлило, и я принципиально захотел попасть туда.

– Костя! Прошу, быстрее! – кричали вдалеке. Огонёк становился всё ближе, а голос – сильнее. Теперь он не тонул сразу же в дожде, а отпечатывался в сознании.

Через несколько минут всё же дошёл до небольшого деревянного подиума. Он освещался единственным фонарём – тем самым огоньком. А наверху стояли две фигуры. Дождь резко исчез, и теперь с меня градом падали капли. Одежда была очень холодной, мокрой и неприятно липла.

– Костя, ты пришёл? – спросила фигура, близкая ко мне. Это и был тот самый женский голос. В слабом свете фонаря я увидел, что у неё светлые волосы.

– Света? – спросил я. Девушка не ответила, потому что в этот момент вторая фигура достала что-то блестящее сзади, и налетела на неё.

Я, как мог, быстро залез на сцену и со всей силы ударил ногой в лицо обидчика. Он был одет в солдатскую форму.

– Сука... – прохрипел он, выплёвывая кровь изо рта. Убийца в секунду встал и прыгнул на меня, повалив на землю. Света подбежала к нему, но тот лишь мощным ударом вырубил её. Он начал душить меня, потеряв где-то нож. В его глазах горело свирепое желание. Стало страшно так, что внутри всё сжалось в одну точку. От его хватки сознание выходило из головы куда-то вверх, оставляя тело.

Я даже сам не понял того, что шарил рукой в стороне. А через секунду уже вонзил ему в живот нож. Он ещё пару секунд сжимал моё горло, но потом хватка постепенно ослабла. Его глаза теперь выражали страх, и он посмотрел на рану, откуда на меня капала тёплая кровь. Я выдернул нож и встал снова. Потом ещё... и ещё... и ещё, и ещё... пока его бездыханное тело не повалилось рядом. Воздух разрезал истошный женский крик.

Весь живот был в его тёплой крови.

– Костя? – прохрипел женский голос совсем рядом.

Света совсем вылетела из головы.

Я обернулся, но теперь вместо солдата лежала она. И на месте живота в её белоснежном платье было огромное тёмно-красное пятно.

– Света?.. – упал я рядом. Земля ушла из-под ног. – Что... что произошло?

Она медленно повернула голову, из её рта протянулись

красные нити.

– Зачем... ты так... со мной? – выдавила она, кашляя кровью.

– Но... – начал я. – Это не я! Это ведь была не ты! Не ты! – я заплакал.

«Что произошло? Что сейчас было? Это же была не она. Это был солдат. Я защищал её от солдата!» – пронеслось в голове.

Света тяжело вздохнула, а затем её взгляд остановился навсегда.

В голове была каша, слёзы градом неслись по лицу. Я не знал, что делать, и только сейчас понял, что до сих пор сжимаю тот злосчастный нож – он, как и мои руки, был весь в крови. В панике я выкинул его в сторону, в темноту.

– ААА!!! – я закричал, закрывая лицо руками. – НЕТ!!

Кто-то сзади тронул меня за плечо, от чего одёрнулся. Я непроизвольно отпрыгнул в сторону, пытаясь увидеть, кто это был. На меня смотрела маленькая девочка.

– Уйди! – закричал я. Она непонимающе уставилась на меня. – УЙДИ!!

Девочка подошла ко мне и улыбнулась.

– Уйди! Уйди! Уйди!! – кричал я. Вместо этого она с улыбкой на губах обняла меня. Я не мог сопротивляться. Вдруг стало очень тепло. Я заплакал: – Я убийца... убийца...

– Почему? – спросил её нежный голосок.

– Я убил человека... сам... руками... – я рыдал, уткнув-

шись в её маленькое платьице.

– Нет. Никого ты не убивал, – мягко сказала она. Я поднял голову, а затем посмотрел туда, где лежала Света – никого. И крови больше нигде не было.

– Что... – тихо произнёс я, но девочка потянула меня за руку.

– Пойдём! – сказала она. Я, пошатываясь, встал.

– А... куда? – в голове окончательно всё спуталось.

– Какие же вы, взрослые, глупые, – улыбнулась она, – вперёд, конечно же.

* * *

Я тяжело открыл глаза. Снова мне приснилась Света. Тяжёлый вздох вырвался из груди.

«А что там было потом?... Не помню...»

Часы показывали «05:23». Даже утро ещё не наступило...

В окно слабо барабанил дождь. Я прикрыл рукой голову в надежде ещё поспать, но сон не шёл. В голове вертелись разные обрывки образов.

Сегодня придётся пойти в город. Из еды ничего не осталось. Да и хватит здесь прохладиться: уже неделю здесь сижу – хватит бояться. Да, безопасно, но нужно идти дальше...

Под утро снова уснул. Когда проснулся, уже было светло – «9:11».

Я нехотя встал из кровати и посмотрел в окно: огромное

поле. С редких деревьев уже опали листья – приближалась зима.

Возле окна была небольшая лужица – протекала крыша. По углам путина, много пыли...

Я подхватил рюкзак, прошёл в небольшой зал, и сложил внутрь всё со стола: пистолет, потрёпанную карту, фляжку, фонарик. Куртку решил тоже сложить и положить туда. Затем перекинул через плечо катану, засунул нож в чехол на ремне и вышел на улицу. Не было смысла закрывать дверь, да и не получилось бы – замок был сломан, ещё задолго до меня.

Недели две назад набрёл на временную базу возле города. Несколько восставших, куча трупов – в живых никого. У одного из мёртвых солдат забрал пистолет, а в его рюкзаке была карта. На ней вручную были поставлены отметки «ВБ» (по тому, что «ВБ» была на этой базе, понял, что это значило «временная база»). Оказалось, их так не так много: где-то около полусотни. Были ещё отметки «НЛ» и «ОБ» – так и не понял, что это значит.

Солнца не было – уже несколько дней сплошные тучи, ночной дождь, и утренние лужи. Очень вовремя нашёл хорошие ботинки, где-то месяц назад – можно было и по лужам походить. Изредка так и делал, чтобы развеять скуку.

Вышел со двора и пошёл вдоль дороги. Справа было то самое огромное поле, где высокая трава уже начинала желтеть и клониться к земле. А слева были дома-призраки, которые

уже давно потеряли своих хозяев, и теперь лишь медленно превращаются в руины: время всё предаст забвению – даже то, что строилось на века. Конечно, некоторые дома до сих пор ещё выглядели более-менее, но вряд ли они переживут пару зим...

Через минут десять свернул вправо, а ещё через пятнадцать – уже шёл вдоль шоссе. В лицо дул прохладный ветер. Идти с катаной, конечно, было не совсем удобно, но я упорно тренировался чтобы привыкнуть, когда её нашёл – с детства нравились такие мечи. Если я не могу брать что захочу в мире без хозяев – смысл тогда в нём жить?

Я ещё раз поправил её и пошёл дальше.

Шёл очень долго, но уже почти не чувствовал усталости: иногда приходилось проходить за день десятки километров – бывало, как сейчас, сидел дома неделями. Иногда так не хочется что-то делать, бороться... и в последние дни был дождь – не лучшая погода для переходов. Простыть сейчас – непозволительная роскошь.

Вокруг было очень тихо. Будто мир затих, и лишь мои ботинки шоркали об маленькие камешки.

«Что ты там хочешь найти? Зачем мы вообще идём туда?» – спросил Голос. В последнее время мы часто с ним разговариваем.

– Еды, убежища... не знаю, – ответил я.

«Думаешь, там ещё хоть что-нибудь осталось?»

– Людей не так много выжило, чтобы разграбить всё. Мы

ведь уже встречали магазины, в которых никто ничего не тронул.

«Я, конечно, всё понимаю, но почему бы нам не остаться в одном месте и жить там? Если найти какой-нибудь супермаркет, то можно там и полгода одному прожить.»

– Ага, и отвести комнату для туалета, в которую надо заходить, прекращая дышать? Нет... я сойду сума, если буду в одном месте жить. Да и ты сам видел карту: нужно проверить все временные базы возле Номира – там могут быть следы семьи.

«И что?»

– Как это «и что»? – возмутился я. – Ай, ты ничего не понимаешь... Тебе никогда нет дела до других, и до меня. Всё, не мешай.

«Как скажешь.»

Дальше шёл в полной тишине. Через несколько часов показался первый указатель: влево шла дорога к очередной деревне, прямо – к Гриму и Кантеру, а вправо и немного вверх – в Сарум. Туда-то мне и нужно было. Под стрелочкой была цифра «27» – многовато. На часах было «12:22». Что ж, время до темноты ещё есть, но надо было торопиться... а делать это на голодный желудок не так просто.

Подул ветер – стало холодно. Я снял рюкзак и достал куртку, одел. Хорошая, плотная – джинсовая.

Ещё несколько часов провёл в полнейшей тишине. Ноги потихоньку наливались свинцом – нужно было отдохнуть и

поесть, но нечего.

Я вздохнул и сел на землю у дороги.

Посмотрел вниз, в канаву: там, под высокой травой, скрывалась вода, и кто знает, сколько её там, насколько глубоко... и, самое главное – что там прячется.

За канавой дорогу ограждала небольшая линия деревьев, но она была настолько маленькая, что за ней спокойно виднелись давно заброшенные и заросшие поля. Природа всё-таки брала своё и превращала культурные поля в дикие.

Спустя минут двадцать я встал и продолжил идти. Есть и плюсы в том, что не было припасов: лёгкий рюкзак не мешает идти.

«А что, если ты никого не найдёшь?» – спросил Голос.

– Стоит хотя бы попытаться... другой цели всё равно нет. Возможно, это последнее, что я хотел бы сделать.

«Перед чем?»

– Перед смертью. В мире и раньше-то было непросто выжить, а сейчас... сейчас даже нельзя остаться человеком, чтобы выжить. Миллионы лет эволюции на хер пошли! Древние философы, писатели, культура, ценности – всё это забыто! И за сколько? Сука, за какой-то жалкий год! Может, люди никогда и не были разумными? Ведь были же постоянно войны, какие-то попытки нажиться друг на друге, обманы, измены, интриги – разве разумный вид так будет поступать? Наверное, люди всегда были животными, и лишь несколькими удавалось превозмочь своё начало, чтобы стать Человеком

– они и двигали историю. А теперь их нет... Да, наверное, так и было. И вот посмотри, к чему всё это привело? Это не природный вирус – я уверен. Получается, сами себя убили. Всё к тому и шло, ещё с холодной войны – так что ничего удивительного...

«Загнул ты, однако. Но... согласен. Люди – это просто бич на планете. Я рад, что ты смог с этим смириться. Теперь ты повзрослел».

– «Повзрослел»? Научиться задавать вопросы, но не находить ответы – это «повзрослел»? Взрослые люди находят ответы, а не задают вопросы. Да и, если «взрослеть» – это понять, что люди говно, то это вообще дебилизм, – я замолчал на секунду, а потом тихо добавил: – Почему всё так получилось...

«Не говори так, будто раньше было лучше»

– В том мире я верил в людей.

«А в этом?»

– В этом мире нет места Человеку... наверное... не знаю.

После этого мы снова замолчали, и я шёл под шум листвы, разгоняемой ветром.

Вдоль дороги периодически появлялись разные, брошенные ещё до человеческого апокалипсиса, домики. У некоторых просто были заколочены окна, у каких-то крыши не хватало, а были и дома, где осталась одна стена – угнетающе. Там ведь когда-то жили люди. Возможно и дети были... а теперь эти жилища, на которые было положено много сил,

просто ждут своей очереди, чтобы кануть в лету.

Все мы приходим сюда из ниоткуда, что-то создаём, и возвращаемся в никуда. А потом время забирает и то, что осталось после нас, не оставляя ничего. Что-то, конечно, проживёт сотни лет, некоторые вещи просуществуют тысячелетия, но всё, в итоге, вернётся туда, откуда пришло – в небытие.

Я шёл мимо этого всего и думал о том, что мы сделали со своим миром – да, именно со своим, потому что весь остальной мир лишь вздохнул свободнее без человека. Несколько раз видел в деревнях диких животных: бобра, рысь. Посреди города встречал волка. Без человека всему остальному миру стало лишь легче. Единственное наследие, которое мы оставили после себя – это кучи мусора в лесах и огромные пустующие бетонные муравейники. Но и они постепенно находят новых хозяев... или ещё ждут, пока окончательно умрут старые.

Через несколько часов, чуть вниз по дороге, за поворотом, показалось первое здание – небольшая подстанция. Щит слева говорил о том, что до Сарума оставался километр. На часах было «15:56». Небо начинало потихоньку темнеть – времени оставалось совсем мало. Лучше будет найти какой-нибудь многоквартирный дом до ночи, и попытаться там переночевать.

Я прибавил шагу, насколько мог, потому что от голода скрутило живот.

«Ещё немного... совсем немного...»

Через несколько минут, вдалеке, показались кучи маленьких построек – гаражи. К ним в сторону шла дорожка. Это точно было не то, что мне нужно, но я решил посмотреть, что же там. Ещё через минут восемь я уже шёл среди них: облупившаяся, потускневшая краска, кое-где двери разъедены ржавчиной, ковёр сухой травы под ногами – вот и всё, что осталось. За ними виднелось небольшое поле, которое упиралось в линию деревьев. К кооперативу подходила асфальтная змейка, которая шла от шоссе и вела к городу.

Через ещё минут двадцать я уже был среди бетонных заборов заводов, за которыми стояли тёмные коробки и огромные высокие трубы. Вспомнил, что на уроке географии говорили о том, что это один из небольших промышленных городов.

Я шёл где-то полчаса до первого дома – серая длинная высотка стеной стояла вдоль дороги. За ней были такие же бесцветные многоквартирные уроды.

Начинало темнеть.

Я прошёл за дом и оказался в небольшом дворике. Посередине стоял небольшой синий закрытый ларёк. Окна были прочно скрыты за железным роллетом. Подошёл поближе и увидел вдалеке, чуть в стороне от дальнего дома, три фигуры – восставшие. Двое были пригнуты к земле, а третий, в центре, стоял, высоко задрал голову.

– Два бегуна и крикун, – тихо проговорил я. Шуметь нельзя. От бегунов не сбежишь... да и крикун может запросто

созвать всех остальных, кто рядом притаился. – Что же делать...

Я развернулся, чтобы уйти, но в проходе, через который я пришёл, уже было двое восставших. Они шли, пошатываясь, в мою сторону.

– Блять... – нервно сказал я и зашёл за ларёк, чтобы уйти из вида. Нужно было куда-то сбежать. Сейчас драться с ними – самоубийство. Посмотрел по сторонам: в доме возле меня стоял домофон – отлично. Значит, двери были открыты.

Я пригнулся к земле и таким образом перебежал к ближайшему подъезду. Восставшие, мыча, шли в мою сторону. Я вбежал на лестницу подъезда и дёрнул за ручку – металлическая дверь чуть не влетела в стену, но я вовремя её придержал и аккуратно закрыл за собой. Затем быстро достал из рюкзака фонарик, включил его, и пошёл вверх по лестнице. Было очень тихо. Буквально мертвецки тихо. На полу, у лифта, валялись кучи разных пожелтевших листиков. Все квартиры на первом этаже были с тамбуром, поэтому выломать их – нереально. Пошёл выше. На втором этаже – то же, и на третьем... Внезапно прозвучал стук вниз, потом ещё один, и мычание. Восставшие попали внутрь. Я решил не обращать внимания и подниматься дальше. Лучше было подняться как можно выше, поэтому сразу пробежал несколько пролётов и остановился на седьмом этаже. Здесь, с одной стороны, было две деревянных двери, на одной из которых мелом была начерчена цифра «25», а другая была такая хлипкая, будто

временная, но открывалась наружу. Справа было две металлических. Лучше будет заняться деревянными. Шум внизу к этому времени уже успокоился – видимо, восставшие потеряли мой след. Теперь снова была тишина, которую разгоняли лишь редкие завывания ветра в подъезд через разбитое окно, и шум моих шагов.

Первая дверь оказалась прочнее, чем мне показалось изначально и выдержала удар. Ударил плечом ещё раз – ничего. Затем немного отошёл, и с разгона внёсся в неё – та с треском отлетела в сторону. Хорошо, что она открывается внутрь: можно чем-нибудь заставить и укрепить. Я аккуратно зашёл внутрь очень пыльной, но убранной, прихожей. Возле двери стоял небольшой деревянный комод. Очертания квартиры оказались знакомы: почти такая же планировка была у Миши.

– Интересно, как он там? – тихо сказал я, проходя в тёмную квартиру.

«Какая тебе вообще разница?»

– Не знаю... интересно.

«Надеешься, что он сдох?»

– Нет, я... не знаю. Просто интересно.

«Этот пидор сдал тебя и потом бровью не повёл, когда смотрел как тебя забирали в тюрьму. Разве ты не хочешь ему отомстить, а?»

– Я не знаю, он ли там был, – проговорил я с неожиданной злостью. Голос уже начинал меня бесить.

«Временами мне кажется, что ты всё ещё наивный ребёнок»

– По-твоему, перестать ненавидеть – это плохо? Может, ещё и друзей иметь не нужно?

«Не для нас. Ты забыл, что нам нельзя иметь друзей? Твоё проклятье не даст никому и месяц рядом прожить»

– Я, – голос надломился, – я... помню. Но ведь это всё равно неправильно.

«Может ты бы ещё и позволил себя убить тогда, чтобы всё стало правильным? Чтобы больше никто не умирал?» – этот намёк в его словах стал последней каплей.

– Я помню! Понял, да?! Это тут не при чём, но... я помню, что сделал! И знаю, что это значит. Поэтому... заткнись и... – я сделал глубокий вдох, чтобы продолжить спокойнее, – закончим разговор.

«Трус», – сказал Голос.

– Урод, – прошипел я. На том и закончили.

Я тихо прошёл мимо шкафа прямо по коридору, минуя закрытую комнату, и прошёл налево – в кухню. Сверху на потолке растянулись тёмные разводы, немного отслоились обои, а на полу, у стены, была небольшая лужица. Я принялся осматривать ящики...

Годовалая открытая пачка макарон с плесенью, упаковка муки, в которую даже заглядывать было страшно, тарелки и кастрюли с кучей пыли... Из холодильника сразу в нос ударил сильный запах тухлятины. Внутри были целые плес-

невые плантации, которые захватили почти все полки. Вырвал несколько кусков и кинул рядом, в надежде найти хоть что-нибудь. Под плесенью заметил, что на нижней полке, за мутными банками, находятся две маленькие банки консервов. Они оказались рыбными. Я быстро кинул их на стол, затем достал консервный ножик и вскрыл одну... вкуснее ничего ничего не ел. Вторую, сдержавшись, оставил на потом, и закинул её внутрь рюкзака – очень хотелось сразу оприходовать, но неизвестно, когда получится снова поесть. Ещё некоторое время сидел, наслаждаясь моментом. Как стало мало требований для жизни: просто поесть... Живот слегка потяжелел, а тело полегчало.

Затем встал и пошёл исследовать следующую комнату. За окном уже стемнело, и внутри стало ещё хуже видно. Я нашарил в рюкзаке фонарик и включил его. Только сейчас понял, что входная дверь всё так же открыта – быстрым шагом подошёл к ней и придвинул маленький деревянный шкафчик для обуви. Не знал, имеет ли это смысл, но точно не помешает.

После этого прошёл в прилегающую комнату: сразу же поднялся голубиный рой – они покружили несколько секунд, явно не ожидая человека, а затем вылетели через разбитые окна. Здесь было ощутимо холоднее. Вся комната была безнадёжно загажена. Кажется, что весь пол покрылся толстым белым слоем помёта.

«Нет, здесь я уж точно ничего не найду»

Я разочарованно закрыл двери и вернулся на кухню.

«Вроде бы там был выход на балкон...» – да, он там был.

Вышел и осторожно примкнул к окнам, будто меня могли заметить: улицу накрыло чёрное покрывало, сквозь которое вырывались стволы деревьев и высились другие дома. В доме напротив был... свет?... Присмотрелся – да, в окне действительно что-то было. Я открыл окно – внутрь влетел свежий прохладный воздух – скинул с плеч рюкзак, достал куртку и надел её. Холодный материал примкнул новым слоем к водолазке. Я встал и начал напряжённо вслушиваться – ничего, кроме шелеста листьев, не слышал.

А затем громкий крик прорезал пространство. Кто-то кричал из того дома, но отсюда слов было не разобрать... Показалось, что это ребёнок. Я опешил:

– Выживший... здесь? Ребёнок?.. – я отошёл от балкона.

«Сиди здесь. Это тебя не касается», – советовал Голос, но я не мог просто стоять и слушать истошные крики. Что-то потянуло меня прочь из квартиры. Я определённо не единственный, кто услышал, и теперь нужно было оказаться первым.

Я отодвинул шкафчик и пулей полетел вниз по лестнице. На пятом этаже немного оступился, и нога скользнула вниз, но в последний момент я рефлекторно схватился за перила – было близко. Я решил немного сбавить темп, чтобы добежать вниз, хотя бы, живым.

Через несколько секунд был уже на первом этаже. Быст-

ро перебежал улицу, не обращая внимания на окружающую угрозу. В лицо бил сильный ветер. Гром неожиданно стукнул совсем рядом, сопровождаясь яркой вспышкой, а затем резко полил дождь. Я чувствовал себя слепым маленьким котёнком: брошенный, среди холодного и опасного мира. А ещё хуже было осознавать, что рядом мог быть настоящий ребёнок.

«Надеюсь, что ошибаюсь... пожалуйста, боже, пусть бы я ошибался...»

Я остановился, пытаюсь понять, куда именно мне нужно – не понимал, где находилась та квартира, из-за дождя не было ничего видно. Большие капли неприятно ударялись в тело, одежда тяжелела и липла к телу.

«Вот понесло тебя в дождь на улицу, да? Ночью? Жить надоело?» – Голос был недоволен. Я не отвечал, и лишь отходил, пытаюсь увидеть какой-нибудь знак, но ничего не было... а время шло.

Среди шума дождя слышалось мычание, но непонятно откуда. У меня был выбор: влево или вправо – выбрал левый подъезд, и в секунду пролетел по лестнице вверх, к квартирам, открыл домофонную дверь. Где-то слышались крики и непонятный шум. Не понял на каком именно это было этаже, но точно наверху: может, шестой или седьмой.

Быстро выхватил из рюкзака фонарик и побежал наверх, ускоряя себя с помощью перил. Иногда ботинки проскальзывали, но я удерживался и бежал дальше. На пятом этаже

немного замедлился, но поднимался наверх. Сбитое дыхание сильно мешало. Казалось, что вместо лёгких внутри малюсенький мешок почти без воздуха.

На шестом этаже снова послышался детский крик. Он был немного выше, где-то на восьмом – я резко выдохнул и побежал наверх. Я должен был успеть. Звуки были всё ближе.

На восьмом этаже левая дверь была открыта настежь – оттуда на пол падал еле видный мягкий жёлтый свет.

–...очка, пожалуйста, – маленькая девочка плакала совсем рядом, и ещё был слышен стук. – Нет!!

Я выхватил нож и быстро вошёл в квартиру. Если кто-то угрожает этим людям – я должен разобраться. Шаг, ещё один... в груди бешено стучало сердце, а совсем рядом плакала маленькая девочка. В коридоре увидел восставшего, который ломится в комнату в дальнем конце.

– Мамочка!.. Мама!.. Где ты?! – хныкала девочка. Она истошно кричала, даже визжала. – Пожалуйста, не надо!

Я быстро подбежал и вонзил лезвие по самую рукоять в голову мёртвой женщине, затем аккуратно опустил её рядом. Она была «свежей» – даже гнить не начала.

– Мама... – прямо за дверью плакала девочка. Оттуда же, из-под двери, шёл свет. Я дернул за ручку – закрыто. Вместе с этим раздался испуганный крик:

– Нет! Уходи!! Мама!!

Я не знал, что делать. Нужно было её спасти, унести отсюда, пока другие восставшие не пришли, но как? Кажется,

это женщина и была её мама.

«Получается, я убил её мать... И она напугана... что же делать?»

– Девочка? – сказал я, постучав слегка в дверь. Голос дрожал. – Не бойся. Я... не причиню тебе вреда...

– Нет!! Мама! – она будто не слышала меня.

– Не кричи, пожалуйста. Я тебя не обижу. Монстра больше нет.

– Нет! Я никому не открою! Мама мне сказала никого не впускать! Ты всё врешь!

Я выдохнул – как же до неё достучаться?

«Выбей эту чёртову дверь и всё. Нашёл тут проблему»

– Нельзя, – совсем тихо ответил я. – Она и так напугана, а представь, что будет, если я дверь выбью...

Надо было как-то войти в её доверие. В голову пришла странная идея, но с ребёнком могла сработать.

– Послушай, а как твоя мама выглядит? – я посмотрел на восставшую, которая лежала рядом. – Тёмные длинные волосы и зелёная куртка?

– Да, – неожиданно тихо ответила девочка.

– Так чего мы ждём! – ответил я. – Она же и попросила меня привести тебя к ней! Она уже в безопасном месте, а меня отправила за тобой. Как тебя зовут?

– Крис... – недоверчиво начала говорить девочка, но я её оборвал.

– Кристина, да? Точно... ты! Послушай, Кристина, меня

зовут Костя. Открой дверь, я обещаю, что не обижу. Нам надо уходить, а то сейчас придут другие монстры. Они уже идут, и нам тоже надо уходить... к твоей маме, – быстро проговорил я, а затем снова увидел восставшую под ногами – надо было её убрать.

– К маме? – повторила девочка. В это время я достал обратно нож, вытер его об тело, а затем схватил за ноги труп, оттащил на кухню и закрыл дверь. На полу остался тёмный кровавый след.

– Да, к твоей маме, – ответил я, вытирая руки об штаны. Дверь щёлкнула и из-за двери медленно выглянула маленькая девочка лет восьми, в маленькой чёрной курточке. Она была словно большая игрушка. Было странно ощущение – увидеть ребёнка... здесь.

Я быстро прошёл в комнату и закрыл за собой дверь. Кристина уже сидела на кровати, смотря куда-то в пол.

– Мама ведь умерла, да? – сходу задала она мне вопрос тихим тоненьким голосом и посмотрела на меня. В её заплаканных глазах была глубокая грусть, которая ошарашила меня. Я не знал, что ответить. Возникла пауза.

– Д-да, – я отвернул голову. Не в моих силах было выдержать этот взгляд.

– Это ведь ты... да? Её...

Ноги подкосились, и я упал на пол, упёршись спиной в дверь.

– Да.

– Понятно... – тихо сказала она, вытирая слёзы, будто просто убедилась в своей же мысли. После этого мы снова несколько секунд молчали.

«Чего ты расселся?! Вам валить надо отсюда!» – Голос дело говорил. От моего сожаления восставшие не исчезнут.

– Кристина, послушай, мне очень жаль тебя... и твою маму, но... но так было нужно, – начал я. – А сейчас нам... нам надо уходить отсюда. Скоро здесь будут другие монстры. Я не врал тебе насчёт этого. Думаю, твоя мама хотела бы, чтобы ты оставалась жить.

– Хорошо, – девочка слегка кивнула. В свете большого фонаря, который лежал в углу на полу, были видны две мокрые линии на её маленьких щеках.

Я кое-как встал.

– Тогда пойдём. Тебе ничего не нужно? Мы сюда больше не вернёмся... – сказал я.

– Нет... – рассеянно ответила она своим тихим тоненьким голоском и посмотрела на небольшой рюкзак за спиной: – У меня всё с собой. Мама всегда говорила, чтобы мы были готовы убежать.

– Возьми свой фонарик... и пойдём, – я схватился за ручку. Кристина медленно подошла к тумбочке в углу комнаты, подняла фонарик. Я открыл дверь, и мы вышли в коридор.

Девочка посмотрела на тёмно-красную линию, которая протянулась от двери на кухню.

– Пока мама... – тихо проговорила Кристина и протянула

мне свою маленькую ручку. Я вопросительно уставился на неё, не сразу понимая, а потом взял её другой рукой, и мы пошли вперёд.

Мы вышли из квартиры. Жёлтый кружок света выхватывал достаточно пространства из темноты. Мы аккуратно пошли вниз по лестнице. Где-то на первом или втором этаже слышалось мычание.

– Не волнуйся. Твоя мама долго не мучилась. Я... помог ей, – тихо проговорил я. Идти сейчас на улицу было бы самоубийством – тем более, вместе с ребёнком. Где-то на четвёртом или пятом этаже видел открытую дверь – можно было бы спрятаться там.

Мы молча спускались всё ниже. Кристина сильно сжимала мою руку и старалась не отставать ни на шаг. На пятом этаже действительно одна дверь была приоткрыта. Восставшие были всего в двух этажах от нас. Я старался идти как можно тише. Мы аккуратно вошли в квартиру, и я закрыл дверь на замок. Кристина стояла рядом. Ещё рано было расслабляться – ещё неизвестно, что нас ждало впереди.

– Постой здесь, – тихо сказал я. Кристина нехотя отпустила мою руку и спряталась за шкафчиком, который стоял у стены.

Я достал нож, включил свой фонарик и прошёл вперёд. Маленькая прихожая через два метра упиралась в дверь, а в боковых стенах было по проёму. Я заглянул в левую комнату – огромный зал: диван, два кресла, тумбочка, разворо-

ченные шкафы, какие-то тряпки и бумажки на полу – ничего опасного. Было очень тихо – дождь кончился. Развернулся и прошёл в другой проход. Аккуратно открыл дверь и просветил фонариком: стол, плита, раскрытые тумбочки, открытый холодильник, дверь на балкон – тоже ничего. Затем подошёл к последней двери и резко открыл – это оказался туалет, чисто.

– Всё нормально, – сказал я. Кристина включила свой фонарь и прошла в комнату. Я прошёл следом. Казалось, что нужно было что-то сказать, чтобы нарушить это молчание и отвлечь её от последних событий: – Может... ты хочешь есть? Или, ну, не знаю... Подожди секунду, я что-нибудь поищу.

Только после того, как проговорил, понял насколько это нелепо звучало. Она только что потеряла самого важного в жизни человека, а я тут со своей едой... Но что ещё я мог ей сказать?

Было мало шансов на то, чтобы что-то найти в открытой квартире, но я прошёл на кухню и принялся осматривать нижние тумбочки: пусто... пусто... просыпавшаяся пачка соли – вряд ли здесь будет хоть что-нибудь. В верхних отсеках тоже ничего не было, кроме посуды и какого-то заплесневелого чая. Часы показывали «20:31». Слишком поздно, чтобы куда-то уйти, и слишком рано, чтобы уснуть.

Я вернулся в комнату.

– Здесь пусто... – удручённо сказал я, заходя внутрь.

– Ничего. Я всё равно ничего не хотела... – ответила Карина. Она сидела на краю дивана и смотрела в ночное небо. Я сбросил рюкзак, положил катану и устало сел в кресло рядом.

Возникла пауза.

– Спасибо, – тихо сказала Кристина.

– Мне? – она кивнула. – За что?

– За то, что помогли маме... и мне. Мама... она говорила, что станет монстром. Она просила меня уйти, как можно дальше, но я не смогла её бросить, а потом... потом мне стало страшно... и пришёл ты, – Кристина говорила тихо и спокойно. Эта девочка была намного сильнее, чем казалось.

– А у тебя есть какие-нибудь родные? Может, братья, сёстры, дяди?

– Нет... – девочка ответила, даже не смотря в мою сторону.

– Понятно... и, это, можешь говорить на «ты». Я не обижусь.

– Хорошо.

«После смерти мамы она ещё так держится, а я бы... не знаю»

«Ты ведь и так знаешь, что она мертва – не нужно сопливых надежд»

– Я точно не знаю этого, – на автомате ответил я.

– Чего не знаешь? – спросила Кристина. Точно, я ведь уже не один.

– Не обращай внимание. Это... это просто мысли вслух.

А ты молодец – хорошо держишься, – сказал я.

– Ладно, – ответила она как-то очень сухо. После этих слов снова возникла пауза.

Я некоторое время посидел и понял, что меня клонит в сон. Я встал и подошёл к комоду у стены.

– Ты чего? – спросила Кристина.

– Думаю, что пора спать. Надо бы найти какие-нибудь одеяла... или что-нибудь вроде того. Иди посиди немного, я сейчас, – Кристина кивнула и пошла обратно. Ходила она совершенно беззвучно.

Я нашёл несколько одеял, плед и ещё простыню – этого хватит. При моём подходе Кристина встала и отошла в сторону. Я постелил простынь, затем положил несколько одеял сверху.

– Можешь ложиться.

– А... ты?

– Я... я в кресле буду, не волнуйся, – ответил я, выходя из комнаты.

Кристина сняла рюкзак и сбросила куртку. Она легла прямо в одежде.

– Спокойной ночи, – сказала она и отвернулась к стене, накрывшись одеялами.

– Спокойной ночи, – ответил я из коридора. Здесь подпер дверь шкафов, проверил закрыты ли окна – луны не было видно, и вообще за окном была сплошная тьма. Затем вер-

нулся в комнату, сел в кресло и накрылся пледом.

«Теперь ты обрёк ещё одного человека на смерть», – сказал Голос.

Что теперь будет, ведь теперь на мне ответственность за неё? Я должен защитить её. Должен спасти хоть кого-то – может, так сниму проклятье? Возможно, не всё ещё потеряно, и есть надежда – она ведь есть, да?

Незаметно сознание покинуло меня, и я оказался во власти приятной тьмы, от которой уходит усталость и появляются силы идти дальше.

* * *

Я периодически просыпался, примерно каждые полчаса. Один раз получилось так, что услышал как Кристина тихо плакала и звала маму. Я делал вид, что сплю, и при этом слушал детские всхлипы: что я мог ей сказать, ведь именно от моих рук умерла её мать? Поэтому молча слушал, а затем снова провалился в сон. Затем просыпался, и снова... и снова, пока очертания комнаты не начали вырисовываться среди ночной темноты – наступало утро.

Я «проспал» где-то до восьми утра, а потом просто уже не мог уснуть. Тело за ночь адски затекло – я не чувствовал правую руку и в правой ноге покалывало. Я встал и немного размялся, подходя к грязному окну: показалось редкое солнце. Отсюда были видны частные дома через дорогу, а где-то

вдалеке – огромные бетонные коробки.

«Надеюсь, это что-то вроде торгового центра – там уж точно должно быть хоть что-то из еды»

Краем глаза заметил, что Кристина тоже не спит:

– Утречка, – сказал я.

– Да... – ответила она едва слышно и полузакрытыми глазами уставилась на меня. – Уже утро?

– Как видишь, – я отошёл в сторону. Вспомнил, что рюкзаке до сих пор лежала баночка рыбных консервов, и подошёл к рюкзаку. Я выловил её: на синей выцветшей этикетке надпись «САРДИНА» была еле видна. – Как к рыбе относишься?

– Я не хочу есть.

– Я не спросил хочешь ли ты есть. Я спросил: как ты относишься к рыбе, – повторил я как можно мягче.

– Ну... нормально, – ответила она.

– Хорошо, – я улыбнулся. – Ты пока одевайся, а я на кухню отойду.

После этого, захватив небольшую баночку консервов, вышел из комнаты. В утреннем свете квартира представляла под ещё более удручающим углом: разграбленная, грязная, с отсыревшими отклеенными обоями и паутиной в углах.

«Ну и зачем тебе это? Думаешь, одна спасённая душа освободит тебя?»

– Ей нужна была помощь – я был рядом и помог. А что бы ты сделал? Бросил маленькую девочку посреди этого ада?

Чтобы она тоже умерла? Ты это предлагаешь?! – я не выдержал.

«Будто с тобой она в безопасности»

– Уж в большей, чем если бы была одна.

«Не факт»

– Факт, – твёрдо ответил я, заканчивая спор.

Дверь в кухню, скрипнув, приоткрылась.

– С кем ты разговаривал? – в Кристининых глазах был лёгкий испуг.

– Я?.. Ни с кем. Просто... думал вслух. Дурацкая привычка, – я улыбнулся, чтобы она мне поверила. Нужно было прекращать так делать.

– Понимаю, – улыбнулась Кристина в ответ.

Я попытался увести разговор в другое русло:

– Слушай, что-то я не нашёл ничего толкового – не против прямо с банки поесть?

– Нисколько, – ответила она, всё так же слегка улыбаясь. У неё было слегка обтянутое лицо, тёмные грязные волосы до плеч и большие зелёные глаза.

Быстрым движением открыл банку и достал вилку из шкафчика:

– Держи, – я поставил всё это на стол напротив. – Приятного аппетита.

Кристина постояла секунду, будто не решаясь, а потом села.

– А ты? – спросила она, поедая последнее, что можно

съесть в этом доме. Она так набросилась на эту маленькую баночку, будто не ела целую вечность.

– Я? Я не хочу... Ты ешь. Оставь потом всё тут и проходи в комнату – буду ждать тебя там, – я вышел из комнаты. Живот с силой проорчал, дрожали руки – я не мог наблюдать за тем, как она ест.

«Решил поиграть в героя? Глупо. Посмотрим потом как ты сможешь её защитить без сил»

– Ты посмотри на неё – она же совсем худая. А я... я потерплю. Сегодня мы найдём ещё что-нибудь, и всё станет хорошо.

«Иногда ты такой наивный...»

Я прошёл в комнату, достал флягу и отпил оттуда немного – стало полегче. Через несколько минут пришла Кристина.

– Спасибо, – сказала она своим тоненьким голосом.

– Пить хочешь? – Кристина кивнула, и я протянул ей флягу – она жадно присосалась к ней на несколько секунд. – Идём.

– Спасибо, – сказала Кристина, выдохнув и протянула мне флягу.

Я забросил её обратно, накинул рюкзак, взял катану.

– А это? – Кристина показала на кровать, где до сих пор лежали одеяла.

– Оставь. Смысла убирать нет. Мы всё равно сюда больше не вернёмся.

– Хорошо, – согласилась Кристина, надела куртку и на-

бросила свой маленький рюкзачок.

Мы вышли в подъезд, я прислушался – чисто. Можно было спускаться. Восставшие ушли.

В дырах на асфальте расположились лужи, где колыхалась под потугами ветра вода. Деревья неспешно сбрасывали листву, которая застлала все дороги: жёлтая, красная, коричневая, чёрная... Насчёт людей природа точно не волнуется. Ей вообще никакого дела до нас нет: как была зима, лето, осень, весна – так они и остались. Вот тебе снег и мороз, который добивает последних выживших; оживание всего мира от нескольких месяцев холода, дарящее ложную надежду; знойная жаркая пора, которая ускоряет порчу уцелевших продуктов; дожди, с уходом всего мира в спячку, которые доводят отчаявшиеся души до последнего шага.

– А у тебя? – спросила Кристина, когда мы шли по улице.

– Что?.. – я вернулся в реальный мир.

– У тебя остался кто-нибудь? – Кристина даже не смотрела в мою сторону. Она просто старалась идти рядом со мной в шаг, держа руки на лямках рюкзака.

– Не знаю. Были... но сейчас не знаю, – ответил я.

– Как это?

– Я их потерял.

– Когда?

– Ещё в самом начале... всего этого. Где-то год назад, получается.

Мы шли по давно опустевшей дороге. То тут то там стоя-

ли испорченные брошенные машины, из которых давно уже достали всё, что только можно было. Справа стеной стоял длинный зелёный деревянный забор, а слева, чуть дальше, были дворы-кварталы, входить в которые не было никакого желания.

– И с тех пор ты один? – девочка удивилась.

– Нет, – уклончиво ответил я. – По-всякому.

– А что с тобой было?

– Ну... много чего, – ответил я.

– Понятно, – Кристина видимо поняла, что я не особо настроен на разговор.

Мы шли молча. Через несколько минут мы проходили пустующий рынок, где каркасы торговых точек стояли уродливыми памятниками былому миру. Вот там, наверное, продавали помидоры, а рядом носки и трусы, а ещё через одно место кто-то торговал палёными китайскими джинсами... И всегда там была жизнь, вечно кто-то ходил, покупал, говорил, смеялся, ругался, а сейчас из посетителей там лишь полумёртвые люди и тёмные тушки ворон. Лучше как можно раньше добраться до торгового центра, и там уже поискать что-нибудь стоящее – здесь искать было нечего.

Я помнил, что нужно пройти по дороге до упора, в большое белое здание, а затем повернуть налево и там, через частные дворы, пройти прямо ещё метров пятьсот, и прямо за ними будет синее здание.

– Кристина, а ты откуда?

– Отсюда.

– В смысле? Ты здесь родилась? – я удивился, потому что не ожидал этого.

– Да. Мы с мамой не здесь жили. Тут бабушка только была.

– И она умерла тоже, да?

«Не притворяйся глупым. Зачем ты вообще всё это спрашиваешь? Разве тебе есть до этого хоть какое-то дело? Зачем ты мучаешь ребёнка?» – я проигнорировал Голос.

– Не знаю. Мама говорила, что она уехала, давно уже... Мама тоже уехать хотела – говорила, что мне там будет лучше.

– Извини ещё раз, – не знаю, зачем это сказал.

– За что? – она повернула ко мне своё милое бледное личико и посмотрела двумя глазами-изумрудами. – Ты ведь помог ей. Не дал быть монстром.

– Всё равно, – я отвернулся, посмотрел на часы: «9:42». – Ладно. Не против, если мы немного ускоримся?

– Нет, – Кристина покачала головой, и мы пошли быстрее.

Через минут двадцать действительно дорога упёрлась в белое здание, табличка на котором говорила: «Администрация Рыбного Района». Здесь дорога уходила в стороны, и везде она была окружена частными домами, которые тянулись не на один километр – не такой уж и маленький город. Я повернул влево, через несколько минут заметил большую дорогу, которая уходила вправо, и мы пошли по ней. Шли

так ещё минут десять, обходя восставших.

Кристина и здесь оказалась умной: она шла тихо, и всегда поближе ко мне со стороны забора, будто призрак. Эта девочка действительно понимала, что происходит и как тут можно прожить дольше. Она как будто олицетворяла мысль «если не станешь умным и серьёзным – тебя заживо сожрут или станешь ходячим трупом, вот и вся математика».

Действительно, хватает лишь одного укуса, чтобы заразиться, и всё – пути назад нет. Жил ты сорок лет, о чём-то думал, что-то пережил, а потом заразился и через две недели стал монстром – всё... Печально.

Теперь перед нами было огромное круглое синее здание, с разбитыми в некоторых местах витражами. Дорога дальше разветвлялась влево и вправо, а вперёд маленькая дорожка, петляя, ввела на парковку, которая стояла небольшой пристройкой сбоку к главному зданию.

Мы прошли мимо сломанного шлагбаума. Внутри здание жило своей жизнью: по пустым бетонным каркасам, завывая, гулял ветер, сочетаясь с противным карканьем, которое раздавалось откуда-то изнутри.

– Может, не надо? – спросила Кристина, остановившись у входа. Она испуганно смотрела на меня. Мне и самому было не по себе от этого места, но разве у нас был выбор? Разве желание есть куда-то пропало?

– Пойдём... Не бойся, я буду рядом, – я и сам не верил в свои же слова, но Кристина всё-таки пошла за мной. – Хо-

рошо. Оставаться сейчас одной опасно.

Мы пошли по бетонному полу, который местами обсыпался.

– Осторожнее. Не думаю, что это место делали качественно, – шепнул я.

– Поняла.

Мы прошли несколько витков и вышли на широкую площадь стоянки. Местами в бетонных дырах были лужи – вряд ли глубокие, но проверять не хотелось. Также здесь стояло несколько машин, подгнивших и давно разорённых. С балок на нас смотрели вороны, будто тоже выжидая момент, чтобы напасть, или ожидая нашей смерти, чтобы полакомиться свежатиной...

В конце стоянки была разбитая широкая дверь – уже нехороший знак, но возвращаться с пустыми руками не было смысла. На часах было почти одиннадцать – искать другое место уже не было времени. Я аккуратно переступил через металлический каркас двери и помог перейти Кристине. На полу была куча осколков. Мы вышли к закруглённым торговым рядам. В центре был огромный сквозной проём с первого этажа и до самого стеклянного купола.

– Ого... – сказал я, подходя к ограждению. Внизу в центре была небольшая полянка, где стояло небольшое дерево.

– Красиво, да? Мне тоже нравилось это место. Особенно, тогда, давно, – Кристина облокотилась на перила и смотрела вверх: там, через разбитые окна, влетали и вылетали вороны.

Кажется, они сильно облюбовали это место. Я огляделся – действительно, повсюду были белые кучки помёта.

– Пойдём, – мы пошли дальше. Большинство магазинов были вскрыты, и вокруг валялись кучи разного мусора.

– Когда... когда это началось, – неожиданно начала Кристина, – люди делали ужасные вещи. Они... воровали, дрались, убивали... Мама говорила, что это не конец, но мне кажется, что это он и был, как в сказках. Мы заперлись и не выходили неделю из дома. Я из окна видела, как один человек ударил другого, а затем достал у него что-то и убежал... – она говорила очень тихо.

До меня только сейчас дошло, почему здесь столько машин и всё выглядит разорённым:

– Стоп, – я остановился. – Вас разве не эвакуировали?

– А что это?

– Ну, разве не приезжали солдаты и не перевозили вас на автобусах в безопасное место? – удивился я.

Кристина остановилась, будто задумалась, а потом ответила:

– Нет. Никого не было.

Я стоял ошарашенный:

«Как же так? Почему? Получается, этих людей оставили на произвол?..»

Я скинул рюкзак и достал карту, где были отмечены временные базы – действительно, вокруг Сарума и близко не было ни одной. Я присмотрелся и понял кое-что: все базы

были расположены лишь вокруг крупных городов...

– Что это? – Кристина присела рядом.

– Карта, – тихо ответил я. – Как же так?.. Получается, большая часть людей даже не спасалась?..

Я ничего не понимал.

– Ого, – удивилась Кристина. – Большая... А... почему ты грустишь? Что случилось?

«Говорить ей или нет? Она просто маленькая девочка... Хотя, как разница?» – я хотел ей рассказать.

– Для вас – и других людей – не было никакого спасения, понимаешь? – я горько усмехнулся. – Эвакуировали лишь крупные города... а такие вот, как ваш – нет. Мне говорили, что спасали всех... А вас просто... оставили... Просто оставили умирать.

Кристина уставилась на меня с грустью и некоторое время мы молчали.

– И что? – Кристина вздохнула и отвернулась. – Мама всегда говорила «что было – то прошло». Всё это прошло. Вот и всё.

«Девочка поумнее тебя будет, и потвёрже. Встань, размазня, и иди. Мёртвых уже не вернёшь, и то, что было в прошлом – там и останется. Как ты этого не поймёшь? Даже маленькая девочка понимает. Только вот мне интересно: куда же, в этом случае, остальные люди делись? Убились за год?»

– Умная у тебя мама, – я постарался улыбнуться, сложил карту, положил в рюкзак, а затем встал, и мы пошли дальше,

мимо развороченных рядов.

– Раз ты здесь была уже – нет ли где-нибудь магазина продуктов или вроде того?

Кристина задумалась.

– Есть, на втором этаже. Мы с мамой туда часто ходили. Там было дешёвое мороженное.

– Тогда веди, но только аккуратно – мало ли, вдруг мы здесь не одни, – Кристина в ответ кивнула и пошла впереди.

Через несколько минут мы оказались на лестнице. Здесь было два пролёта по бокам. Мы спустились на два этажа ниже. Здешний воздух был более тяжёлым, сырым.

Я жестом остановил Кристину прямо перед входом в торговую аллею:

– А далеко до этого магазина?

– Нет, он здесь рядышком совсем.

– Хорошо. Сейчас ты иди за мной, и как можно тише, ладно? Опасно тебя вперёд пускать, – Кристина кивнула и встала за мной.

Я открыл дверь и прошёл вперёд. На полу повсюду была грязь, воняло сыростью и чем-то тухлым. Действительно, справа от входа на лестницу начинались продуктовые ряды. Оттуда и тянулся тошнотворный запах. Я аккуратно пошёл вперёд, на ходу достав из рюкзака фонарик. Кристина молча шла позади – казалось, будто её этот запах совсем не удивлял.

На полках лежали давно сгнившие продукты, которые по-

крылись тонким слоем плесени, будто покрывалом. Чуть дальше, за кассами, слева, был молочный отдел, справа – хлебобулочный; посередине стоял холодильник, и сверху была пустая полка, где обычно стоят консервы. Если здесь оставались люди – неудивительно, что всё это пропало. Весь магазин был опустошённым.

Надо было войти на склад. Здесь надо было быть осторожнее – в таких местах обычно охотники и прятались.

– Постой здесь, и никуда не уходи, – сказал Кристине. В главном зале побезопаснее будет, чем там. Я достал нож и протянул ей рукоятку. – Скоро вернусь.

Кристина посмотрела с испугом на меня, но нехотя кивнула и взяла нож:

– Л-ладно.

Я достал катану из ножен, выставил её вперёд, затем выдохнул, и открыл красную дверь, которая обычно ведёт в служебные помещения и на склад. В нос ударил тяжёлый запах гнили. У входа лежало тело человека, похожее, скорее на скелет, обтянутое полусгнившей кожей. Он упёрся спиной в деревянный ящик. Из головы торчал нож с заржавевшим лезвием – точно не восставший, да и кожа не была синей. Хотя, в таком состоянии и темноте вряд ли что-то можно точно распознать. Одет он был легко: что-то похожее на тёмную майку и светлые шорты. Я аккуратно переступил через кости и прошёл дальше. Через несколько метров комната заканчивалась ещё одной дверью, я тихо открыл её и за-

глянул внутрь: склад. От тухлого запаха кружилась голова, подташнивало. Я просветил фонариком – вроде бы никого, и прошёл вперёд.

Странно, но здесь было много разных коробок, стояли кучи продуктов, перемотанных плёнкой. Будто сюда никто и не приходил. Я взял банку из-под горчицы и бросил в опасную кучу коробок – вроде бы ничего, никто не отозвался. Затем не спеша прошёл вдоль всего этого небольшого склада. В конце, у самой стены, в углу, стояли ящики с консервами – бинго! Открыл рюкзак и начал складывать туда самые разные железные банки: со свининой, с говядиной, с сельдью, шпроты, паштеты, тушёнки – всё, что только могло у меня поместиться. Даже несколько баночек сгущёнки прихватил.

После того, как дело было закончено, закинул рюкзак на плечи – он стал значительно увесистее. Пришлось даже застёгивать дополнительные крепления. Было жалко оставлять остальное здесь, но больше я просто не унесу, а Кристина вряд ли хоть что-нибудь утащит. Даже такой вес опасно носить, ведь теперь особо не побегаешь.

Будто услышав мои мысли, сзади раздалось мычание, и в секунду восставший, раскидывая коробки, выбрался из укрытия и кинулся ко мне. Нас отделяло лишь несколько метров. Я взмахнул катаной – его голова потеряла верхнюю часть, восставший упал, умерев до конца. Взял с пола тёмный кусок ткани и аккуратно вытер лезвие, а затем вышел.

Кристина стояла у входа, нервно смотря по сторонам и

держала перед собой нож. Увидев живого меня, она улыбнулась и подбежала ко мне. Я вернул катану в ножны и посмотрел на часы: «14:21».

– Нашёл кучу еды, – Кристина улыбнулась в ответ. – Пойдём. Надо бы до темноты куда-нибудь подальше уйти.

Мы вышли из магазина. Возле лестницы стоял человек в тёмном плаще.

– Здорова, ребята, – тихо сказал он. – Я слышал, что вы кучу еды нашли, да? А ты в курсе, чья это еда?

– Нет...

– Врёшь. Думаю, раз задаю вопрос, то ты понял уже.

«Чёрт, пистолет в рюкзаке, на самом дне», – дело плохо.

Я схватил ручку меча.

– Малец, не рыпайся, – незнакомец быстрым движением достал из кармана небольшой пистолет и выставил на нас. – Будешь паинькой – отделаешься только продуктами. Неужели сестричку хочешь обидеть? Я же человек не злой.

Кристина нервно вжалась в меня сзади.

– Нехорошо будет, если она умрёт – что маме скажешь? – незнакомец злобно рассмеялся. – Оставь рюкзак, и иди себе дальше. И больше сюда не приходи – это наша территория.

– Ваша? Это чья же? – спросил я. Нужно было его отвлечь. Нас отделяло лишь пара шагов, и, если быстро напасть, может что-то получиться. Но чем атаковать? Руками не повоюешь против пистолета...

Неожиданно что-то холодное оказалось у меня руках –

Кристина незаметно вернула мне нож в руки. Умная девочка.

«Неужели убивать собрался? А силёнок-то хватит? Мне кажется, этот парень поздоровее тебя будет»

– А это тебе знать не положено. Наша – и наша, – теперь он говорил серьёзно. Под глазом у него был большой широкий шрам на всю щеку.

– Хорошо, а если я тебя убью? – я решил играть по-крупному.

– Даже если и так, – он оскалил свои зубы в безобразной улыбке, – тебя будут ждать мои люди. Мы за тобой следим уже достаточно давно. Поверь, и минуты не протянешь.

– Хорошо... – я сделал вид, будто снимаю рюкзак, расстёгивая дополнительные крепления.

– Умный парнишка... – он продолжал оскаливаться.

– А это мы сейчас проверим... – я скинул рюкзак и кинулся на мародёра. – Беги! Я его задержу! Жди меня на стоянке!

Раздался выстрел, который попал куда-то вдаль, Кристина вскрикнула и бросилась бежать.

– Ох, сука... – он не договорил, потому что я резким движением вонзил ему нож прямо в живот по самую рукоять, и провернул. Затем ударил несколько раз в грудь. Незнакомец что-то ещё пытался сказать, а затем усмехнулся и осел у стены. Я забрал его пистолет, закинул свой рюкзак и бросился за Кристиной, которая уже пробежала половину рядов.

Рюкзак был очень тяжёлым, но оставлять его было нельзя

– это наш билет в жизнь на несколько недель.

«Получается, ты снова убил. А ведь сейчас ты мог просто отдать обратно их продукты. Обворовал, да ещё и убил – браво! И после всего этого ты затираешь что-то про Человека? Да ты самая последняя мразь»

Руки дрожали.

«Да, я снова убил человека... но сейчас не время об этом думать. Где-то могут быть его дружки – важно уйти от них»

Я вбежал на стоянку – Кристина стояла в стороне. Увидев меня, она обрадовалась, но, когда заметила кровь на руках, испугалась.

– Давай! Давай! – крикнул я, жадно хватая ртом воздух и её руку.

Когда мы бежали вниз, сзади слышались крики и выстрелы, пули влетали совсем рядом, в колонну и потолок. Кристина взвизгнула.

– Не останавливайся... Только не останавливайся... – задыхаясь, говорил я.

Через секунд десять мы оказались на улице:

«Куда бежать?»

Нас догоняли и бежать по открытой дороге – вообще не вариант. Я быстро осмотрел местность: сплошные магазины и небольшой проулок через метров тридцать, прямо за рекламным щитом – вот в него можно было нырнуть.

«Надеюсь, успеем»

Я подпихнул Кристину и указал рукой куда бежать – она

кивнула и без лишних слов бросилась бежать. Я едва успевал за ней, стараясь не споткнуться. Раздались ещё выстрелы, я юркнул вправо – слева врезались пули в землю. Очередь – снова мимо.

– Вот блять! – крикнул кто-то позади. Резкий крик пронзил уши – я быстро обернулся и увидел группу восставших, которая двигалась к торговому центру. Стадо было большое, и впереди всех двигались бегуны, которые уже вбежали на вход стоянки. Позади кто-то истошно закричал, затем снова раздавались выстрелы, а мы бежали дальше по переулкам и дворам.

Через минуту я уже не мог бежать, и мы остановились посреди какого-то небольшого дворика. Я устало плюхнулся на скамейку.

– Всё... – я не мог нормально говорить. – Вроде бы... оторвались. Дай перевести дыхание, и пойдём дальше... нельзя останавливаться.

Кристина села рядом и вытерла пот со лба.

– Спасибо, – тихо сказала она.

– Ну... не дам же я... маленькой девочке... погибнуть... мужчина я... или как? – сил не было даже на то, чтобы улыбнуться, но Кристина на секунду улыбнулась, а затем снова стала серьёзной.

– Ты ведь убил, да?

Я посмотрел на свои окровавленные руки. Тошнило. Хотелось соврать, но глядя на маленькие горящие глаза, не мог

этого сделать.

– У меня не было выбора... – тихо ответил я, уходя от прямого ответа.

– Понимаю... – Кристина замолчала где-то на минуту, а затем спросила: – Почему люди такие?

– В смысле?

– Почему они причиняют друг другу боль? Зачем? Почему нельзя просто помогать друг другу?

Я посмотрел вверх, на небо, будто там могли быть ответы.

– Не знаю, – ответил я. – Иногда... мне кажется, что люди все такие по своей природе. Но иногда лишь глубоко внутри.

– Злые? – Кристина тоже посмотрела вверх.

– Можно и так сказать.

– Почему? Да и неправда: есть же такие люди, как ты, которые помогают...

– Не знаю... – ответил я. – Ничего не знаю. Иногда мне хочется проснуться одним утренним днём, и чтобы всё это оказалось простым сном, – я горько усмехнулся. Кристина ничего не ответила. Мы оба жадно смотрели на светлое небо, будто оно могло помочь – но какое ему было дело вообще до всего, что творится внизу? Небеса давно от нас отвернулись.

Мы просидели ещё несколько минут, а затем я поправил рюкзак и встал.

– Пойдём. Нельзя останавливаться. Восставшие ещё где-то рядом, надо до темноты успеть уйти как можно дальше от центра и найти там ночлег, чтобы завтра было больше вре-

мении на переход – в общем, много дел.

– Хорошо.

Мы прошли вдоль дороги через другие дворы, чтобы не выходить на одну из центральных улиц – мало ли, вдруг там будут восставшие. От них легче было скрываться на маленьких улочках и дворах.

Ноги подкашивались, но я должен был идти дальше. Одежда неприятно липла к телу.

Через минут десять мы оказались на самой главной улице – нужно было перейти на другую часть города. Здесь стоял указатель, который говорил о том, что впереди Кантер, но расстояние не указывалось. Я поправил рюкзак, и мы пошли дальше – отдохнём позже.

Через полчаса мы перешли через большой мост, за которым начинались ограждённые тела заводов. Кристина сказала, что впереди должен быть район, где они с мамой жили – что ж, там и заночуем. На часах было уже больше четырёх – потихоньку начинало темнеть.

Через несколько минут территория заводов кончилась, а за ними шёл небольшой лесок. Мы пошли по самой дороге, потому что идти среди высокой травы – очень опасно.

На всём пути восставших не было, что очень странно. Где-то через минут пятнадцать резко оборвалась полоса леса и дорога вышла к нескольким дворикам. Мы прошли мимо большого недостроенного магазина. С каждой секундой становилось всё темнее – я решил войти в первый дом.

У входа стоял, закинув кверху голову, восставший – крикун. Я жестом остановил Кристину, она молча кивнула, затем снял рюкзак, аккуратно поставил его на землю, и снял катану, чтобы не делать лишнего шума. Нельзя было дать ему крикнуть – иначе через секунду здесь будет куча восставших, которые постоянно находятся где-то рядом с ними.

Медленно приблизился к восставшему сзади, достал нож. Он был всего в нескольких шагах от меня... Неожиданно он обернулся, и уставился на меня, вскинул голову и резкий крик ударил по ушам, оглушая. Даже не понял как оказался на земле. Через секунду поднялась вторая волна на несколько секунд, а затем он навалился на меня. Мёртвый седой мужчина был очень тяжёлым, мои руки предательски дрожали, а его глотка становилась всё ближе... Я удерживал его руки, но сил не хватало, чтобы оттолкнуть, и нож был где-то далеко... Несколько капель упали с его рта мне на лицо – ещё несколько сантиметров, и мне конец... Но неожиданно восставший обмяк и всем весом навалился на меня, а затем кто-то, стоная, его чуть приподнял.

– Помоги... – сказала Кристина. Я опомнился и отпихнул тушу восставшего, а затем Кристина помогла мне встать.

– Спасибо... – сказал я. – Ты... ты молодец.

Кристина ничего не ответила. У неё сильно дрожали руки. Я, прихрамывая, подошёл к рюкзаку и закинул его на плечи. Надо было уже убираться куда-нибудь, где безопаснее. Тем более, что, кажется, я повредил ногу. Достал фонарик,

осмотрел: ни укусов, ничего явного, но ходить было больно. Мы вышли на улицу.

Кристина поддерживала меня: шёл, облокотившись одной рукой на стену дома, а другой – на Кристину. Таким образом, мы поднялись и зашли в подъезд другого дома. В голове всё немного плыло. Я достал фонарик и шёл, уже держась за перила. Через минуту мы оказались на втором этаже, и я понимал, что подняться выше у меня просто не хватит сил. Казалось, что в любую секунду могу просто упасть без сознания – и всё.

Здесь в стороны уходила два длинных коридора.

– Посмотри, нет ли там каких-нибудь деревянных дверей, или что-нибудь такое... – я передал Кристине фонарик, а сам присел на одну из ступенек. Она кивнула и быстрым шагом ушла в левый коридор. Через секунд десять она вернулась и пошла в правый, и ещё через десять подошла ко мне:

– Есть несколько. Слева две, и справа ещё одна, – отчиталась она.

– Пойдём налево...

Дверь оказалась обшитой, но с виду не сильно крепкой. Петли не торчали – значит, она открывается внутрь. Я поставил рюкзак и со всей силы, которая во мне оставалась, ударил в дверь – та с треском отлетела в сторону. Есть, всё-таки, плюс в том, что дерево от сырости гниёт.

Я подхватил рюкзак, и мы вошли внутрь. Маленький квадрат прихожей уходил в три прохода: на кухню, в комнату

и туалет. Оставил рюкзак у входа, пододвинул к двери комод, чтобы закрыть дверь, и пошёл обследовать помещение.

Кухня была вытянутой комнатой: стол у стены, табуретка, старая газовая плита и узкий проход к балкону, а за дверью был маленький холодильник, в котором была лишь плесень.

Балкон оказался маленьким, едва на одного меня хватило.

Комната была просторной: у стены, справа от входа, стоял диван, а слева – тумбочка со старым квадратным телевизором, справа от самого входа был большой деревянный лакированный шкаф.

Ванная комната оказалась маленьким помещением, в котором едва хватало места для прохода между самим туалетом и большой чугунной ванной.

– Вроде чисто, – сказал я, выходя. Кристина стояла, видимо, ожидая моего приказа или разрешения, держа в руках катанку. Меня покачивало. – Проходи... там диван есть. Спасибо, что захватила, – я указал на меч. Кристина слегка улыбнулась и положила её на комод.

– С тобой всё нормально? – она была взволнованной.

– Да... в порядке, – от боли в животе скрутило. Не было уже сил нормально говорить. – Хочешь есть?

– Да...

– Хорошо. Подожди в комнате, я сейчас, – взял из рюкзака несколько жестяных баночек и пошёл на кухню в поисках открывашки.

Поставил баночки на стол, затем открыл верхний шкаф-

чик и там, среди пыльной кучи ложек и вилок, лежал маленький деревянный нож для консервов.

«Сейчас как поедим...»

Взял нож и резко вонзил его в банку, вскрыл. Затем открыл и остальные. Две банки были с тушёнкой, а третья – с рыбой. Я достал вилку и в секунду опустошил одну с тушёнкой. Хотелось ещё – хотелось съесть сразу всё, но нужно было экономить, и ещё... я ведь не один. Посидел немного, собираясь с силами – слабость ушла, но ходить всё равно было тяжело из-за боли в ноге. Затем достал ещё одну вилку, взял две банки, и пошёл в комнату. Кристина стояла у окна и смотрела куда-то в темноту вечера.

Казалось бы, я встретил её лишь вчера, а мы уже через столько прошли, будто знакомы целый месяц.

– Рыба или мясо? – спросил я, подходя к окну.

– Что? – Кристина отвернулась от окна.

– Что тебе больше нравится: рыба или мясо?

– Наверное, мясо.

Я протянул ей правую руку, в которой была банка тушёнки и вилка, а затем отошёл, плюхнулся на диван и начал есть рыбные консервы. Надо было отдохнуть.

В голове обрывками вертелся сегодняшний день.

«Кто эти люди? Почему правительство эвакуировало лишь крупные города? Откуда взялся этот чёртов вирус? И что мне сейчас делать с этой маленькой девочкой?»

Я доел и поставил банку на пол. Тело налилось свинцом,

глаза закрывались. Затем чьи-то руки уложили меня, а через секунду сознание ушло окончательно.

День 377-385

Света ушла вперёд, а я остался стоять настороже. Отсюда открывался вид на ночной город.

«Чёрт... здесь так высоко. Зачем мы вообще сюда полезли?.. И где, чёрт побери, сама Света?»

Её уже не было минут десять.

Облокотился на небольшой железный забор. По всему балкону гулял ветер. У меня дрожали ноги.

Я смотрел с высоты одиннадцатого этажа – внизу всё ещё было темно, ничего не видно. Но вддали, на самом краю горизонта, уже светлело небо – близилось утро.

Через ещё несколько минут появилась Света, выглянув из лестничного пролёта.

– Идём, – бросила она и сразу же исчезла.

Подобрал рюкзак с пола, включил фонарик и двинулся следом. Здесь стоял тяжёлый запах мочи, который, кажется, отсюда не выветрится никогда. Вся лестница была заляпана маленьким белым засохшим помётом. Ветер сильно гудел, пролетая по пустующим много месяцев лестничным проёмам, и где-то внизу хлопала со скрипом дверь.

– Ты чего там застрял? – крикнула Света сверху.

Прибавил шаг, стал идти через ступеньку. На лестнице было темно – только мой фонарик создавал небольшое кольцо света, и где-то вверху плясала полоска другого фонарика.

Пробежав несколько пролётов, увидел цифру «15», а на следующем этаже ждала Света, придерживая рукой металлическую решётку двери, за которой был проход на крышу.

– Долго ты, – улыбнулась она. Её лицо было каким-то серым.

«Может, показалось?»

Она прошла внутрь, а я прошёл следом. Рюкзак совсем не ощущался, будто и не было его вовсе.

– А зачем нам туда? – спросил, когда мы оказались у лестницы на крышу.

– Надо, – ответила Света. – Посвети-ка мне.

Она спрятала свой фонарик. Я направил луч света на лестницу – Света в несколько секунд оказалась наверху и теперь возилась с замком.

– Дай свой нож, – сказала она с тяжестью. Вытянул рукоятку из чехла и протянул ей. – Спасибо...

Она возилась около минуты, но всё же замок щёлкнул, и дверца отлетела в сторону, прижимаемая ветром. Света перекинула ногу, а затем и сама скрылась в темноте ночи.

– Давай сюда, – сказала Света откуда-то сверху.

Я убрал фонарик, затем поставил ногу на лестницу – та слегка пошатнулась. Было страшновато, но я поднялся выше, а затем ещё, и ещё, и через несколько секунд оказался на самом верху. Тут нужно было перекинуть ногу за железную дверцу, а затем уже вылезти самому. Я глянул вниз – чуть справа, внизу, была лестница, по которой мы пришли.

«Два этажа, получается... можно легко убится»

Вылез на крышу и прикрыл дверцу за собой. Уже было заметно светлее – небо не было чёрным, а, скорее, тёмно-синим.

Света стояла у перил на самом краю крыши. От неё шла тоненькая струйка серого дыма. Я подошёл и встал рядом.

– Как тебе город? – спросила она, выдыхая табачный дым. В её руках была маленькая сигарета с маленькой огненной шляпкой на краю.

Огромные бетонные коробки, которые пустовали уже не первый месяц, окружали заросшие дворы. На дорогах здесь стояло несколько машин, безнадёжно разворошённых. По всей улице шныряли тысячи тёмных тел – восставшие. Они ходили, пошатываясь, из стороны в сторону, совсем без логики и какого-то смысла.

Среди обычных восставших выделялись с десятков тех, кто поднял кверху голову, чтобы первыми учуять добычу, а ещё около сотни бегали на четвереньках – чтобы её догнать. Странный симбиоз ради выживания.

– Зачем мы здесь? – я решил задать вопрос в лоб.

Света поднесла сигарету к губам и глубоко затянулась, подержала дым секунд пять, а потом легко и плавно его выдохнула.

– Знаешь, Костя, мир ведь не так прост, как тебе кажется, – сказала она тихо.

– Ты о чём? – я уставился на неё.

Света снова затянулась, выдохнула, а затем бросила сигарету – маленький огонёк, подхваченный ветром, скрылся внизу через несколько секунд.

– Это наше наследие, Костя. Это мы, люди, сделали, понимаешь? Вот те, что ходят, мы с тобой – все. Это результат нашего существования – его апогей. Люди миллионы лет развивались. Тысячи лет создавали культуру. Кто-то подумал, что это не та дорожка: что она расчеловечивает нас... и захотел вернуться в каменный век, но разочарованно признал это невозможным. Конечно, кто-то сказал, что можно вернуться и с технологиями, как будущее, даже попытались что-то сделать, но... Мы смогли и так, как видишь, – она провела рукой по воздуху. – Теперь мы выходим на охоту, разоряя магазины. Убиваем, чтобы отобрать последнее и протянуть самим пару недель... Хотя, нет – мы создали бетонные джунгли, и теперь просто живём по их неписанным законам. Мы здесь местные животные: кто-то хищник, кто-то жертва. Некоторые пытались как-то возвысить нас, но внутренний зверь оказался, в итоге, сильнее – теперь уж его воля. Это наше наследие, Костя. И моё. И твоё. Понимаешь?

Она повернулась, а затем резким движением схватила меня за ногу и перекинула через ограду – я еле успел схватиться рукой за перила.

– Что ты делаешь? – крикнул я. Света смотрела на меня с сожалением.

– Ты должен принять... – после этих слов она сама пере-

лезла через ограду, с силой ударила меня по руке, и прыгнула сама вслед за мной. Она крикнула по ходу: – Извини, но так нужно!

* * *

Кто-то тихонько пихал меня в плечо:

– Костя... Кость... – тихий тонкий голос – Кристина.

Я открыл глаза и посмотрел на неё.

– Идём... Там монстры, на лестнице, – я подскочил с дивана и начал в спешке надевать верхнюю одежду. – Я закрыла дверь.

– Молодец, – бросил, надевая куртку, затем закинул катану и отдал ей свой рюкзак: – Возьми еды, сколько сможешь, и уходим.

Кристина кивнула и быстро юркнула в кухню.

Было очень холодно. С каждым днём становилось всё холоднее. Иногда даже приходилось спать в куртках. Зима проверяла нас на выживаемость.

Одно из самых тяжёлых моментов то, что сейчас не получалось далеко ходить из-за холода и маленького светового дня. Приходится всё чаще надолго останавливаться. А подходящего места, где бы можно было запастись продуктами для зимовки, не получалось найти. Нужно было что-то, вроде склада, на окраине города или в глухом районе, чтобы оставшие не нашли. А рядом с ними магазины либо пустые,

либо там давно всё испортилось – вот мы и скитались, пытаюсь найти хотя бы что-то с крепкими стенами, чтобы не замёрзнуть насмерть.

В последнее время восставшие появляются совсем неожиданно, большими группами, даже без крикунов – они как будто чувствуют нас, наш страх. На улицах небольших городов можно встретить огромное стадо – тут вооружённому отряду скорее всего смерть, тем более мальчику с маленькой девочкой.

Аккуратно, без скрипа, открыл двери, и стал ждать Кристину – она появилась через минуту, держа в руках большой рюкзак. Я перехватил его на ходу и плотно прикрыл дверь, которую несколько дней назад так долго взламывал, чтобы не создавать лишнего шума. Кристина уже ждала на боковой пожарной лестнице.

Оглянулся на слабенькую деревянную дверь, в которую пока что лишь слегка постукивали восставшие и подумал:

«Нет, не выдержит»

Если они нас почуют, а это дело времени, то через нескольких секунд ворвутся. Не знаю, сколько их там, но точно достаточно.

– Ну, идём? – нервно и жалостливо шепнула Кристина, опасливо озираясь по сторонам и держа дверь.

– Иду, – ответил я, осторожно идя к ней, чтобы, не дай бог, деревяшка под ногой не скрипнула.

Мы были на запасной боковой лестнице, к которой время

было особенно безжалостно и, думаю, через несколько лет уже добьёт окончательно: бетонные перегородки даже сейчас не внушали доверия, а ступени даже кое-где обвалились. Поэтому я шёл впереди, стараясь наступать лишь на места, где предположительно должны идти металлические прутья. Было страшно, конечно, но другого выхода не было. Я помогал Кристине спускаться, держа её слегка за руку.

Через несколько минут мы уже оказались внизу, на твёрдом асфальте, устланном тёмным покрывалом из давно опавших листьев.

– Вот снова, понял? – спросила Кристина. – А ты говорил, что больше. Нет, я больше тебя спасла.

– Запиши на мой счёт, – улыбнулся я.

– Уже много, а что мне за это будет?

Я пристально посмотрел на неё.

– А то, что я в день больше раз тебя спасал – это не в счёт? – спросил я с улыбкой.

– Конечно же нет. Я же маленькая, а ты вон какой большой! – усмехнулась Кристина.

– Всё считается, – сказал я с улыбкой.

– А вот и нет!

– А вот и да!

Мы посмотрели друг на друга с вызовом, а затем резко рассмеялись, но через секунду смолкли – никогда не знаешь, кто тебя услышит. И тут дело даже не в восставших. Хотя их, не сомневаюсь, здесь тоже много.

– Жалко уходить, – сказала Кристина. – Мы столько всего собрали... Может потом вернёмся?

Я несколько секунд молчал, перед тем как ответить.

– Нельзя назад. Они чувят нас, и найдут снова. Тем более, там не очень крепкое место. Не волнуйся, мы ещё что-нибудь найдём, – я постарался изобразить улыбку, но получилось как-то неубедительно. Кристина тоже это заметила. – Надо... надо искать какое-нибудь крепкое убежище, а не квартиру. И устроить там для зимовки. Вот бы было не как прошлой зимой, когда дороги замело полуметровыми сугробами...

– А много осталось?

– Не знаю. Знать бы, какой сейчас месяц вообще... – грустно отметил я, глядя на почти голые уродливые деревья. – Конечно, если судить по природе, то совсем немного.

– Ты что-нибудь придумаешь, – подбодрила меня Кристина, хватая за руку.

Я посмотрел на неё с некоторой улыбкой.

– Спасибо.

Дальше мы шли молча. Нужно было отойти куда-нибудь подальше, желательно на открытое место или совсем закрытое.

Шли минут десять, пока не наткнулись на небольшой стадион за ржавой оградой, заросшей уже голыми кустами, а за ним возвышалось небольшое трёхэтажное здание из белого кирпича, где местами отвалилась плитка – районная школа,

скорее всего.

Я осмотрелся, чтобы найти вход, но ничего не увидел.

«Много ли у вас шансов найти такое чудесное место, а?» – спросил Голос. В последние недели он редко говорил. Сейчас я не мог ему ответить, и просто подошёл к самой оgrade, снял рюкзак, перекинул его и полез сам.

– А я? – спросила Кристина.

– Ты тоже давай, я подхвачу тебя внизу.

– Может можно по-другому?

– Извини, но некогда, – я тяжело выдохнул, когда приземлился.

Кристина быстро и ловко перелезла, прыгнув рядом. Я вытащил нож и приготовился. Нужно быть готовым ко всему. Особенно к восставшим. На траве, чуть дальше, лежали изглоданные остатки тела кошки. Вокруг, на потемневшей траве, словно пух, лежала светлая шерсть.

– Не смотри, – сказал я, уводя девочку в сторону.

– А что там? – спросила она.

– Неважно.

Она, конечно, видела вещи и пострашнее, выстояв при этом, но всё же она – маленькая девочка. И я не хочу, чтобы ей попадались такие вещи. Однако, знаю, что они всё равно будут попадаться.

«Ты ей не отец, не брат и не нянька, – сказал Голос. – Даже если бы так и было, то ничего не забыл? Или напомнить, что она умрёт из-за тебя? Или, думаешь, её это не коснётся? Всех

касается, а её, именно её, не коснётся?.. Почему? Потому что она маленькая? Думаешь, судьбе есть дело на возраст или пол? Это предрешено»

– Заткнись, – гневно шепнул я, в надежде, что назойливые мысли пройдут.

– А? – спросила Кристина.

– Ой, ничего. Это так...

Мы подошли к зданию школы – дверь была открыта настежь. Это был дополнительный вход.

Я достал из бокового кармана фонарик и прошёл вперёд. Мы давно с Кристиной условились, что она идёт за мной, и не отстаёт ни на шаг. Пока что этот договор выполнялся. Она шла прямо за мной, даже не отходя в сторону, при этом не мешаясь под ногами.

Внутри был огромный холл с лестницей по центру, и в каждой стене отходил боковой коридор в другое крыло. Несколько старых граффити на стенах («ЖИВЫХ НЕТ» и «МИР В ПИЗДЕ») и куча мусора на полу: бутылки алкоголя, старые куртки, несколько куч давно засохших фекалий. По зданию гулял холодный ветер, завывая откуда-то сверху. Искать здесь было нечего, но в этом-то и плюс: здание более-менее безопасное, просторное – вряд ли восставшие учуют нас здесь. Можно было, хотя бы, спокойно сориентироваться на карте.

Мы пошли в сторону ближайшего коридора – шаги отдавали небольшим гулом. Слева, в начале коридора, который

являлся гардеробом, был небольшой проём с дверью в конце – она была закрыта, как и ожидалось, но я на это и рассчитывал.

– Присмотри за коридором, – шепнул я. Кристина кивнула и осталась в начале прохода.

Я прошёл чуть дальше и быстро скинул рюкзак, достал потрёпанную толстую книжку. Хорошая вещь. Общие карты всех городов есть, и весит немного. Мы были в Кургуте. Если судить по ориентирам... это было восьмая школа.

Окраина города, заводы... Нужно было найти склад или офисы, но не оставаться в спальном районе. Здесь было мало восставших, на окраине. Почему-то тянуло их сбиваться в стада и идти в центр города, или же куда-то в леса.

Я просматривал карту минут пять. Кристина стояла на стороже. Посмотрел на часы – десять утра. Время ещё есть, но немного. Часов шесть – максимум.

Недалеко за городом, в нескольких километрах, был торговый центр, строительный – то, что надо.

«Думаю, там будут рядом какие-нибудь склады или что-то похожее – можно будет обосноваться»

Закрыв карту и, быстро закинув всё обратно, надел рюкзак.

– Пойдём, – сказал я, быстро проходя мимо.

– Нашёл место? – спросила Кристина, отставшая немного, но уже догоняя.

– Надеюсь.

– Всё будет хорошо, – улыбнулась девочка.

Порой, простой улыбке близкого человека хватает для того, чтобы идти дальше. А что ещё оставалось, кроме как жить дальше? Выбор есть лишь, пока живёшь. Смерть, поэтому, не может быть выбором – это, максимум, необходимость, но не более.

Мы вышли через главный вход. Странно, но снаружи, на улице, было немного теплее, чем внутри.

Быстрее всего было пройти через центр, напрямик, хотя если идти в обход – безопаснее, но на это уйдёт не меньше четырёх часов, а времени было в обрез. А надо было ещё успеть что-нибудь придумать – не спать же на полу...

– О чём думаешь? – спросила Кристина. Я оторвался от мыслей.

– Да так...

– Ну, говори! Я же вижу, что ты думаешь. Ты всегда не хочешь говорить, а я всегда вижу!

Я усмехнулся:

– Все мы о чём-то думаем. Иногда лучше и не знать о чём именно.

Девочка скривила лицо в «кислой» гримасе.

– Бу-бу-бу. Сам ты маленький!

Я опешил.

– Ты о чём?

– Всё! Я не глупая!

Я мягко погладил Кристину по голове и слегка прижал к

себе.

– Не глупая, конечно. Просто я не хочу нагружать тебя лишними вещами, – улыбнулся я.

– Почему? Ты же говорил, что мы вместе, одна команда.

– Ладно, – сдался я. Кристина улыбнулась. – Да я просто не знаю, как лучше сделать: можно пройти быстрее, но через центр, а можно безопаснее, но это в обход, – я посмотрел на часы – почти половина одиннадцатого, времени всё меньше. – Надо дойти до темноты – потом будет очень опасно.

– А сколько у нас времени?

– Где-то часов шесть, может. Нам ещё идти туда, минимум, часа три.

Девочка на секунду задумалась, а потом ответила:

– Значит, тогда пойдём через центр.

– Уверена? – переспросил я.

– Да. Ты же меня защищаешь, а я – тебя, – улыбнулась

Кристина.

Я улыбнулся в ответ. На том и решили. Мы остановились, я сверился с картой, чтобы запомнить дорогу.

Нужно было сейчас свернуть на соседнюю улицу, потом пройти до её конца, направо и выйти на главный проспект. Оттуда уже прямо идти по нему к выходу из города, и примерно в двух километрах от границы будет находиться большой строительный торговый центр. Проблема только в центральном проспекте – широкая улица, и почти все дома жилые. Там должно быть много восставших.

– Не волнуйся, – Кристина взяла меня за плечо, как будто прочитав мысли. – Мы сможем!

«Действительно. От моего волнения нет толка. Нам нужно было идти вперёд, и делать это быстро, а не сидеть и думать как сделать лучше»

Я закрыл книжку и, закинув её обратно, мы пошли по треснувшей асфальтовой дорожке вдоль голых разросшихся кустов. Вдалеке, на полностью голом дереве, сидела целая стая ворон – не меньше полусотни. Все они недовольно каркали.

Примерно через час мы уже были в центре. Широкая улица длинной змеёй тянулась от вокзала, который отсюда казался маленькой точкой, и до самого поворота через несколько километров.

Впереди было стадо восставших, которые двигались в сторону заросшего парка. Во главе, как обычно, небыстро бежали, переваливаясь с ног на руки, бегуны – за ними три или четыре вытянутые кверху головы, окружённые плотной стеной мертвецов. И только немного позади, слегка отставая от этой неспешной процессии, ползла восставшая: маленькая девочка лет семи, без половины тела. Оборванные внутренности тянулись за ней по асфальту, оставляя грязный тёмный след.

Взяв Кристину за руку, быстро юркнул в боковую арку, где надеялся проскользнуть вдоль проспекта по дворам.

Сломанные качели, разросшиеся кусты, распахнутые на-

стежь домофонные двери, брошенные вещи. Потускневший окрас домов, где-то повреждённая отделка. И всё пустое, словно весь город – это огромный скелет когда-то жившего существа.

Во дворах было несколько полуразобранных машин. И ещё пару обычных восставших, которых убил без проблем.

Меня всю дорогу не покидало чувство тревоги, будто кто-то наблюдал и шёл за нами по пятам. Будто из каждого подвала на нас смотрела пара враждебных глаз. Но, озираясь, никого не видел.

Город резко кончился пятиэтажками, где через дорогу уже шёл лесок. Среди него и находился тот самый торговый центр. Кристина не отходила от меня ни на шаг. Мы шли дальше по дороге. Солнце уже заходило.

На дорогу ушло больше времени, чем я рассчитывал.

С виду здание казалось нетронутым: за сетчатым забором была видна пустая парковка, навесной старомодный замок на воротах давно покрылся ржавчиной – открыть его было бы тяжело.

Мы немного отошли назад, к забору. Я снял рюкзак и перекинул его на парковку, потом перелез и помог Кристине спуститься – она зацепилась курткой за выступающий кусок проволоки, но пролезла.

– Ничего не порвала? – спросил я, потому что Кристина очень внимательно и долго рассматривала место, где она зацепилась.

– Вроде нет... Посмотри, – она протянула мне часть куртки, и я внимательно смотрел её – вроде целая.

Сейчас не стоило слишком разбрасываться вещами, потому что найти что-то было тяжело – большинство магазинов могли похвастать лишь разбитыми витринами и пустыми полками. Но людей не было. После той группы, в торговом центре, мы никого не встретили. Иногда мне кажется, что мы остались последними живыми людьми, но ведь это не могло быть правдой. Или могло?

Мы шли в сторону нескольких небольших одноэтажных зданий, что стояли немного дальше самого трёхэтажного главного корпуса. Странно, но тут всё было как будто нетронуто. То есть, ни разбитых окон, ни восставших – ничего. Будто это место выпало из памяти всех людей, и только время его потихоньку подтачивало – словно камень, протекающая мимо вода.

На двери первого склада была огромная вывеска «СКЛАД СТРОЙМАТЕРИАЛОВ». Мы пошли дальше.

На втором – «СКЛАД ИНСТРУМЕНТОВ, ТОВАРЫ ДЛЯ РЕМОНТА И ДОМА».

Третье, чуть меньше двух предыдущих, здание – «МЕБЕЛЬНЫЙ СКЛАД». Как раз то, что нужно.

– Может нормально поспим сегодня, – сказал я, пытаюсь приободрить Кристину и подходя к двери.

– Чур, я на диване! – улыбнулась девочка.

Иногда я не мог понять, откуда в этом маленьком челове-

ке столько сил и внутреннего света. И всё это она сохраняла несмотря на то, что было в её маленькой жизни... Она была словно лампочка, а я, как мотылёк, хотел к этому свету лететь. Порой мне казалось, что только благодаря ей ещё цепляюсь за жизнь.

Обычная пластиковая дверь со стеклопакетом. Нужно было её взломать. Чтобы не привлекать внимание – раз, чтобы было потом безопаснее – два. Выломанную дверь потом не закроешь.

«Цепляешься за жизнь ты, а умрёт она», – дал о себе знать Голос.

Я постарался не обращать на него внимания и сконцентрировался на взломе. Тут нужно быть очень внимательным, иначе легко повредить механизм. Это было единственное полезное, что узнал в Остании, когда тайком выбирался из города по ночам, чтобы проветрить голову... и не только.

Замок щёлкнул и дверь распахнулась. Внутри было очень темно: кто-то заклеил все окна.

– Подай фонарик, пожалуйста, – через несколько секунд он оказался у меня в руках. – Спасибо.

Я просветил пол перед собой, аккуратно заступил и посмотрел по сторонам – вроде никого. Прислушался – тихо. Совсем. Настолько, что было слышно робкое дыхание Кристина позади. Она тоже вошла внутрь.

– Стой на улице, – сказал я.

– Почему? – спросила Кристина. – Я хочу с тобой. Я могу

помочь.

– Опасно, – ответил я.

– Но... ладно, – нехотя согласилась Кристина. Мы не в первый раз так спорили.

Внутри всё стояло аккуратно, завернуто в несколько слоёв плёнки, но чувствовался лёгкий запах плесени.

Таким громким моё дыхание давно не было.

Главная комната делилась на две маленьких комнатки гипсокартонной стеной. Оба прохода были без дверей: внутри первой стоял разный инвентарь, а вот вторая оказалась плотно заставлена упакованными покрывалами – то, что нужно.

– Ну что там? – шепнула Кристина. Звук казался очень громким.

Я быстро посмотрел под диваны, у стен – пусто. Такое ощущение, будто само это место просто выпало из времени, потому что всё чудесным образом сохранилось целым и невредимым.

– Заходи, – сказал я, скинув рюкзак и упав на когда-то белоснежный диван. Кристина прошла внутрь и закрыла за собой дверь.

– Надо подпереть, – сказала она, усаживаясь рядом.

– Знаю, но не сейчас – дай посидеть, очень устал. Нам бы не помешало какой-нибудь еды найти...

– У нас же есть. Давай не пойдём уже, – Кристина легла головой мне на колени.

– И что? Вставай, – я потряс её за плечо.

– Давай завтра. Я устала, и есть хочу, – жалобно протянула девочка.

– Ну, – начал я, но и сам понимал, что лучше будет остаться и отдохнуть, – ладно. Но завтра надо будет обязательно хотя бы этот строительный обшарить. Батарейки нужны. Может, чего ещё найдём.

Кристина приподнялась и посмотрела на меня с улыбкой, а затем легла обратно:

– Хорошо. Может мяса поедим сегодня?

Я так и не удосужился узнать, что она вообще успела забрать.

– А что у нас вообще есть?

– Не знаю, – пожала плечами Кристина, затем лениво встала, чтобы я встал, и сразу же плюхнулась на освободившееся место. – Тепло...

Я взял фонарик с дивана и раскрыл рюкзак: три металлические баночки оказались без этикетки, пять рыбных консервов, шесть с тушёнкой, две с икрой, консервированные ананасы, палка колбасы и пачка макарон.

– Ты зачем макароны-то взяла? – усмехнулся я.

Кристина тут же подскочила, будто ошпаренная.

– А я взяла? – и нагнулась над рюкзаком. Затем задумчиво добавила: – Действительно...

– Ха-ха, – меня накрыло смехом, да так резко, что я не выдержал и совсем лёг на пол. Кристина не выдержала и тоже

засмеялась.

Через минуту этот приступ прошёл, и мы сели на диван.

– Ну, ты дала, конечно. Как мы их есть-то будем? Сухими что ли грызть? – улыбнулся я.

– Не знаю. Я брала то, что видела, вот, – оправдалась она. – И, вообще, чего ты пристал – ничего не знаю! Сам бы забрал, раз такой умный!

– Ладно, разберёмся, – я, улыбаясь, посмотрел на часы – больше шести. Даже почти семь. – Ух ты, уже вечер.

– Да? – удивилась Кристина. – Тогда точно надо поесть!

– Согласен, – ответил я и углубился в рюкзак. – Наверное, сегодня мы тушёнку откроем.

– Ура! – обрадовалась Кристина, и я улыбнулся в ответ.

Банка тушёнки кончилась очень быстро. Как обычно, хотелось ещё, но было нельзя.

Покончив с ужином, я вскрыл плёнку на двух диванах – они оказались очень даже хорошими. Только немного сыроватыми. И расстелил на них покрывала, и ещё по три штуки оставил, чтобы накрыться. Потом пошёл ко входной двери и придвинул крепкое кресло, чтобы неожиданно никто не появился.

Мы разговорились с Кристиной, и в какой-то момент она спросила:

– А что бы ты хотел больше всего?

– Не знаю... – ответил я.

– Ты знаешь! Ты всегда знаешь! Ну! Мне же интересно!

Я задумался, а потом как-то сам собой вышел ответ:

– Встретить кого-то из той, прошлой жизни. Что была ещё до катастрофы.

– А такое бывает?

– Не знаю, – честно ответил я. – У меня была раньше примерно такая цель, но сейчас уже так не думаю. Столько людей погибло... За целый месяц мы никого не встретили – шансов встретить нет.

– А карта?

– Карта? – переспросил я, а потом понял, о чём она. – А-а, ты об этом. Карта...

Я полез в рюкзак и достал оттуда потрёпанную книжечку. Кристина подседа ближе.

– Ты об этой? – девочка кивнула. – Ну, здесь, конечно, указано что-то. Как я понял – военные лагеря. Но целый год? Я думаю, что, если всё так хорошо, мы бы давно узнали.

Кристина тихонько ударила меня в плечо.

– Почему ты такой? – спросила она. – А вдруг они ждут тебя? Ты ведь не знаешь!

– Да, но сейчас всё равно не могу проверить, – тихо ответил я. – Толку от того, что себе навоображаю...

– Почему? – уставилась на меня Кристина.

– Потому что мы с тобой очень далеко от Грима.

– А что там?

– Главный лагерь. Если что и осталось, то только там... Даже до Номира отсюда несколько недель идти...

– А на машине?

– Я не умею водить. Да и если бы умел, сама видела: одни развороченные железяки стоят, – после этого возникла пауза, и через минуту я вздохнул и продолжил: – В общем, шансы, если они и есть, то совсем маленькие. Но даже их проверить не получится. Нам сейчас к зиме надо готовиться, а не о таком размышлять.

– Если получится – мы ведь поедем? – спросила Кристина с надеждой в голосе.

– Нет, вряд ли. Нужно устроить убежище и прожить зиму – это главное. О другом даже думать не хочу.

– Но ведь это твоя семья!

– Пожалуйста, не нужно... – начал я.

– Нет! Обещай, что поедем! У меня больше никого нет... А у тебя, может, есть... Я не хочу, чтобы ты это оставлял, – у Кристины блеснули слёзы на глазах. Я понял, что не смогу ей ответить то, что она хочет услышать. В такие моменты не могу поверить, что ей всего девять. Мысли её давно уже перестали быть детскими.

Может, в этом мире больше не осталось места для детства? Хотя, какое тут детство? Тут, хотя бы, просто выжить...

– Ладно, я подумаю... – соврал я.

– Точно? – просияла она.

– Да.

Кристина резко прижалась ко мне и обняла со всей силы.

– Спасибо.

– Ну, ну, всё будет хорошо, – я гладил её по спине. – Давай спать. Нам обоим нужен отдых.

– Хорошо.

Она, лишь только сняв куртку, легла, и я укрыл её сверху тройным слоем из покрывал.

– Я буду совсем рядом, не бойся. И спи крепко – завтра тяжёлый день.

– Знаю, – кивнула Кристина. – Спокойной ночи.

– Спокойной.

Я выключил фонарик, на ощупь прошёл чуть дальше и лёг на свой диван. Сегодняшний день был странным, и очень плохим: мы потеряли удобное место и кучу еды, которой бы хватило, минимум, на пару месяцев. А теперь было всего на три дня – максимум четыре. Нужно искать всё заново...

Мысли начали плыть:

«Нужно где-то осесть... Я должен защитить её... Никто больше не умрёт...»

Среди ночи кто-то дёрнул меня за плечо, вырывая из мучительного душного сна:

– Что?..

– Можно с тобой лечь? – спросила Кристина, забираясь ко мне и прижимаясь прямо к спинке дивана.

– Что-то случилось?

– Мне страшно. Не могла уснуть, – ответила она. Маленькое тельце было очень холодным.

Я приобнял её, прижимая к себе.

– Спи... – тихо сказал я.

* * *

Прошло около недели. Оказалось, что место было очень неудачным: далеко от города (очень далеко ходить), рядом лес (некуда бежать, если что) – может, поэтому его никто и не трогал. Восставшие, будто снова чуяли нас: начали появляться рядом всё чаще. Один раз даже чудом удалось спастись от стада на выходе из города. Забор у торгового центра не выдержит такой напор – пара бегунов уже опасна. Голос тоже советовал бросить всё. Еду с каждым днём было всё тяжелее найти. Вариантов не оставалось.

– Кристина? – позвал я. Она играла во дворе. Нарисовала ещё вчера на асфальте мелкими сетку и прыгала по клеткам.

– А? – она прервала свои прыжки.

– Пойдём внутрь, поговорить надо, – я развернулся и прошёл внутрь склада, который за неделю немного переоборудовал в огромную комнату. Кое-что пришлось переставить, кое-что выбросить. Особо ничего не делал, потому что не был уверен, останемся ли мы здесь вообще.

– Что такое? – спросила она, закрывая за собой дверь.

Я уже сидел на диване. Решил перейти сразу к делу.

– Как смотришь на то, чтобы уйти отсюда?

Кристина уставилась на меня непонимающе:

– Зачем? Разве мы тут не будем всю зиму?

– Ну... – начал я. – Понимаешь, тут есть свои проблемы. Разные. И, пока ещё зима не началась, можем попытаться поискать что-нибудь получше. Мне кажется, что здесь нам будет очень тяжело.

Кристина задумалась на пару секунд, а потом улыбнулась и ответила:

– Решай сам. Я тебе доверяю, и пойду куда угодно, вот.

Я улыбнулся.

– Точно? – переспросил я. – Уверена?

– На все сто двадцать процентов! – ответила Кристина, приставив строго выпрямленную ладонь ко лбу.

– Хорошо, – я встал с дивана. – Тогда собирай вещи – мы в течение часа выходим.

Кристина пробежала мимо меня к комнате, где находились вещи. Я тоже пошёл туда. Нужно было определиться с тем, что взять с собой и куда же вообще идти.

Через десять минут уже всё было аккуратно собрано. Собирать, правда, особо было нечего – еды и так практически не оставалось. Единственное, что осталось на столе – карта.

Нужно было двигаться ближе к центру. Конечно, мы туда не успеем до зимы, но можно перебраться куда-нибудь в область, поближе. Если где и остались живые люди, то это в Гриме. Конечно, неизвестно что это за люди, но мы можем попробовать издали понаблюдать. Или обосноваться где-нибудь рядом. Если у них есть община, то, как минимум, рядом

будет безопаснее.

Кристина взяла рюкзак и пошла к столу.

– Всё? – спросил я.

– Как видишь, – улыbnулась она, приподнимая лямки рюкзака и подходя ближе, а затем с удивлением заглядывая в карту. – Нашёл что-нибудь?

Я вздохнул:

– Не особо. Нам лучше всего идти на запад, в Грим, но до него отсюда больше трёх сотен километров, – Кристина тихо ахнула. Вряд ли она представляла сколько это, но точно знала что много. – Если бы мы сразу к ней шли, так, может, уже были бы рядом. А так – наоборот.

– А что там? – Кристина уставилась на меня, видимо ожидая, что выдам какой-нибудь план, но у меня ничего путного не было.

– Не знаю... – честно ответил я, пытаясь отыскать в карте хоть что-то.

Правда была в том, что вся прямая до Грима, скорее всего, была уже разорена. Лучшим вариантом было бы пойти обходным путём, через маленькие города. С одной стороны, как назло, шёл многокилометровый заповедник. А с другой много болот. На моей отдельной карте рядом не было никаких военных лагерей: ни временных, ни крупных. Получалась фиговая ситуация.

Закрыв карту. Ничего другого не оставалось: нужно было идти до Грима по прямой.

«С чего я вообще взял, что там будет всё разорено? Если людей нет здесь – значит, они куда-то ушли. И вряд ли я первый догадался про столицу. Конечно, не стопроцентная вероятность, но это логичнее всего. Конечно, лучше бы найти машину, но как её управлять? Как её вообще завести?»

– Нашёл? – с надеждой спросила Кристина.

– Надеюсь, что нашёл, – ответил с тяжестью, закрывая карту и складывая её в рюкзак.

Мы вышли наружу. Слабо светило утреннее солнце.

– Нужно вернуться в город, поднабрать еды. Потом не получится, – сказал я, когда мы покинули наше временное убежище, которое должно было стать спасительным, но чуть не оказалось губительным. По крайней мере, мне хотелось так верить.

– Может, охота? – предложила Кристина.

– Ты сможешь? – спросил я, понимая, что она имела в виду не это.

– Нет, но...

– Вот и я не смогу.

– Но ты же убивал, – сказала Кристина. – Ты постоянно монстров убиваешь.

– Это другое, – тихо ответил я, а потом добавил: – Тем более, убить мало – нужно ещё разделать и приготовить. Это тоже не из приятных. Не хочу.

На этом наш спор кончился, и дальше мы шли молча.

Город выглядел зловеще: разбитые окна, торчащие што-

ры из окна, вывернутые ветром; где-то вдали скрипела качеля. Впереди шли двое восставших – мы быстро юркнули во двор, и пошли там, не возвращаясь на главную улицу.

Через несколько кварталов бегун вылетел из подъезда слева от меня, и с ходу напрыгнул, сбив с ног. Я больно ударился локтём о торчащий бордюр.

– Костя! – крикнула Кристина позади.

Я левой рукой удерживал восставшего за горло, затем, кое-как, откинул его ногой, ударил по гниющему лицу несколько раз ботинком, а затем, всё-таки достал из чехла нож и ловким быстрым движением вонзил лезвие прямо в лысый лоб, откуда через несколько секунд потекла чёрная жидкость.

Достал нож, вытер его о землю и засунул обратно.

– Ты в порядке? Задели? – спросила Кристина, пытаясь помочь мне встать.

Осмотрел себя:

– Вроде нормально.

– Фух, – выдохнула Кристина, – ты чуть не умер.

– Сам не ожидал, – улыбнулся я.

Мы пошли дальше. Через минут пятнадцать увидели небольшой магазин, спрятанный внутри дома – с виду едва заметный. Его двери были закрыты, а окна – целы. Там могло что-нибудь сохраниться.

– Пойдём, – сказал я, проходя внутрь дома. Кристина шла прямо за мной, не отставая ни на шаг.

Сами двери магазина оказались деревянными, старыми. Не выдержали и двух ударов – с треском распахнулись, пропуская внутрь. Я оглянулся – вроде бы никто не вылез. Можно было продолжать.

– Помнишь, что брать в первую очередь? – шёпотом спросил я.

– Консервы, воду, мясо, если оно в той специальной упаковке, да? – уточнила Кристина.

– Именно.

– А можно пару конфет взять?

– Конфет? – удивился я. – Если найдёшь не шоколадные – пожалуйста.

– Не шоколадные? – переспросила девочка.

– Они давно испортились, – пояснил я.

– Ладно, – удручённо ответила девочка. – Надеюсь, что-нибудь да будет.

Я жестом приказал остановиться на пороге. Перед нами стояли небольшие пыльные витрины. Справа был маленький проход для покупателей, и ещё меньший – для продавцов. Тесно, но зато на широких полках вмещается много товаров – выгодно. Мигом нахлынула ностальгия. Вспомнилось, как я покупал в таких магазинчиках жвачку с друзьями. Казалось бы, мелочь, а как приятно... Теперь же ничего такого беззаботного новый мир не допускал.

– Стой здесь пока. Я пойду осмотреть. Если всё нормально, дам знать, а сам пойду потом на склад. Поняла?

Кристина кивнула. Я пошёл вперёд, медленно ступая. Под линолеумом предательски поскрипывал деревянный пол. Зелёные пластмассовые бутылки с пивом так и остались стоять у стены в упаковках, никем не тронутые. На захламлённых полках плотно стояли чай, приправы, кофе. Ценники... как же это было давно. Мы давали бумажки и просто получали нужный товар, а не находили его. А за эти самые бумажки работали. Какая-то глупость, если задуматься.

Я невольно усмехнулся. Кристина удивлённо посмотрела на меня, но я ответил жестом, что всё нормально. Затем аккуратно приподнял полку и оказался за прилавком. В первый раз был здесь. Маленькие полочки внизу давно заросли плотной паутиной, едва виднелись кончики разноцветных пакетов. Пока что всё было нормально, спокойно – и это меня настораживало больше всего. Очень редко так бывает. Что-то должно пойти не так. Неважно что, но что-то.

Приподнял руку, сжатую в кулак, и разжал его. Кристина кивнула и медленно пошла в мою сторону, а сам прошёл в маленький неприметный коридор, который вёл к подсобным помещениям.

В самом начале были два боковых ответвления. Достал фонарик и осветил: швабры, вёдра, ящики – ничего интересного. После этого коридор резко заворачивал вправо, а прямо была деревянная дверь. Аккуратно дёрнул за ручку и оказался в тесном помещении, где у двери стоял умывальник, а чуть дальше, за маленькой перегородкой, был туалет.

Грязный, без стульчака. Видимо, продавцам не особо был важен комфорт.

Прошёл дальше и вышел в комнату, плотно заставленную ящиками, мешками, упакованным бутылками. Это был склад. Здесь нужно быть особенно внимательным – охотники лучше всего прячутся в таких местах.

В голове пронеслось воспоминание и лицо Лёши, когда от его, ещё живого, тела отрывали куски восставшие – уж лучше перестраховаться.

Шёл медленно, просвечивая каждый угол, каждый ящик – всё, что только мог. Здесь всё стояло в таком порядке, что получался небольшой лабиринт, и мне казалось, что шёл не просто внутрь, а что там меня обязательно ждёт Минотавр. Или какой-нибудь кубок.

– Костя! Костя!! – закричала Кристина. Даже не просто закричала, а завизжала. А после этого быстро вбежала на склад.

– Что такое? Ты в порядке?

Девочка вытянула дрожащую руку.

– Там... – тихо сказала она, со слезами на глазах.

– Что?... – едва спросил я, как услышал тихое мычание и стоны – восставшие. Из коридора шёл целый гул голосов.

Не меньше двух десятков – откуда?!

Выключил фонарик.

«Что делать?» – думал, постепенно машинально отходя всё глубже внутрь склада в надежде на то, что пластмассовые

коробки окажутся прочными стенами.

– Что делать? – тихо спросила Кристина. Я понял, что она едва сдерживала истерику.

– Я... стой сзади, – сказал я, и тут же вспомнил: – Пистолет. Достань пистолет.

– Откуда? – спросила девочка в панике, шаря по моему рюкзаку.

– Там, в маленьком кармане, на дне.

– На дне? Да... держи, – Кристина быстро вытянула пистолет и протянула мне. Взял его и выставил перед собой. Руки предательски дрожали. Металл отдавал мелким стуком.

– Не бойся, – я прикрыл левой рукой Кристину, заводя за себя, а правой держал перед собой оружие. Этот жест был скорее для себя, чтобы отвлечься от страха.

Было темно, а мычание и стоны лишь становились ближе, и, казалось, что их и самих становится всё больше. Послышался шум и возня, будто что-то упало.

Через несколько мгновений упёрся спиной в стену. Идти дальше было некуда. Обернулся.

– Ты только не бойся, ладно? – тихо сказал я, пытаюсь улыбнуться. Я едва видел очертания лица Кристины в тех крохах света, что проникали сюда сквозь ржавые дырки в металлических листах. По её личику текли маленькие слёзы. Я их быстро вытер и проговорил дрожащим голосом слова, в которые не верил: – Мы прорвёмся. Не бойся.

– Мне страшно. Пожалуйста, не умирай, – она едва дер-

жалась, чтобы не зарыдать.

– Мы выживем. Обязательно выживем. Только не плачь, ладно? – приподнял её головку и посмотрел в глаза, пытаясь утешить.

– Обещаешь? – тихо спросила она, глотая страх.

– Обещаю. Я тебя ни за что не брошу, – ответил я и отвернулся, как только увидел на её лице улыбку.

– Я тебе верю.

Вот только я себе не верил.

«А я тебя предупреждал, – раздался Голос. – Ты знал, что так и будет. Что собираешься делать? Дело совсем плохо.»

И без него понимал, что всё не просто плохо – оно очень херово. Листы были слишком толстые, чтобы их пытаться пробить, а других выходов никаких не было. Тяжело дышал, ожидая ходячую полумёртвую смерть, которая становилась всё ближе, пока, неожиданно не прозвучал выстрел, а затем ещё один, и ещё очередь. Прозвучал резкий вой крикуна, а затем новая очередь успокоила и его.

Никто больше не мычал.

– Что?.. – тихо спросила Кристина. Приложил палец к губам. Девочка молча кивнула. Приготовил оружие. Вдалеке слышались голоса:

– Бляха, как их много-то было. Я чуть не обосрался, – заржал какой-то мужчина с грубым голосом.

– Димон, успокойся. Сначала обшарим тут всё, мало ли что ещё осталось, а там уже и поржём, – новый голос звучал

монотонно, и что-то мне подсказывало, что принадлежал он лидеру.

– Как скажешь, босс! – резко ответил первый мужик.

– Барсук, Миха, шуруйте на склад – гляньте, чё там. Чуть что шевелится – шмаляйте, – приказал «командир» и две пары шагов начали к нам приближаться. Кристина испуганно смотрела на меня, но я придерживал ей рот рукой.

– На тебе, сука, – раздался новый грубый голос, а затем прозвучал выстрел.

– Не трать патроны, – тихо сказал другой, тоже новый. – Хер потом их найдёшь.

– Как думаешь, всех вальнули?

– Да хер его знает. Я пойду дальше, а ты тут посмотри.

Один из них становился всё ближе. С каждым его шагом у меня всё быстрее билось сердце, а ладони взмокли.

Когда он приблизился настолько, что был всего в нескольких шагах, я резко вынырнул из укрытия, держа перед собой пистолет. Передо мной стоял высокий мужчина в чёрном пальто, длинной грязной бородой и такими же волосами.

– Что за... – бросил он и наставил на меня пистолет.

– Барсук, чё такое? – спросил другой, в конце склада.

– Ты ещё что за чёрт? – тихо спросил меня длинный мужчина. Его и звали «Барсуком».

– Не твоё дело. Скажи своим, чтобы мы прошли, – ответил я. – Мне ваша кровь не нужна – давайте просто разойдёмся.

– Ещё раз повторяю: ты кто такой, сука? – повторил Бар-

сук, взводя курок. Я понял, что он не шутит и уйти просто так не даст.

– Не понимаешь? Тогда веди меня к главному, – тихо ответил я, едва сдерживая дрожь. Так хотелось сейчас посмотреть на Кристину, но нельзя было отводить глаза. – Иначе твой друг с пола мозги собирать будет. Может и меня зацепишь, конечно, но не думаю что тебе самому надоело жить.

– Не надоело, – только и сказал Барсук. Я держал пистолет наготове, но и он – тоже.

Подбежал второй мужчина. Чуть выше меня, с залысиной и небольшим пузом, в вязаном свитере и джинсах. У него через плечо висел «калаш». Видимо, это и был «Миха».

– Не шутя, – быстро сказал он и кивнул на меня, поднимая ствол автомата. – Где ты его нашёл?

– Ведите меня к главному, – повторил я.

– Малой, никуда я тебя не поведу, – тихо ответил Барсук. – Сейчас я тебе объясню расклад...

– Не надо. Я знаю, что ты хочешь сделать, но не надо. Ты в прошлый раз уже чуть не отвалился. Давай к Толян уведем, пусть сам решает, – сказал Миха.

– Толян ясно сказал убивать всё, что шевелится.

– Не про это разговор был. Не надо. Если хочет – пусть идёт, разговаривает. Эй, – второй мужчина обратился ко мне, – пушку отдай – и отведем.

– Не пойдёт, – сказал я. – Я вам пистолет отдам, и вы меня пристрелите сразу.

– Смотри-ка, а малой не тупой, – улыбнулся Миха. – Но и мы – тоже. Пускать тебя с пуколкой не будем. Послушай, мой друг, – он кивнул на Барсука, – ждать не любит. Выбирай сам: либо он тебя прихлопнет сейчас, либо ты дашь пушку, и я обещаю тебя провести к Толяну.

– Миха, успокойся. Какая разница, от их разговора? Мочканём его – и дело с концом, – прошипел Барсук. Скорее даже «просипел».

– Нельзя, – мотнул головой Миха. – Мы не знаем, что за кореша у него могут ныкаться. Это сейчас он один, а прихлопнем – и ещё десять появятся. Ты посмотри на него – такой малой, а с пушкой уже обращается будь здоров, – после этих слов он кивнул на меня и протянул левую руку: – Ну, так что, малой, идёт?

«Не нужно. Убей их. У тебя полная обойма. Не думаю, что их там много – убьёшь всех», – сказал Голос.

Его предложение было манящим, но не мог. Слишком большой риск.

Протянул рукоятку Михе.

«Ты ещё пожалеешь об этом, но помни: я тебя предупреждал», – сказал Голос.

Ему легко говорить, а выбор-то всегда остаётся за мной. Нельзя просто так убивать людей направо и налево. Да и я ведь был не один...

– Умный малый, – сказал он. – Иди вперёд, мы сзади будем.

– Кристина, пойдём, – я кивнул ей на выход, протягивая руку. Кристина взялась за мою руку и поднялась. В её глазах стоял страх. – Не бойся, я рядом.

Мы прошли вперёд.

– О-о, да он ещё и сестру таскает, – сказал Миха, а потом ткнул меня дулом автомата в спину. – Лады, шуруй.

Мы с Кристиной пошли вперёд. Она крепко сжимала мою руку. Её пальцы были такими холодными... На полу лежали подгнившие трупы восставших, через которых мы аккуратно переступили. Практически все выстрелы, что успел разглядеть, пришлись в голову – очень метко. Правильно сделал, что не стал тут стрелять – вряд ли у меня тут были шансы.

– Толян, тут такое дело, – начал Миха. Мы вышли в небольшой зал магазина. Здесь стояло ещё четыре человека.

– Что? – спросил высокий крупный мужчина с бритой головой, в кожаной куртке. Он обернулся и посмотрел на нас оценивающим взглядом. Даже на мгновение не удивился. – Вас одних пошли – так вы целый город насобираете живых, – а затем кивнул на Кристину, – ещё и с детьми. Откуда это?

– Прикинь, за ящиками ныкались. Потом с пуколкой появился, на нас наставил, и говорит, мол, ведите меня к главному, – теперь на нас ещё больше людей направило свои оружия.

– Пряма так и сказал? – переспросил без эмоций Толян.

– Ага.

После их разговора здоровяк повернулся ко мне:

– Ну, я главный – чё хотел?

– Давайте просто мирно разойдёмся. Мы не хотим причинять никому вреда. Просто пытаемся выжить, и всё, – сказал я, как можно твёрже, но получалось не особо.

– Разойтись, говоришь? – повторил задумчиво Толян. – Смешно. Мы вас отпустим, а потом вы ночью бац – и грохнете всех. Не, так не пойдёт. Да и что вы сейчас можете? Мы тут все как при параде, а у вас ни пиджака, ни рубашки. Миха, что там за пушка-то была?

Миха подкинул небольшой чёрный пистолет и Толик ловким быстрым движением его поймал, а затем нацелил на меня:

– Неплохая вещица, – сказал он, смотря через мушку. Достал магазин, посмотрел. – Знаешь, подумал, что-то в тебе есть. Ссышь, конечно, – а кто бы не ссал на твоём месте? – но что-то есть. Как будто огонь какой-то – интересно, конечно. Жаль тебя убивать. Не люблю вообще детей убивать.

Всё это он проговорил монотонно, целясь мне прямо в голову, а затем резко убрал пистолет.

«Если нельзя уйти – иди с ними. Попробуй», – сказал Голос.

– Если нельзя уйти, то, может, нам по пути? – выдавил я из себя. Кристина крепче сжала мою руку.

Толян на несколько секунд пристально уставился на меня, а потом ответил:

– С нами? Нахера?

– Жить хочу. Сестра у меня маленькая. Достаточно причин.

Толян несколько секунд думал, а затем ответил:

– Лады, – сказал он.

– Но, – сказал Барсук. – Это же вафел какой-то. Нахера нам лишний рот?

– И? – спросил Толян, как-то угрожающе посмотрев на него.

– И то... – Толян не дал ему договорить, резко ударил в живот, сгибая длинное тело пополам.

– Я сказал «пойдёт» – значит пойдёт. Усёк? – свирепо проговорил он, склонившемуся от удара Барсуку.

– Да... – прохрипел он.

Затем Толян поднялся и посмотрел вокруг.

– Ещё кто? Вопросы? – снова монотонно тихо спросил он. Все с улыбками смотрели на Барсука, но никто ничего не сказал. – Значит, порешали, – и повернулся ко мне: – Если какие-нибудь фокусы выбросишь – пожалеешь, что мать родила, – сказал Толик мне. Я тяжело сглотнул и кивнул.

Этот мужчина пугал, но иного выхода не было. Пока что, идти с ними было единственной возможностью спастись. А там дальше уже видно будет.

Барсук тихо встал и пошёл к складам. Он злобно поглядывал на меня – я приготовился, нужно быть готовым ко всему. У меня всё ещё оставался нож.

– Продолжаем шмонать магаз. Через минут пятнадцать

шуруем на выход и по коням, – отдал приказ Толик. Все разбредлись, а мы с Кристиной так и остались стоять. – Персонально отправить?

– Нет, но... – начал я.

– Вот и пшёл. Ты теперь с нами, или я неправ? – я без слов приступил к делу и начал наполнять рюкзак.

Мы с Кристиной отошли чуть в сторону. Она держала рюкзак, а я нагружал.

– Мне это не нравится, – тихо сказала Кристина.

– Мне тоже, но у нас нет выбора, – я заметил, что она дрожит. – Не волнуйся. Мы что-нибудь придумаем. Чуть что – просто сбежим.

– Хорошо, – она легонько кивнула.

Через пятнадцать минут все собрались, и мы вышли на улицу. Кто-то даже нёс огромные мешки с макаронами и крупами.

Перед входом стояли две вручную бронированных машины: чёрный и тёмно-синий внедорожники. Обе устрашали своей бронёй: усиленный капот, с засохшим тёмным месивом, и металлические пластины на окнах.

– Куда этот детский сад сгрузим? – спросил грубым голосом крепкий высокий мужчина, который постоянно улыбался.

– Пусть к Кире в тачку лезут, – ответил Толян, и нас повели к тёмно-синей машине, в крыше которой даже располагался небольшой самодельный, грубо вырезанный, люк. –

Дима, ты с ними иди. Проследи, чтобы всё нормально было.

– Ладно, командир. Как скажешь, – улыбнулся Дима, затем чуть обогнал нас и открыл дверь: – Сэр, карета подана.

Мы с Кристиной пролезли на заднее сидение, затем залез и Дима. Внутри оказалось тесно.

– Сели? – рявкнул водитель спереди. Я пока ещё не знал, кто это.

– Трогай. Смотри, Толик уже рванул, – ответил Дима. Машина с рёвом завелась, и двинулась с места.

Всю дорогу Дима молчал, смотря в окно. Уже давно было за полдень.

Мы остановились где-то через час. Перед нами, прямо посреди леса, был самодельный деревянный забор.

– Приехали, – тихо сказал Дима и вышел из машины, недовольно пробурчав на ходу: – Вылезайте.

– Идём, – тихо сказал я Кристине, и мы полезли наружу.

Все уже стояли перед небольшими металлическими воротами. Наверху, в смотровой вышке, стоял человек, пристально держа нас на прицеле.

– Отбой. Эти с нами, – сказал Толян. Дозорный опустил ружьё.

Снова это неприятное ощущение, когда твоя жизнь в чужих руках.

«Но ведь ты сам уже забирал жизни», – сказал Голос.

– Это другое, – машинально ответил я.

– Что «другое»? – обеспокоенно спросила Кристина.

– Ничего, – быстро оправдался я. – Просто задумался.

Ворота распахнулись, запуская, но как только мы все оказались внутри – захлопнулись. Периметр этого лагеря оказался небольшим. У ворот была лестница, а рядом с ней, примыкая к стене, стоял небольшой сарай. Напротив, был ещё один, и он напоминал деревенский туалет. В центре же был огромный котёл. Вдоль дороги стояли деревянные дома.

К нам подошёл Толян.

– Милости прошу, к нашему шалашу, – сказал он без тени улыбки. Я скривил лицо, в попытке улыбнуться. – Кидайте шмотки, где хотите.

– Мы будем жить отдельно, – сказал я. Толян пристально посмотрел на меня.

– Отдельно? В отдельной хате? – сказал он.

– Я думал, тут есть, – чуть заикаясь ответил я.

– Ах, думал, значит?

– Не надо, Костя, – дёрнула меня за рукав Кристина.

– Ну, мне казалось... – начал я, но не успел договорить, как резкий удар в лицо свалил меня на землю. Во рту сразу же начало слегка горчить, и я почувствовал металлический привкус. Сплюнул – кровь. Левая часть лица, казалось, была полностью разбита.

– Так вот, малой, когда кажется – креститься надо, – сказал Толян, потирая руку. Мой левый глаз тяжело открывался. Он развернулся и бросил на ходу: – Киря, определи их куда-нибудь.

– Куда? – спросил высокий, под два метра, мужчина в длинной куртке до колен.

– Меня ебать не должно «куда». Я сказал – ты нашёл, – и ушёл в один из домов.

Мужчина почесал голову, а затем пошёл к сараю и вышел через несколько минут.

– На, – он протянул ключи. Киря пошёл в сторону.

– От какого дома? – спросил я.

– Того, – ответил он, указывая на дом у стены, и пошёл в тот же дом что и Толян.

Простоял ещё минуту, пытаясь прийти в чувство, а потом Кристина меня одёрнула.

– Сильно болит? – она легонько дотронулась до щеки – больно кольнуло, я непроизвольно скривился, и она одёрнула руку.

– Нормально, – тихо сказал я и постарался сменить тему: – Пойдём в дом. Надо ещё посмотреть что там.

Мы прошли к нашему дому мимо того, где собралась вся «компания». Они уже начали пить.

Ржавый замок сначала не поддавался, но через несколько минут всё-таки щёлкнул и дверь открылась.

– Постой здесь, я быстро осмотрю – мало ли. Кристина кивнула.

Зашёл внутрь. На столах и подоконниках лежал толстый слой пыли. В первой комнате оказалось пусто. На кухне – тоже. Это был небольшой домик.

– Заходи, – сказал я Кристине, и она зашла внутрь. – Теперь можно поговорить.

Кристина прошла к столу и поставила рюкзак. Она подошла и залезла на старую кровать.

– Извини, что так получилось, – начал я. – Постараюсь что-нибудь придумать, но пока нам лучше здесь остаться. Потерпи пару дней, ладно? – Кристина кивнула. – Мы обязательно уйдём – просто, пока есть возможность, лучше детальнее продумать «куда» и «как». Я никому не дам тебя в обиду.

– Обещаешь?

– Обещаю, – твёрдо сказал я.

– Хорошо. Тогда я тоже буду держаться, – сказала Кристина. – Мы ведь вместе друг за друга, как мушкетёры!

– Конечно, – сказал я. – Ты – всё, что у меня осталось.

Подошёл и лёг рядом. От кровати поднялась пыль и я чихнул.

– Будь здоров!

– Буду, – ответил я, с улыбкой.

Кровать была холодная.

– Завтра всё продумаем, а затем выберемся, – сказал я больше себе, чем Кристине. – Обязательно выберемся.

День 434

— Идём? – спросила Кристина.

Посмотрел в деревянное окно: на улице, медленно и размеренно, падали снежинки. Они плавно спускались, пританцовывая, а затем ложились на землю, плавно образуя слой за слоем.

– Куда? – спросил я, поднимаясь со старой ободранной кровати.

– Я первая спросила, вообще-то. Нельзя вопросом на вопрос отвечать, – она отошла от деревянного шкафа и пошла к выходу.

– Да-да, идём-идём. Но... куда? – немного растерялся я.

Девочка остановилась, развернулась, и раздражённо посмотрела на меня:

– Да как это «куда»? Вперёд! Сколько раз говорила! Раз за разом! И всегда ты спрашиваешь!

Опешил.

– Когда я это спрашивал?

– Всегда, – коротко ответила Кристина, подошла к двери, и открыла её, впуская внутрь потоки холодного воздуха. – Идёшь?

Молча вышел за ней. На улице было светло и очень тихо. Ещё и солнце светило, которое, отражаясь от снега, практически лишало зрения. Сугробы оказались небольшими, по

щиколотку. Снег хрумкал под ногами.

Хрум-хрум, хрум-хрум

– Хорошо. Если ты не говоришь «куда» – скажи, хотя бы, «зачем»! – не унимался я. Кристина шла впереди, не давая себя обогнать.

– «Зачем», «куда», «почему», «как» – зачем тебе вообще это знать сейчас? Будто ты перестанешь идти и будешь стоять... Ну даже если остановишься ты – и что? – она выждала несколько секунд. – И ничего. Возьмёшь и догонишь.

Мы шли мимо старых полуразрушенных домов – какая-то деревня. Даже названия не помню. Все знаки на домах были тщательно стёрты.

– Почему ты так настойчиво не хочешь мне говорить? – девочка молчала. – Кристина! Скажи мне!

Она резко остановилась, развернулась и я увидел на её лице замёрзшие слёзы.

– Ты это хотел увидеть, да? – плакала она. Новые капли, стекая, сразу же застывали. – Доволен?!

Отступил на шаг.

– Почему?

– Да потому, Костя! Всё лишь «потому»! Причина всегда одна и та же! Ты! – она толкнула меня со всей силы, и я упал, случайно закинув на лицо холодный снег.

– Я... Я не понимаю, – говорил я растерянно. – Что происходит?..

Тут раздался новый голос. Монотонный, тихий, ужасаю-

щий:

– Ты никогда ничего не понимал.

И появился мальчик.

– Я же тебе говорил, Костя, а ты никогда не слушаешь. Он ведь не слушает? – обратился мальчик к Кристине – та кивнула. – Вот видишь.

Я непонимающе смотрел на них, пока не появился высокий обритый мужчина.

– Пойдём, – сказал он Кристине. Она молча посмотрела на меня заплаканными глазами.

– Ты ведь обещал... – осуждающе, с отчаянной мольбой, сказала девочка, повернулась и пошла за руку вместе с мужчиной.

– Стой! – вытянул я руку, попытался подняться, но тело не слушалось. – Нет! Стой!

Мальчик смотрел на меня укоризненно, но, одновременно, и с какой-то грустью:

– Эх, Костя, я же говорил. Ты знал. И всё равно наступил на эти грабли. Я уж думал, что ты повзрослел.

Я пытался подняться, и, кое как, мне это удалось. Но их след уже пропал.

Снегопад усилился, поднялся ветер.

– Кристина! – кричал я, но ответа не было. – Кристина!!

Я не мог потерять ещё и её.

«Нет...»

Побежал вперёд, как мог, пытаюсь найти следы на снегу,

но они привели лишь к каким-то замёрзшим зарослям, где резко обрывались. Я упал на колени, дрожа от холода и слёз.

– Нет! Нет... Сука! – я с силой ударил вниз – лёд подомной треснул, и я тут же оказался в ледяной пучине, которая затягивала внутрь всё сильнее с каждой секундой. Через несколько секунд полностью скрылся.

Было темно. Холодно. Одиноко.

«Зачем я здесь?.. Кто я?.. Что это за место?..» – проносились мысли без ответа.

– Ты должен выжить! – раздался голос откуда-то. Голос строгий, но в нём была нотка теплоты. – Должен прожить жизнь за нас обоих! Костя, ты ведь помнишь?

«Костя?.. Кто это? Я, что ли?.. Я... кто я?.. Вроде бы, я... Да... Я – Костя. Или нет?.. Нет... Точно! Моё имя Костя Рудвенов», – пронеслось в голове.

Резко двинулся и вынырнул, оказавшись на берегу реки. Было темно, но вода оставалась тёплой. Вылез и упал на колени, с силой прокашлялся, чтобы остатки речной воды вышли из желудка.

– Сука... – сказал я тихо, и тут же услышал чей-то смех сверху.

Встал, пошатываясь, и полез наверх, на вершину крохотного берегового обрыва – туда, откуда шли звуки жизни.

Поднявшись, увидел вдали несколько силуэтов среди деревьев у костра. Пошёл к ним.

– О, Женька, послушай... – говорил знакомый голос. Вы-

сокий парень в белой спортивной одежде и кепке. Он резко обернулся и его, прежде смеющееся лицо, исказилось удивлением. – Костя?..

* * *

— Эй, малой, спишь? – спросили, открывая дверь и впуская холодный, пробирающий до костей, холод. Это был Дима. Он прошёл, спустил рюкзак и поставил его на пол.

– Закрой дверь, а... – пробубнил я. Дома и так было холодно – огонь в печке давно потух.

– Разбирайте, короче, – сказал он, развернулся и на выходе добавил: – Через час, чтобы был собран – едем в город.

– Зачем? – протянул я.

– В кино, блять, сходить! – резко ответил он. – Пожрать набрать – места много, а зима идёт. Жрать-то все хотят – не только ты.

– Постой! А можно с нами сестра моя поедет? – спросил я в надежде. Прошёл месяц или два (даже точно не знаю), а мы так и не сбежали – некуда, и до города далеко через леса идти. У меня-то часто выпадала возможность, но Кристина всегда оставалась с ними.

– Да как же ты меня заебал уже с этим вопросом... – устало ответил Дима, выдыхая светлый пар изнутри. – Нет. Нельзя.

– Почему? – спросил я.

– Я тебе уже тысячи раз отвечал: нехер ей там делать, ясно? Только под ногами путаться будет. Хочешь, чтобы она сохла, да? Заебись ты брат. Я такого бы себе не хотел, – ответил Дима и вышел.

Понимал, о чём он, и при других обстоятельствах был бы согласен, но не сейчас – а кто бы согласился? Тем более, что он мог специально давить на мою ответственность.

Сел на кровати, тихо скрипнула пружина: что делать?..

– Костя? – спросила тихо Кристина, спавшая рядом. – Что такое?

– Ничего, спи, – обернулся я, улыбаясь и поправляя одеяло над ней.

– Кто-то заходил, да? – она укуталась в одеяло и стала похожа на огромного младенца.

– Да, ну, это Дима был, – быстро ответил я.

– И что?

Я молча посмотрел на неё, надеясь, что отвечать не придётся, но её взгляд говорил сам за себя: выкладывай.

– Я еду сегодня в город, – тихо сказал я.

– Один? – с грустью спросила девочка.

– Один.

Она накрылась с головой и отвернулась к стене. Я тихонько дотронулся до неё.

– Кристина... я найду выход, – сказал я.

Девочка не отвечала.

– Не переживай. Серьёзно. Мы скоро уйдём. Потерпи, по-

жалуйста.

Она повернулась и выглянула из одеяла. В её глазах стояли слёзы.

– Я верю, но мне страшно... Они... они так смотрят...

– В смысле? – спросил я.

– На меня. Смотрят на меня, – тихо ответила Кристина.

Возникла пауза. Я подскочил, но не знал, что сказать. В голове была невыразимая буря, которую я сам не понял.

– Не бери в голову, – сказала Кристина, улыбаясь как-то холодно. – Я потерплю. Ничего не случится.

– Кто? – спросил я. – Назови мне кто это.

– Какая разница? Зачем? – спросила Кристина.

– Затем! – ответил я. Во мне кипела злость. – Скажи мне, и я... я не дам тебя обидеть. Убью нахер этого урода.

– Вот поэтому и не говорила, – сказала Кристина. – Ты меня тоже пугаешь... Сядь, пожалуйста. Не нужно убивать.

– Но...

– Я надеюсь на тебя. Ты сможешь придумать что-нибудь. Мы как-нибудь тихо сбежим, но позже, – улыбнулась Кристина, вытирая слёзы. – А за меня не волнуйся. Пока ничего же не случилось?.. Что со мной случится, когда ты рядом? Они побоятся... – она вылезла из-под одеяла и раскинула руки.

Сел обратно и крепко её обнял. Маленькое тельце было таким тёплым...

– Всё будет хорошо, – сказала она.

– Обещаю, – сказал я. Снова встал с кровати, надел холодные джинсы, кофту, куртку.

Очень холодно...

– Что принесли? – спросила Кристина

– Точно, – вспомнил я про рюкзак, который скромно стоял у входа. Подошёл, раскрыл его, порылся – внутри оказался пакетик с мясом (даже не знаю, откуда оно взялось, но запах был нормальным), литровая бутылка воды, пару консервов. – Консервы, вода, какое-то непонятное мясо, – при этих словах я приподнял над собой пакетик. С него капала кровь.

– Мясо? – удивилась Кристина. – Откуда?

– Не знаю, – с этими словами я аккуратно положил пакетик на стол, который был рядом со входом, затем и всё остальное достал, положив рядом. – Не думаю, что это выдали на один день – будем экономить, хорошо?

– Ладно, – кивнула Кристина, тихонько выбираясь и, подрагивая от холода, надевая одежду.

Отошёл к печке, что находилась за стеной – там когда-то была кухня – и, закинув пару маленьких дров, принялся потихоньку разжигать костёр. Крохотные язычки огня, будто маленькие дети, медленно и неуверенно, как бы спотыкаясь, росли, поглощая всё больше щепок, пока не стали достаточно сильными для маленьких поленьев. Вот после этого особо можно и не следить – только вовремя подкидывай топливо.

Потрогал печку – камень потихоньку нагревался. Закинул ещё пару дров и вернулся в зал. Кристина уже достала вилки

и подготовила тарелки – не знаю, зачем она их вообще моет и убирается, если мы собираемся отсюда уйти.

Да и не всё ли равно? Помыл ты вилку или нет – взял другую. Мир перестал принадлежать кому-либо – бери, что хочешь. Но нет. Она, всё равно, упорно моет посуду за нами и убирает дом.

«Ещё бы ты понимал... – сказал Голос. – Она хочет, пока есть возможность, жить по-прежнему».

Подошёл к столу, взял открывалку и вскрыл большую банку консервов – изнутри пахло странным сочетанием: мясо и железо. Отложил половину себе на тарелку, а другую – Кристине. Мы с жадностью принялись за еду, которой было всё меньше с каждым днём.

Казалось, что с каждой вилкой дом наполнялся теплом.

– А куда именно ты поедешь? – спросила Кристина.

– Не знаю, – ответил я и улыбнулся: – Думаю, очередной супермаркет.

– Снова в Кургутию?

– Не думаю. Там если что и осталось – этого совсем мало, – ответил я и подытожил: – Сама же видела. А сколько раз мы ещё туда ездили потом? Так что... нет. Возможно, снова, как на прошлой неделе, в Крувию.

– Так туда же ехать около часа, – удивилась Кристина.

– Выбора особо нет. Город почти нетронутый стоит. Нетронутый... – повторил я, вспомнив то, что люди моментально исчезли.

«Это действительно было странно. Конечно, восставших было много, но как-то это не сходилось. Живых-то людей было в сотни раз больше, если не в тысячи. Куда же всё пропало?.. Не могло же оно вот так взять, и за пару месяцев сгинуть?.. Или могло?»

«Убили друг друга, да и всё. Ты и сам двоих убил. А подумай, если каждый двоих убьёт? А если десять? И при этом сам станет одним из десяти других?» – сказал Голос.

Я доел и, взяв тарелку, пошёл на кухню.

– Оставь там, я потом сама, – сказала мне вслед Кристина, и я поставил тарелку в раковине. Рядом было ведро с водой. Большое такое ведро, железное.

Вышел в зал, подхватил рюкзак.

– Уже пойдёшь? – Кристина всё ещё не доела. Она любила есть медленно, тщательно разжёвывая пищу. Даже ругала меня иногда, говоря, что на желудок большая нагрузка. Иногда кажется, что это мне девять лет, а ей – семнадцать, если мне уже столько...

– Да. Пока соберёмся... и все дела, в общем. Я пошёл. Пока, – сказал я, выходя.

– Удачи! – воскликнула Кристина мне вслед, а затем быстро добавила: – Привези мне что-нибудь!

– Обязательно, – улыбнулся и вышел на улицу.

Вокруг толстым неплотным слоем лежал свежий снег. Из рта серым облаком вырывался пар. Прошёл мимо окон по двору, к дороге, по следам, которые оставил Дима.

«За ночь снова намело...»

Деревня, в которой мы жили, была небольшая – около десятка домов всего. Видимо, это раньше было деревней, но потом началась перестройка под дачный посёлок, но только не всё успели закончить. Зато везде были заборы из тонких металлических пластин, пластиковые окна, почти все дома с слайдингом и въезды сюда закрывались при желании – в общем, в теории довольно уютное должно было стать место, и дорогое. Даже жаль, что хозяева так его и не дождались.

Мы с Кристиной жили в маленьком кирпичном домике, совсем в конце улицы. Возле входа была маленькая прихожая, а затем сразу шёл большой зал, к которой примыкала маленькая кухонька, где стояла печка. В общем, совсем маленький домик старого образца.

Достал из рюкзака пачку сигарет, которую прихватил несколько дней назад в одном из рейдов – даже не знаю, зачем это сделал. На ней был изображён синий круг с двумя перекрёстными сигаретами и надпись: «Борусия-1» – такие мой брат курил, когда в школе учился. Помню, мама сильно его ругала, когда узнала. Я тогда ещё только после младших классов вышел. Как же это было давно... Как-то пообещал Кристине не курить никогда. Но эту пачку зачем-то прихватил, и с тех пор она лежит у меня в рюкзаке, закрытая. Ещё немного подержал её в руках, а затем кинул обратно. Курить совсем не хотелось, но и выбросить её не мог. Пусть будет.

Подошёл к северным воротам – совсем рядом стояли два

внедорожника. Толик, Дима и Кирилл о чём-то тихо разговаривали, стоя вместе.

– Что такое? – спросил я, подходя. Разговор резко прекратился.

– Ничо, – ответил Дима. – Залезай к Толяну в тачку, и погнали.

– Вчетвером поедем?

Не очень мне хотелось в такой обстановке оставлять Кристину. Особенно с Барсуком – он меня бесил больше всего.

– А что? – спросил грубо Дима, во время того, как они рассаживались по местам. – Нам чё, всей гоп-шарагой ездить или как? Может ещё и срать ходить будем вместе, как девочки маленькие?

– Нет, – опешил я. – Просто спросил.

– «Просто спросил», – передёрнул меня Дима и выдохнул тяжело: – Бля, малой, не беси. Лезь в тачку и не еби голову.

Я молча забрался на заднее сидение. Барсук быстро осмотрел дорогу за воротами и, убедившись, что ситуация нормальная, спустился вниз и открыл ворота, выпуская нас. Мы промчались мимо, и закрывшиеся мигом ворота становились всё дальше и дальше. Кирилл молча вставил потрёпанную кассету в старенькую магнитоу, и мы ехали до города под шансон. Пелось, как я понял, про войну.

Дорогу стеной окружали деревья, а по заснеженной дороге ехать быстро не получалось.

Примерно через час лесополоса кончилась, и нам открыл-

ся город впереди, вокруг которого будто и не было ни одного дерева – сплошные, покрытые снегом, поля. Небольшой монумент в виде треугольника с надписью «Добро пожаловать в Крувир – город больших надежд» обвалился сверху, где должна была идти верхняя бетонная балка, и осталось что-то вроде английской буквы «V».

Чуть в стороне, справа, виднелись потемневшие от времени зелёные плиты магазина. Большой логотип на стене «Дюрасинка» говорил о том, что это один из магазинов когда-то успешной сети, раскинутой по всей стране. Толик повернул туда и подъехал к входу, оставив машину на бордюре, напротив.

– Вылазим, дамочки, – сказал он, вылезая из машины.

Мы все выбрались на улицу. Дыхание морозного воздуха ударило в лицо, вызывая неприятное покалывание. Вокруг было тихо и спокойно. Кроме слабо несущегося ветра ничего не смело нарушать гармонию. У меня неприятно свело живот – не нравилось мне это, слишком тихо. Мы подошли к багажнику.

– Хватайте всё, что плохо лежит, – сказал Толик, схватывая за дуло автомат и подтягивая его к себе.

– Шмалять можно? – улыбаясь, спросил Дима.

– Во всё, что херово двигается, – ответил Толик и посмотрел на часы. – На всё про всё у нас часа два.

– А если люди? – спросил я.

– Смотреть по обстоятельствам, – ответил Толик. При

этих словах Дима улыбнулся.

Мне выдали пистолет, и мы пошли к магазину.

Я встал настороже, внимательно вглядываясь в белоснежное покрывало, что устилало землю. Солнце медленно проходило зенит, будто совсем не двигалось. Было такое ощущение, будто весь мир замер. В такие моменты кажется, что всё это лишь чей-то глупый сон. Вот же, он, мир, спокойный, без опасностей – только живи и радуйся. А потом чьи-то гнилые зубы резко впиваются в твою ногу, пробивая штаны и отрывая кусок кожи...

– Чего встал? – спросил Дима, стоя у двери. Все уже вошли внутрь.

– Сейчас, – ответил я.

Внутри было достаточно светло – внутрь, сквозь большие окна, проникало много света. На полках у кассы лежали разные жвачки, конфеты, батончики. Рюжика улыбающегося медвежонка, который надул большой шарик из жвачки, смотрела на меня с упаковки, весело подмигивая – взял её и положил в карман.

«Думаю, Кристине понравится».

– Лучше поделимся, – предложил Толик. – Я здесь пошарю, Димон – ты в мясной, Кирилл – на склад, а ты, – он посмотрел на меня, – идёшь на другую часть склада, подальше.

– Один? – удивился я.

– А чё? – спросил Толик. – Пушка есть, глаза – тоже. Или ты, как целка, испугался?

– Нет, но...

– Значит, нехуй тут нюни разводить. Пошёл.

Я двинулся на дальний склад, достал фонарик. В холодильниках по сторонам давно всё сотни раз растаяло, смешалось и снова замёрзло. В итоге, там сейчас была какая-то непонятная каша из этикеток, масла, рыбы, мороженого и ещё неизвестно чего. И посреди этого была огромная крыса, которая безжизненно смотрела изо льда – она даже не поняла, что произошло с ней на самом деле. И никогда не поймёт.

Аккуратно ступал, просвечивая каждый угол и пространство под всеми холодильниками, где встретил лишь ещё пару мышей, которые, издав тонкий тихий писк, убежали куда-то вглубь самого здания по скрытым проходам. Приоткрыл двери и зашёл на склад, где стенами стояли ящики, коробки с разными крупами, макаронами, напитками и банками. Здесь были целые коробки с растаявшим, а потом застывшим, шоколадом – по краям были видны следы от крохотных зубов.

Было холодно, и каждое поскрипывание или случайный скрежет нагоняли страх, будто по сердцу кто-то водил ржавым гвоздём. Хотелось бежать отсюда назад, на свет, но я шёл вперёд, в густые объятия темноты. Кучи коробок выглядели особенно опасными.

Но вот я дошёл до конца небольшого склада, всё ещё раз тщательно проверив, и ничего не обнаружил.

«Вроде как, безопасно».

Я развернулся и услышал позади непонятные обрывки

разговоров. Пошёл быстрее, и у самой двери уже мог кое-что расслышать:

– ...луйста, нам немного нужно, – говорил мужской голос жалобно. – У меня жена... в машине.

– Послушай, браток, – я узнал Димин голос, – езжай по-хорошему.

Пошёл быстрее и увидел в конце зала, возле входа, свою трицу, и ещё одного неизвестного высокого мужчину в грязной, когда-то белой, куртке.

– Будьте людьми, пожалуйста... У нас уже неделю ничего не было!

– Что такое? – спросил я, когда подошёл.

– Не твоё дело, – ответил Дима. – Толик, что делать будем?

– Уведите малого отсюда сначала, – сказал Толик размеренно и монотонно, даже не посмотрев в мою сторону. – Сейчас разберёмся.

Дима развернулся и схватил меня за руку, потянув к выходу:

– Пойдём.

– Я никуда не пойду.

– Пойдём, – напряжённо повторил он, резко дёрнув меня. Я одёрнул руку обратно. Дима с некоторой злостью посмотрел мне в лицо. – Не выёбывайся, малой. Идём по-хорошему.

– А то что? – спросил я. Мужчина в белой куртке жалобно уставился на меня.

– Не выводил, – сказал он устало, пропустив мой вопрос, и резко вытянул на улицу, где швырнул вперёд, в снег – я не успел собраться и упал.

– Пусти! – я резко встал и толкнул его, но он даже не дёрнулся, и вместо этого ударил меня в живот, от чего воздух из лёгких мигом вылетел, и я снова упал.

– Иди, в машину сядь, успокойся, – говорил Дима сдержанным голосом.

– Сука... – простонал я, лёжа на земле. Кое-как удавалось дышать.

– Будем считать, что я не услышал, – резким движением он поднял меня железной хваткой и повёл к машине. Я плёлся рядом – не было сил сопротивляться.

– Пусти меня туда, – сказал я тихо, когда он открыл дверь, чтобы запустить меня внутрь.

– Сиди в машине, Рембо комнатный. Не кипешуй – они просто перетрут, и всё.

Я медленно потянулся к рюкзаку, где лежал пистолет.

– И рюкзак мне отдай, – добавил Дима, замечая моё действие. – Не хочу, чтобы ты хуйню наделал.

– Ничего я не сделаю...

– Рюкзак, – повторил он уже более грозно, протягивая руку. Я понял, что это не шутки, и что лучше выполнить требование. Поэтому сбросил рюкзак и передал ему. Затем влез в машину. Заметил, что чуть дальше стояла небольшая серая легковушка.

Прошло несколько минут – я всё это время нервно поглядывал то на часы, то на вход, откуда ещё никто не вышел до сих пор. Из другой машины только один раз женщина вышла, но сразу же возвращалась.

Спустя пятнадцать минут раздался тихий выстрел.

– Что это? – спросил я, потянувшись к двери.

– Сиди, – всё так же напряжённо приказал Дима.

– Ты же слышал – там стреляли!

– Сиди. Успокойся. Сейчас выйдут – и разберёмся, – при этих словах Дима достал измятую пачку из внутреннего кармана своего чёрного пуховика, и зажигалку. Затем вытянул сигарету, взял её в рот и поджёг, нажав на кнопку зажигалки и вызвав огонёк.

«Не сопротивляйся. Лучше сиди спокойно», – сказал Голос. И я послушно сидел.

Минуты тянулись медленно, будто часы. Но спустя ещё минут десять вышел Кирилл, держа в руках большой ящик. Дима резко вылез из машины, и побежал открывать багажник. За Кириллом вышел Толик с огромной упаковкой, в которых обычно перевозят крупы или макароны.

– Ну что там? – спросил Дима.

– Всё нормально, – тихо ответил Кирилл. Он погрузил ящик и побежал обратно. Толик, как погрузил, тоже вернулся. Таким образом, они ещё по четыре раза сходили, а затем сели в машину. Мужчина в белой куртке так и не вышел.

– Что там произошло? – спросил я.

– Ничего, – ответил Толик.

– Я слышал выстрел! – возразил я.

– Мы восставшего грохнули, понятно? – ответил он резко.

Я замолчал – он мне врал, потому что там всё было чисто. Но я понимал, что узнать правду сейчас всё равно не выйдет.

«Ты отлично знаешь, что произошло там внутри, и просто так это допустишь? Ты же у нас защитник справедливости в мире, который живёт по правилам джунглей – как так? Будешь мириться? Вот так спокойно?» – спросил Голос. Я не мог ему ответить.

А что я мог вообще сделать сейчас? Уже ничего не сделаешь – только глупая смерть...

«Вот видишь. Это и есть вся твоя справедливость. Одна близкая девочка оказалась важнее, чем двое незнакомых людей».

Толик сел в машину, завёл двигатель. Кирилл тоже залез. Через несколько секунд машина, развернувшись, поехала обратно.

Мы отдалялись, а я смотрел в окно на двери магазина. Лишь только из машины выбралась женщина, когда мы отъехали, и бросилась к дверям, но дальше я не успел увидеть – мы повернули на трассу. Крувир оставался позади, вместе с тем, что произошло в магазине. Мы ехали молча, только звук мотора разрезал густое пространство.

«Он им ничего не сделал...»

Мы приехали в лагерь когда уже почти стемнело. Меня

мутило, ноги дрожали. Мне было страшно. За себя, за Кристину. И вот теперь, когда мы приехали обратно, страх усилился, потому что ощущал себя загнанным в ловушку.

«Если они так с ним, то почему с нами так не смогут?.. Нужно бежать, но куда?.. А если они уже?..»

Как мог, быстро вылез из машины и пошёл к своему дому, быстро соврав что хочу в туалет. Ноги еле двигались. В голове был небольшой туман. Холодно...

– Кристина! – крикнул я с порога, быстро входя в дом. Никто не отозвался. Я ещё больше испугался, прошёл внутрь – она тихо спала за столом на кухне, у печки. Тихонько блестя оранжевыми огоньками сгоревшие дрова в печи. Тяжело повалился рядом на стул и выдохнул. – Испугала...

– А?.. – отозвалась сонно Кристина и улыбнулась: – Костя. Уже вернулся, – после этого она немного потёрла глаза и воскликнула: – Уже вечер? Ничего себе! А я днём как-то уснула... Спать захотела, думала посидеть отдохнуть – и уснула.

Я улыбнулся в ответ.

– Ничего страшного, – погладил её по голове. – Наверное, тёплая печка в сон свела.

– Ты чего? – удивлённо спросила Кристина, уставившись на меня.

– Просто рад тебя видеть, – ответил я, слегка смутившись, а затем встал и вздохнул. – Нам... нам нужно уходить.

– Я знаю. Ты говорил. У тебя план появился, да?

– Нет, ты не поняла... Мы уходим... Сейчас. Надо... надо собираться. И идти. Завтра... или даже сегодня. Даже может и сегодня... Тогда надо сейчас... – я начал проговаривать мысли вслух.

– В смысле? Прямо сейчас?

– Да, – ответил я.

Кто-то постучал в дверь. Я обернулся и увидел входящего Диму.

– Вечерочек, – искусно улыбнулся он. – Не помешал?

Я узнал этот говорок. Ему что-то было нужно. Так приятно говорил, что аж тошно.

– Конечно. Ты что-то хотел? – я решил сразу перейти к делу.

Дима прошёл через зал и встал в проходе на кухню. Я заметил, что его щёки слегка горят и улыбка какая-то непривычно широкая, довольная.

– Костя, пойдём, выпьем, – предложил он.

– Нет. Я не пойду. И ты лучше иди спать... Постой, ты пьяный, что ли уже? – я попытался его слегка подтолкнуть к выходу.

– Да пойдём... – он схватил меня за руку, как в магазине. Кристина в панике подскочила и начала отцеплять его руку.

– Пусти! – сказала она.

– Малая, не бойся, мы быстро, – он странно ухмыльнулся при этих словах.

– Я никуда не пойду, – сказал я упрямо.

– Пойдём, – уже серьёзное сказал Дима. – Толян хочет, чтобы ты с нами посидел. Или ты его не уважаешь?

Я замолчал. Если так, то лучше будет поддаться сейчас: когда они напьются – мы без проблем сбежим. И может даже возьмём машину.

«Да, так будет даже лучше».

– Хорошо. Пойду. Только пусти руку – я сам.

– Так-то, – улыбнулся он. Кристина посмотрела на меня испуганно. Я подмигнул ей, чтобы она успокоилась.

Мы с Димой вышли на тёмную улицу. Я шёл впереди, а Дима позади, слегка шатаясь.

Подходя к дому, я услышал Мишу:

–... это хоть не как в тот раз... с белобрысой майоршей... что у нас ещё тачку угнала... ну, вы помните, да?..

Через несколько секунд я вошёл в тёплый дом, где играла музыка, и горел свет нескольких свечей. Четыре человека сидели за столом, весело смеясь и слушая историю Толика.

–... и я ему такой... – он приостановился, увидев меня. – А вот и наш юный Рембо! Давай-давай, веди его. Садись, сюда. Да ты не бойся, – Толик встал со стула, уступая мне место, и пошёл на кухню. – Сейчас...

Под взглядами и хитрыми улыбками окружающих сел на уступленный стул. Что-то было не так, но я не мог понять, что именно.

– На вот, выпей, – сказал Толик, принеся мне стакан с прозрачной жидкостью.

– Я не буду пить. Спасибо, – ответил я. – Так с вами посижу.

– Выпей, не огорчай меня, – повторил он твёрдо. В его глазах был виден лёгкий туман. – Как там в Библии было? Кто не со мной, тот против меня, да? А мы все тут пьём – или ты не с нами?..

Нехотя взял стакан в руку и немного покрутил его.

– Пей, – сказал Толик, стоя надо мной. Я понюхал – в нос ударил резкий запах. Затем сделал глоток, и огненная жидкость резко обожгла рот и горло. – Пей ещё. Всю выпивай.

Изо рта вырвался кашель.

– Не буду. Сам пей свою водку ебучую, – вырвалось у меня.

– Я тебе сказал «пей», – приказал Толик и сам поднёс стакан к моим губам. Я начал брыкаться, пытался вырваться, но он одной рукой удерживал мои обе руки. Я пытался плевать, но жидкость всё вливалась и вливалась.

Резкий комок подкатил к горлу, но сумел его сдержать. Толик отпустил меня, и я упал на пол, ушибив руку и ударившись головой об деревянный каркас кровати. В голове помутнело.

– Теперь можешь идти нахуй отсюда, – сказал Толик и сел за стол, и остальные начали ржать.

– Смотрите, сейчас пол заблюёт!

– Ха-ха! И это с одного стакана!

Кое-как поднялся и, пошатываясь, побрёл к выходу. На

улице в лицо ударил морозный воздух. Сделал шаг, ещё один, затем ноги резко подогнулись, и меня повело в сторону, а затем сознание отключилось.

* * *

Очнулся от резкой боли в голове.

– Сейчас... бляха... я тебе засажу... – долетели до меня обрывки чьих-то слов. – Ох, кайф, ещё тёплая...

Кто это говорил?

Было очень холодно. Пальцы горели, но я не мог ими пошевелить. К горлу подкатил резкий комок и меня стошнило.

– Блять, ты ещё не сдох? – сказал кто-то недовольно совсем рядом. Послышалась возня, а затем последовал резкий удар в лицо, и я снова потерял сознание.

Новая волна головной боли заставила меня снова открыть глаза. Я лежал на земле, а напротив была Кристина.

– Крис... тина?.. – она смотрела на меня, широко раскрыв глаза, не моргая. Позади неё был ещё кто-то. – Что?.. Ты?.. Крис... тина? – я слегка тронул её, но никакой реакции.

– Блять, ты меня уже заебал, – сказал кто-то позади неё, послышался шорох. Я вгляделся в темноту, сквозь боль напрягая лицо. Это был Барсук. Он пошатывался. Я кое-как встал, посмотрел на Кристину. У неё не было штанов, а на ногах уже посинела кожа. Рядом вставал Барсук.

– Что... – панически вырвалось из меня, и я отшатнулся

назад. – Что?..

Барсук приблизился ко мне, попытался ударить, но я увернулся и ударил в ответ, повалив его в снег.

– Сука, – простонал он.

– ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?! – я прыгнул на него и начал наносить удары по лицу. – ЧТО. ТЫ. СДЕЛАЛ?

«Убей его. УБЕЙ».

Удар, ещё один, и ещё, и ещё... Его окровавленное лицо уже было неживым. Я встал, пошатываясь, и подошёл к ей, упал рядом на колени, потрогал – она была вся холодная и... мёртвая.

По лицу текли слёзы.

– Кристина... – я приподнял её и приобнял, прижимая к своей груди её голову. – Пожалуйста, Кристина... почему... не оставляй меня... Нет... Так не должно быть...

Её тело было тяжёлым. Неестественно тяжёлым.

– Почему? – простонал я, рыдая.

«Я тебя предупреждал, – сказал Голос. – Это из-за тебя. Все умирают, кто сближается с тобой».

– НЕТ!!! – закричал я, зажимая уши руками и выпуская маленькое тело – она тут же упала. Я мгновенно её поднял. – Извини. Извини меня... это... да... это всё моя вина...

Взглянул в сторону – туда, где лежал Барсук. Снег вокруг был красным.

– Извини меня... Я... я должен был... но не смог. Я привёл тебя... Зачем?.. Зачем я вообще полез тогда?.. Я ... – ак-

куратно опустил её обратно на землю и вытер слёзы, – отомщу. Они... сука... нет... НЕТ!.. Я убью их. Убью всех их. Они все... да. Все...

Рядом лежал автомат – видимо, Барсука. Взял его. Руки тряслись. Откуда-то сзади, недалеко, шла музыка – пошёл туда.

– Они заплатят... Заплатят... За всё заплатят... – повторял я, как заведённый.

Подошёл к воротам.

– Костя? – спросил дозорный – Миша, затем приподнял автомат, но я оказался быстрее и, вскинув быстро ствол, выстрелил – он пошатнулся, а затем перевалился через ограждение и свалился вниз.

Перекинул автомат, затем сам перелез через забор и оказался внутри. Пошёл сразу в сторону дома Толика.

– Ты?.. – не успел договорить Ваня, выходящий из дома, как и его тело повалилось.

Зашёл внутрь. За столом, пьяные, спали Кирилл и Дима, уткнувшись в тарелки. Толика не было. Повсюду была разбросана еда. Из машины во дворе играла музыка. Постель была смята. Я держал автомат наготове. Толик лежал на кровати со спущенными штанами. Рядом были джинсы, куртка, трусики Кристины и несколько пятен крови.

Несколько секунд я стоял в оцепенении.

– Сука... – я подошёл к нему и, схватив, кинул на пол, при этом держа на прицеле автомата. – Вставай, тварь! Про-

сыпайся, блять! НУ!

Я бил его по лицу, и через несколько секунд он открыл глаза.

– Что?.. – прохрипел он. Я отпрянул.

– Ну, сука, просыпайся, – процедил я сквозь зубы и слёзы. – БЫСТРО! – ударил его в живот ногой.

– Чё за нахуй? – спросил Толик, тяжело поднимаясь. – А?.. Костя? Ты не сдох что ли?

– За что? – спросил я. – Почему она? Что она вам сделала?! НУ, СУКА, ОТВЕЧАЙ!

Толик улыбнулся. Зловеще улыбнулся. А затем засмеялся.

– ЧЕГО ТЫ РЖЁШЬ?! – злость во мне кипела. Я прострелил ему левое колено, и он резко упал на колени, разливая повсюду кровь. – ЗАЧЕМ?

Толик продолжал смеяться, хоть уже и вперемешку со стоном.

– ГОВОРИ, БЛЯТЬ, иначе я... иначе я и второе тебе прострелю! Я не шучу нахуй.

– А смысл? Ты уже решил меня пришить. Скажешь «нет»? Да и причина есть, – тут он резко пододвинулся, вплотную прижимаясь лбом к стволу и улыбнулся, оголяя окровавленные зубы, – так давай! Шмаляй! Ну!

Отпрянул в сторону, и он снова залился смехом:

– Нихуя ты не можешь...

«Прострели ему второе колено».

Не выдержал и выстрелил. Он полностью повалился на

пол, заливая всё кровью и стоная. Но при этом продолжая смеяться.

– Сука... – прохрипел он.

– ЗАЧЕМ?!

– «Зачем»? – повторил он, стоная. – Потому что я могу, понял?! Потому что... захотел. И она была такой... Ты бы видел её лицо, когда она сосала, – он снова залился хохотом, вперемешку с этим кашлял кровью. – О-о, я бы сделал это снова даже не задумываясь... Надо было раньше тебя ебашить.

Следующий мой выстрел оказался в его пах.

– Блять!.. – крикнул он и весь сжался.

Я достал нож из чехла. Его крики даже доставляли мне удовольствие.

– Вы... вы... скоты. Вы, блять, не люди... и не животные... Вы забрали у меня всё... – я опустился рядом с ним на колени, положив автомат у двери.

– Чё ты там вякаешь? Чё тебе надо?! – теперь он испугался. Вокруг столько было крови, а он всё не отключался.

Я начал оставлять ему порезы в разных местах. Полоснул по левой ноге, по правой... Он попытался отбить рукой, но я вонзил лезвие ему в ладонь по самую рукоятку.

– НАХУЯ?.. – кричал он. А я надавил на нож, выпуская алую струйку. – ИДИ НАХУЙ! УБЕЙ МЕНЯ ПРОСТО!

– Нет... – тихо сказал я. – Ты так просто не умрёшь... Нельзя.

Не знаю, что со мной произошло, но я не хотел его убить – мне хотелось причинить как можно больше боли.

– Ты причинил боль Кристине – я причиняю тебе. Ты причин тому мужчине боль – я причиняю тебе. Это расплата, – с этими словами я выдернул нож, и глубоко вонзил его ему в живот. Теперь с каждым вздохом из его брюха вытекало немного крови. И, несмотря на это, он всё ещё не отключался. Внезапно вспомнил один отрывок: – Как там было в Библии? Взвзввший меч, мечом умрёт, да?..

– УБЕЙ!..

– Нет...

Я вонзил нож ещё раз, и ещё... и ещё, и ещё... и делал это, пока он не перестал дёргаться. После этого выронил лезвие и заплакал, размазывая кровь на руках по всему лицу. Затем встал, поднял пистолет, который лежал рядом, и на выходе просто прострелил головы Кириллу и Диме – они дёрнулись, а затем мёртвые тела, скатившись, повалились на пол.

Внутри меня была пустота. Ни злости, ни боли – ничего. Будто мигом перестал чувствовать. Точнее, почти ничего – оставалась только грусть. Хотелось бежать и плакать, но это никак не помогло бы.

Приоткрыл ворота и вышел из деревни, пошёл в ту сторону, где лежала Кристина. Не мог так просто оставить её. Она лежала в небольшой ямке, чуть засыпанная снегом. Снова упал рядом и плакал, прижимая её маленькую мёртвую голову к себе.

– Я отомстил, – прохрипел я.

Через какое-то время услышал тихое хрипение, а затем тело Кристины дёрнулось, и её глаза открылись – на меня смотрели два стеклянных бледных шара. Она слабо постанывала, но синие пятна уже появились и на её лице.

– Нет... нет... – простонал я, доставая пистолет. Это был конец, причём самый худший. Но я не мог позволить ей остаться такой. – Почему?..

Приставил ствол к её маленькому лбу и выстрелил. Теперь она была покойна навсегда.

Посмотрел на пистолет: я не хотел больше жить.

«Ну, давай! Выстрели! Освободи себя!»

Я приставил пистолет к виску. По лицу текли слёзы. Руки дрожали. А затем спустил курок – послышался тихий шелчок. Нажал ещё раз, и ещё – ничего.

– За что?.. – я посмотрел в тёмное ночное небо, откуда в танце спускались крохотные снежинки. – Разве я что-то плохое делал? За что?.. Что ты хочешь?!

– Ты этого хотел? – спросил мальчик позади меня, положив руку мне на плечо. Это был Максим.

– Почему он не работает?.. – тихо спросил я, глядя на пистолет.

– Пойдём, – сказал он.

– Я не могу. Я не хочу. Кристина...

– Костя, не забывай о том, что где-то там может быть твоя мама. Или ты уже забыл? Разве ты не хотел её найти?

– И?.. Зачем? Я ничего не хочу. Оставь меня. Я лучше с ней здесь останусь.

– А она бы хотела? – Максим кивнул на Кристину. – Она хотела бы, чтобы ты умер здесь? Или чтобы ты попытался найти свою семью? Тем более, что больше у тебя действительно ничего не будет.

Посмотрел ещё раз на мёртвое лицо Кристины. Молча кивнул, аккуратно положил её и начал вставать.

– Тогда пойдём. Нам... нам нужно идти.

– Извини меня, Кристина, – я встал и обратился к мальчику. – Стой.

– Что такое?

– Не могу так уйти. Надо... надо её похоронить, – перенёс маленькое тельце в яму, а затем засыпал снегом. – Пусть хоть так. Прости меня, и прощай. Надеюсь, там тебе будет лучше, чем здесь. Спи спокойно. Теперь ты не будешь страдать.

Постоял несколько секунд и вытер слёзы. Максим взял меня за руку и потянул за собой.

– Куда мы?.. – ноги еле слушались.

– Делать последнее дело, – ответил мальчик.

Мы прошли в деревню, затем в дом, взяли мой рюкзак и ещё немного еды.

– Если ничего не найду – покончу с собой, – решил я.

– Посмотрим, – ответил мальчик. Мы закинули вещи в кузов Толиной машины, а затем сели, и я впервые сел за руль. Водить оказалось несложно. Тем более, Максим знал, как это

делать.

Мы ехали навстречу темноте впереди, слегка разгоняя её фарами, а по бокам тихо падал снег. Мир для меня остановился от того, что потерял сегодня. Максим же молча смотрел в окно, а мёртвая девочка лежала под небольшим слоем снега где-то позади нас.